

Алексей Курбак

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КОРОЛЕВСКИЙ ДЕСЕРТ

18+

Алексей Михайлович Курбак

Королевский десерт

Серия «Квест на выбывание», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69263791

SelfPub; 2023

Аннотация

В современном мире жить непросто, а умереть – легко. Люди, особенно мужчины, совсем себя не берегут. Ежедневно, ежечасно с ними происходят несчастные случаи, в том числе непоправимо гибельные – отказывают тормоза, рули, подводит страховка в горах и при погружениях. Кроме того, нередки и добровольные уходы из жизни – от ее проблем, неурядиц, тоски. А потенциальный самоубийца, задумав собственной рукой оборвать тонкую нить жизни, от своего намерения уже не отступит... Криминальный репортер ничего не принимает на веру, стараясь найти невидимую другим взаимосвязь казалось бы разрозненных событий. Куда приведет погоня за сенсацией и поиски призрачной истины? Кто знает, кто знает...

Содержание

Глава первая	8
август 2016, остров Котлин	8
август 2016, остров Котлин	12
Глава вторая	19
август 2016, остров Котлин	19
октябрь 2015, Киев	24
август 2016, остров Котлин	27
Глава третья	37
август 2016, остров Котлин, Ижора	37
Глава четвертая	49
август 2016, Ижора	49
Глава пятая	59
август 2016, Санкт-Петербург	59
август 2016, Санкт-Петербург	65
Глава шестая	70
август 2016, Санкт-Петербург	70
август 2016, остров Котлин	73
Глава седьмая	84
2010, Нью-Йорк	84
Август 2016, остров Котлин	92
Глава восьмая	95
август 2016, остров Котлин	95
апрель 2016, Москва	99

Глава девятая	106
август 2016, Санкт-Петербург	106
август 2016, остров Котлин	117
Глава десятая	120
октябрь 2015, Киев	120
2009, Нью-Йорк	125
октябрь 2015, Киев	130
октябрь 2015, Киев	133
Глава одиннадцатая	141
2009, Нью-Йорк	141
август 2016, Санкт-Петербург	145
Глава двенадцатая	154
август 2013, Аркашон	154
август 2016, Санкт-Петербург	163
Глава тринадцатая	167
2014, Лас-Вегас	167
август 2016, Санкт-Петербург	171
2009, Нью-Йорк	174
Глава четырнадцатая	185
май 2016, Псков	185
август 2016, Санкт-Петербург	191
Глава пятнадцатая	195
2009, Нью-Йорк	195
Глава шестнадцатая	207
август 2016, Санкт-Петербург	207
июнь 2016, Одинцово, Подмосковьё	212

Глава семнадцатая	223
2009, Нью-Йорк	223
август 2016, Москва	228
Глава восемнадцатая	235
2010, Нью-Йорк	235
сентябрь 2016, Подмосковье	239
Глава девятнадцатая	244
2010, предместье Нью-Йорка	244
сентябрь 2016, Одинцово	250
сентябрь 2016, Одинцово	255
Глава двадцатая	257
сентябрь 2016, Псков	257
2014, Атлантика, сто миль северо-восточнее острова Антигуа	261
сентябрь 2016, Санкт-Петербург	266
Глава двадцать первая	269
2015, штат Мичиган	269
сентябрь 2016, Киев	273
сентябрь 2016, Киев	278
Глава двадцать вторая	280
сентябрь 2016, остров Котлин	280
сентябрь 2016, Новгородская область	287
Глава двадцать третья	297
сентябрь 2016, Санкт-Петербург, Смоленск	297
сентябрь 2016, Красноярск	305
сентябрь 2016, Красноярск-Санкт-Петербург	315

Глава двадцать четвертая	320
сентябрь 2016, Петрозаводск	320
сентябрь 2016, Карелия	326
сентябрь 2016, Санкт-Петербург, Карелия	329
сентябрь 2016, остров Котлин	339
Глава двадцать пятая	343
октябрь 2016, Санкт-Петербург	343
октябрь 2016, Санкт-Петербург	349
Глава двадцать шестая	353
сентябрь-октябрь 2016, Санкт-Петербург	353
октябрь 2016, Санкт-Петербург	360
1995-2016, Санкт-Петербург	363
Глава двадцать седьмая	371
октябрь 2016, Санкт-Петербург	371
октябрь 2016, Санкт-Петербург	377
Глава двадцать восьмая	382
октябрь 2016, Санкт-Петербург	382
Глава двадцать девятая	390
октябрь 2016, Санкт-Петербург	390
Глава тридцатая	404
октябрь 2016, Нью-Йорк	404
Глава тридцать первая	439
октябрь 2016, Нью-Йорк–Москва	439

Алексей Курбак

Королевский десерт

Слова графа Толстого о счастливых и несчастливых семьях применимы и к женщинам: женское счастье у многих сходно, а вот беды, страдания и обиды разнятся, порой существенно. Объединяет их одно – женщина в запредельном горе перестает быть хрупкой и податливой. В ней возникает сверхпрочный стержень, который не согнуть и не сломать никому и ничему. Как вольфрамовый сердечник в бронбойном снаряде.

Не обижайте женщин. Не надо!

Глава первая

август 2016, остров Котлин

«Холодно уточке в озере одной,
Птичку-малюточку взяли мы домой.
Песню веселую уточке споем,
В печке-духовке согреем мы ее.
Крылышки, грудка и ножки хороши...
Милая утка, спасибо от души!»*

Тепло. Тихо. Чуть пасмурно. Дождь собирался-собирался, да так и не пошел. Зелень уже не яркая, трава кое-где пожелла, березки с осинками и кустами олешиника местами начинают желтеть... Стрекоз совсем не видно. Поздний август.

С точки зрения утки – лучший месяц в году, а остров Котлин – рай на земле. Топкие болота и неглубокие пруды, изобилие жучков-паучков-червячков, в том числе вкуснейшие комариные личинки. Дивный густой ил. Полное отсутствие лисиц, коршунов и прочих кровожадных. Кошки не считаются – их тут немного, и плавать не умеют. Если бы сыскался желающий перевести с птичьего языка слово «Красота», вышло бы примерно так: «Есть вода и нет кота – вот что значит крясота!»

Коршуны страшнее лисиц и кошек, вместе взятых – от них

спасенья нет. А в этом году повезло, спасибо дачникам. Один из земледельцев развел каких-то особенно ценных цыплят, и семейка пернатых хищников мигом приметила, подглядела из-за тучки. Глазастые разбойники успели стащить штуки три, а потом обиженный птицевод повесил хитрую сетку.

Осиротевшие коршунята от голода разорались, а зря... Их услышали пролетавшие поблизости сороки. Белобокие трещотки кажутся безобидными только несведущим людям. Даже одна сорока способна отбиться от ястреба, а стаяй они опасны для всего живого, включая кошек и собак. Поэтому бедные птенчики пищали недолго...

Островные пруды всегда были для уток краями обетованными. Неброская красота, легкость полета и плавания этих озерно-болотных обитателей севера и средней полосы не слишком привлекают художников, а вот охотникам почему-то очень хочется подшибить одну-две, еще лучше пяток-другой сереньких птичек, желательно на взлете, когда они только-только оторвались от воды. Такое убийство почитают особым шиком. Там есть-то нечего – перья да кости, жилистые крылышки... Еще и о собственную дробь зубы обломаешь. Но – трофей!

К утиному счастью, в местном заказнике охота категорически запрещена, рыбакам ловить нечего. Способствуют безлюдью и тучи мошек-кровососов. Серой Крякве выпала удача: весь ее выводок, все десять пушистых комочков, вылупившихся в июле, выжили, окрепли и готовились вскоре

стать на крыло. О своем двойном имени мать-героиня не догадывалась. Эта птица была обычной дикой уткой. Их вид так и называют – «серая».

Человек, наблюдавший за жизнью семейства, комариных укусов не боялся, привык. Он не был ни охотником, ни художником, да и вообще – никем. Прошлое давно прошло, а в нынешней жизни его звали Коля. Коля-Блесна. Сегодня он, удобно разместившись на кочке, созерцал процесс обучения утят уму-разуму. Для взрослой утки подобрал подходящее имя «Кряква». Мама показывала подрастающим детишкам различные тонкости промысла, те копировали, ныряли и попутно подкреплялись, выставляя напоказ попки и болтая перепончатыми лапками.

По ходу урока один птенец, самый крупный и подвижный, со смешным хохолком на головке, то и дело отбивался от стаи, вызывая недовольные окрики родительницы. Все как у людей. В каждой школе и каждом классе отыщется такой сорванец.

Наблюдатель совмещал эстетическое удовольствие с гастрономическим: периодически прикладываясь к горлышку, закусывал печеной картошкой. Незамысловатые самодельные куплеты (*) на мотив «маленькой елочки» уплывали из памяти, а записать нечем и не на чем. Жаль... В замутненном сознании мелькнуло: «А не пойти ли в поэты? Им за такое вот, между прочим, денежки платят... Еще лучше – тексты сочинять, для звезд эстрады. Только лень пока. Позже».

Мысли невольно потекли в ловчем направлении. «Вот бы поймать утку, зажарить и съесть! На червяка... А? Но для этого надо иметь хотя бы удочку. Сетью тоже можно, теоретически. Так ведь и сети нет... А поймаешь – птица не рыба, придется убивать, ощипывать, потрошить... Бр-р-р! Нет уж, пусть плавают. Они меня не трогают, и я их не буду».

Тепло, мягко, тихо... Негромко посвистывают утята, им вторит хлопотливая мамаша... Задремал.

Идиллию прервало заполошное: «Кря-кря-кря! Кря-а!!», последовавшее за непонятным звуком, совершенно чуждым окружающей природе.

август 2016, остров Котлин

Димону, с его врожденным плоскостопием, разные бега-прыжки в детстве и юности были недоступны, и отчасти поэтому спортом он не увлекался. Плавание не подходило из-за отвратного хлорного духа в бассейне, велосипед отпугивал натирающим некоторые места седлом... Бокс? Бить по морде – приятно, а вот получать – увольте! Борьба – примерно то же самое, да еще и уши ломают...

Когда появилась возможность, объем, форму и тонус рельефной от природы мускулатуры накачивал и поддерживал тренажерами. «Тягать железо» было скучно, но необходимо – для авторитета, чтобы быть или хотя бы казаться сильным, мужественным... Вожаком. Для пацанов. А для телок – совсем по-другому... Да, совсем. Ради этого стоит жить. И не стар еще, а уже есть чем гордиться, хотя он не гордый. Бывало занятно... А сколько еще всякого будет!

Так называемый здоровый образ жизни Дима Тришин всегда откровенно презирал. И его приверженцев, наряду со спортсменами всех видов. Уродоваться ради побрякушек, выстебываться перед трибунами – ни за какие коврижки. Единственно возможному, крутому спорту поспособствовал Оксфорд. Оказавшись там, русский студент поначалу растерялся. Один, без привычного подобострастного поклонения зависимых сверстников, без элементарного знания язы-

ка... Как он выжил? Ничего, привык, понемногу поднялся. На третий год пристрастился к парашюту. И – уже навсегда. Недешево, но настоящий кайф и должен стоить денег. Когда летишь с нескольких тысяч, адреналина просто немерено – нигде столько нехватишь. Альпинисты, взобравшись на самую верхотуру, тоже балдеют. Но это ж сколько надо своего пота пролить, да и чужого (фу, гадость!) понюхать.

А тут – на самолетике, вертушке тебя поднимут выше любого Эвереста, и вперед! Когда затяжку освоил, вообще чудо. Свистишь полторы минуты, можешь покрутиться, головой вперед, ногами... Как рыба в воде, но она-то безмозглая. Скорее, как птица, сокол или беркут на охоте! Кайф, другого слова для этого ощущения нет и быть не может. И еще: лучше заплатить больше, но лететь и прыгать одному. Иногда, правда, Димон подбирал себе напарника, вернее, напарницу.

Прыгнешь вдвоем с такой фифой, она-то строит из себя крутую... Но, когда держишь ее за руки до последнего, становится видно, как за очками глазки от страха по блюдцу делают. Потом отпихнешь, а надо посильнее, иначе, не дай Бог, слипнешься куполами. Она раскроется, а ты считаешь еще до пяти, чтоб видела – ты не дрейфишь, а при снижении надо к ней поближе держаться. И садишься раньше, свое крыло мигом уберешь, тут и она. Шлепнется, а ты рядом. Помогаешь с куполом управиться, а у нее слезы градом, поджилки трясутся, ручки ходуном ходят... Очко, оно не железное. Редко какая вспоминает элементарное: до земли заты-

нуть ни у кого не получится, автомат раскрытия запасного парашюта в любом случае срабатывает на трех сотнях.

С аэродрома он предлагал подвезти. При виде кабриолета марки «Феррари» красотки обычно соглашались без долгих уговоров. Но он умел быть и обходительным, небесные шалости сводил к смеху, объяснял про запаску. Дальше – легче, и поехали, если не прямо к нему, то в одно местечко – с сауной, бассейном, спецкабинетом... Чаше все-таки на Васильевский, в его шикарную хату с пятиметровым потолком, лепниной, камином, медвежьими шкурами перед ним. Все готовил заранее, только спичку поднести. Живой огонь, антураж... Ни одна еще не отказала. После перепада эмоций игры шли на сто пятьдесят процентов, во всех позах. Изящно.

Сегодня, похоже, намечалось именно такое дельце. Дамочка, сама напросившаяся в напарницы для очередного затяжного прыжка над Кронштадтом, была неплоха. Может, чуть тоща, но ведь парашютистки – они жирными да изнеженными быть не могут по определению. А бюст вполне выражен, размер не меньше третьего, тут он практически не ошибался. В плане дальнейшего – очень даже ничего. Перспектива обнадеживала, поэтому и взял, а она смотрела так, будто готова с ним на край света, и заговорила первой, непринужденно и открыто.

–Здравствуй!

– Привет! Мы знакомы?

– Давай знакомиться. Я – Джулия.

– Дима. А что, мы сразу на «ты»?

– О, сорри! Я не очень хорошо говорю по-русски. У нас не принято сказать «Вы», в английском нет такой разницы. Я могу и на «вы», если хочешь.

От ее легкой полуулыбки он почувствовал какое-то непонятное волнение. Неужели сама хочет чего-то... какого-то приключения? Это было бы классно! А он, лопух, и не понял – у нее ведь явно акцент. Американка? И продолжил уже по-английски.

– Рад видеть тебя здесь. Если хочешь, буду твоим гидом в нашем небе. Ты прыгала когда-нибудь в России?

– Нет, только в Лондоне.

– Какое совпадение! Я тоже начинал там, пятнадцать лет назад.

– О, да ты ветеран! Я прыгаю только три года. Выпьешь кофе?

Пить совершенно не хотелось, но англичанка уже достала из изящного «перемета» термос, открыла. Аромат показался чудесным, и он с удовольствием выпил предложенную крышечку-стаканчик. Кофе понравился – горячий, крепкий, с острым пряным привкусом. А через четверть часа, уже по пути к самолету, случился небольшой конфуз. Такого с ним не бывало. Есть такое выражение «подвело живот»... слабовато сказано. От невероятно сильного позыва его даже пробил пот.

– Извини... Подожди меня, одна минута... Мне надо, – он кивнул в сторону расположенного в паре сотен метров специфического «домика».

– Нет проблем. Давай, – новая знакомая жестом предложила снять парашютный ранец.

Сдерживаясь изо всех сил, едва не бегом добрался до цели. Ну надо же, блядь, не хватало только «медвежьей болезни», да на глазах у залетной иностранки! Управившись, скорым шагом вернулся. Она сидела на его ранце. Поднялась, посмеиваясь, помогла заново привести амуницию в порядок.

– Все в порядке? Ты какой-то бледный... Держись, ветеран!

– Ладно-ладно, посмотрим, кто дольше затянет!

– О'кей!

Когда самолет набрал максимальную высоту и лег на курс для выброса, он «по обычаю» обнял партнершу, а она, не отвечая на объятие, положила руку на его плечо, развернула и скомандовала: «Реди? Гоу! Вперед!» Отлично, сейчас я тебе устрою аттракцион. А уж внизу, само собой...

– Ну, до встречи на земле?

– Скорее под ней.

– Не понял...

– А чего тут не понять. В аду, Тревилль!

Он, не ожидавший последовавшего толчка, вывалился в открытую дверь. Выпускающий ничего не сообразил, подумал – играют ребятишки... Ну и пожалуйста – все пропла-

чено, забавляйтесь на здоровье.

Раскинувшись «звездой», чтобы по возможности снизить скорость и дожидаться летящую следом напарницу, Дмитрий вдруг понял причину своего удивления. Или испуга? Ей не полагалось, она не должна, никак не могла знать им самим выбранное старинное прозвище. Никто не называл его так без малого двадцать лет, да и тогда это позволялось только «мушкетерам» и «Миледи».

Догнала. Он попытался приблизиться, поймать за руки. Не далась, умело ушла в сторону, потом повернулась лицом, поглядела в глаза и подмигнула – подмигнула, совершенно определенно! И, раскрыв парашют намного раньше согласованных шестидесяти секунд, ушла вверх. Точнее, это он ушел, только вниз. Решив – черт с ним, сроком, тоже дернул основное кольцо.

Купол вышел, но скорость падения почти не уменьшилась. Что за хрень?! Мгновенно достав и выщелкнув стропорез, глянул вверх. Вместо привычного надежного яркого красно-синего крыла – бесформенная тряпка... Нет полного раскрытия? Отказ! И не перехлест, не перекрут строп. Бывает... Правда, с ним пока ни разу, но ведь все когда-то случается впервые... Не раздумывая, понимая – осталось мало времени, отшвырнул бесполезный нож, рванул отсечной шнур, сбрасывая нераскрывшийся купол. Потом, не полагаясь на трехсотметровый автомат, кольцо запаски. На ней будет трудно дотянуть до площадки приземления, но это

ерунда, выловят, даже если угодишь в пруд. Хоть в залив. Жилет есть, не пропадем.

Ожидаемого хлопка, рывка не последовало. И опять над ним, вместо спасительного желтого прямоугольника – странный, нелепый ком. В чем дело? Почему?! Сквозь панику молнией вспыхнуло: она! Эта сучка что-то сделала с парашютом, пока он дристал, как сопливый щенок. В последние мгновения жизни, ощущая непроизвольное потепление в штанах, он успел заорать, срывая голос в раздрающем рот потоке плотного, почти твердого от бешеной скорости воздуха: «Сука!... Сука!! Су-у-ка-а-а-а!!!...»

Глава вторая

август 2016, остров Котлин

Грубо вырванный из объятий нирваны, Коля вспомнил давнишний анекдотический диалог в поезде: «Что упало?» – «Шуба!» – «А почему так грохнуло?» – «Мы в ней были...» Что упало, то пропало. А может, наоборот, прибыло? Сверху – значит от Бога? А если нет, то – откуда? Заинтригованный слившимися воедино тяжелым ударом и сотрясением почвы, Блесна с трудом поднял веки и некоторое время пытался отделить скуку яви от сладости грез. А крик перед тем – пришился или был на самом деле?

Во сне он, молодой веселый Колька Дружинин, красавец-мичман, шел под руку с будущей женой Катериной по Невскому, любуясь звездами праздничного салюта.

И будто не было двух десятков пустых и страшных лет. Не было сладкой службы на берегу, таллиннской школы мичманов. Эвакуации, фактически бегства из приморской столицы, к вековому названию которой медлительные аборигены быстренько добавили лишнее «Н». Не было бесконечной мучительной зимы Североморска, короткого счастья в крохотной квартирке с толстыми кирпичными стенами и окнами-бойницами здесь, в Кронштадте. Не было сытой рожи

капитана первого ранга, объявившего: «Вам приватизация жилплощади в гарнизонном доме не положена. Не имеете права!» А ровно месяц спустя – вышвыривания их, всей семьи с двумя детьми, на улицу. Потому что приватизация возможна, но не для них, а для некоего контр-адмирала политической масти.

Не было многодневного пикетирования морштаба с такими же, как он, горемыками, патрульного выкручивания рук и ночевки на «губе». Совместного согревания спиртом, тягостных семейных бесед, больше похожих на скандалы. Его обещаний все наладить, устроиться как-нибудь, на худой конец в дальнобойщики, у него и права есть. Надо потерпеть, побороться... И финальной жениной фразы: «Да пропади она пропадом, твоя борьба вместе с тобой!»

С тех пор они – где-то там, в станице на Ставрополье. Живут, как могут, без него. Не едят, не звонят – куда ему звонить-то? И писать... Он тоже не ест, не звонит. Знает куда, но – зачем? Да и стыдно.

Метеорит? Межпланетный снаряд? Там, на Марсе, зелененькие с рожками наконец разглядели – не все ладно на соседке-Земле, и решили начать исправление ситуации, например, с Питера. Слегка промазали, при такой дальности немудрено.

Ага, метеорит. Не похоже – Коля, оглядевшись, заметил нечто, явно несвойственное пришельцу из космоса. Оно скорее ассоциировалось с успешным надоесть монотонным

жужжанием, доносившимся от искорки, мелькавшей сквозь начавшую редеть листву. Высоко забрался, не разглядеть. Парашют? Он самый. Желтый и какой-то скомканный. Ему, «гражданину без определенного места жительства», не первый год обретавшемуся в этой малопригодной для жилья местности, было прекрасно известно: все летающие штуки и все с ними связанное здесь принадлежат аэроклубу под морским названием «Альбатрос». Значит, скоро явятся законные хозяева и уволочут свое имущество. Стало быть, времени нет. Точнее, есть, но немного. Надо действовать быстро.

Какую бяку-закаляку скинули с гудящего где-то высоко аэроплана, нам дела нет. А вот изрядный лоскут прочной и долговечной материи – сгодится. Не тратя времени на лишние раздумья, Блесна двинулся к месту приземления небесного дара, на ходу извлекая из кармана всепогодной телогрейки неразлучный выкидной ножик-«лису» с истончившимся от многолетней точки лезвием.

У ножа своя история. Получив его в подарок к мичманским погонам, сдуру кромсал острейшим новеньким лезвием все подряд – от бумаги до проволоки, и вскоре затупил. А восстановить былую нержавеющую остроту удалось далеко не сразу. Учился долго, использовал разные камни-точила, пока не нашел один. С тех пор носил с собой, как и нож. Увидев как-то в полночь на кухне усердно чиркающего мужа, соскучившаяся по ласке Катя выдала казацкую мудрость: «Если слишком долго точишь шашку, получится спица. Не

хочешь идти воевать – сиди и вяжи!»

Связать «лисой» при любом желании ничего бы не удалось. А разрезать – легче легкого. Парашют, видимо, цеплялся к большому черному блестящему мячу, видневшемуся в яме под вывороченным гнилым пнем. Самого дерева давно не было – пошло на дрова, остались пень и яма от корней. Мяч – совсем не мяч, а какой-нибудь зонд.

Кое-как скрутив лежавший блестящей грудой ярко-желтый шелк (а может, капрон), Блесна собрал в пук упругие, скользкие веревки-стропы, подтянул, сколько смог, и одним движением отрезал. И только после этого взглянул туда, где эти самые веревки начинались. В яме, почти доверху наполненной зеленой болотной грязью, лежал человек.

Поначалу принятый за мяч или зонд черный шар оказался пластиковым шлемом. Вот те раз! Наполовину вытащенный Колиным рывком из болотной жижи ранец, скрывавший крепления строп, опять ушел в грязь. При мысли о том, на чем сей «рюкзак» надет, Блесну замутило. Не хватало только выдать наружу все недавно выпитое с закусью в придачу!

О судьбе обеда заставил забыть приближающийся гул. Летят! Ищут потерю, молодцы-красавцы... Сказавши «А», от «Б» никуда не деться. Коля стремительно накрыл предательский желтый ком своим телом, как Матросов амбразуру. Остатком военной смекалки бывший мичман понимал: окажись сверху летящий медленно и низко вертолет, его примитивная хитрость ничего не даст. А легкий спортивный само-

лет для поисковых работ не предназначен: обзор не ахти, а скорость, напротив, весьма приличная.

Его, грязно-серого на грязно-зеленом, примут скорее за пень или валун, чем за бесстрашного героя. Белая с красным стрекоза стремительно пронеслась метрах в ста над болотцем, ямой, шлемом, Колей и умчалась в сторону моря. Уплыла и утка, уводя неразумных детишек подальше от людей и всего с ними связанного. Правильно, правильно, от нас, двуногих, добра не жди. На ближнем краю пруда крутился только любопытный хохлатый утенок, да и тот, услышав особо громкий материнский призыв, удалился.

Удалился и Коля. Уже без особой спешки упаковал драгоценную находку потуже, крепко связал стропами и зашагал к шоссе, ведущему в Крепость. План дальнейших действий зрел по ходу и казался вполне осуществимым. Уже с обочины снова увидел низко пролетевший над заказником самолетик другой расцветки – бело-голубой. Летает кругами, жужжит. Ищите? Ищите. Кто ищет, тот найдет... если малость повезет.

октябрь 2015, Киев

Свое имя – вот чего он никак не ожидал услышать. Тем не менее именно оно побудило его сделать последний шаг в жизни. Знак! Вот он, наконец...

Петр Никитович никогда не торопился. Четко соблюдал одну из древнелатинских мудростей, коими обозначал правила ходьбы по жизненной стезе: «Festina lente». Торопись медленно. Не суетись. И старайся не давать никому возможности упрекнуть в опоздании.

Поэтому, хотя на службу в муниципальной конторе, ведавшей учетом и расходом электроэнергии (в прежние времена «Энергосбыт») полагалось прибывать к девяти утра, он обычно был на месте уже в восемь с минутами. Зато успевал не спеша попить чайку с прихваченным из дому бутербродом, поболтать с вахтершей Павловной, просмотреть новости в Сети.

И приходящую минуту в минуту начальницу встретить у дверей с какой-нибудь малозначащей бумагой в руках и озабоченным выражением на лице. Мелочь, а приятно...

Ей, заходящей в кабинет, всегда говорил одно и то же: «Ничего-ничего, это терпит...» Но буквально через пару минут, получая подпись, устаивался поощрительного руководящего кивка. Подхалимаж? Отнюдь. Просто образцовое выполнение производственного долга.

На метро он садился всегда в одно и то же время, на одной и той же платформе, в полутора метрах от края ее крытой части. Поезд, вырвавшийся из-под земли со скоростью сорока километров час, на три четверти состава проносился мимо него, потом со скрипом тормозил, и он оказывался как раз напротив второй двери предпоследнего вагона. Пунктуальный пассажир входил, усаживался опять же на одно и то же сиденье, проезжал метро-мост, шесть станций... Рутина. Скучное ежедневное повторение не вызывало у него ничего, кроме тихого удовлетворения: все идет, как обычно. Как положено.

А когда-то, давным-давно, Петя поступал совсем не так, как полагалось семнадцатилетнему пареньку, но об этом главный инженер главного столичного энергопредприятия старался не вспоминать. Было, да прошло. Кто не дурил в молодости? Но он отбросил, убрал, забыл все прошлые неприятности. Значит, можно считать, этого и не было!.. И Бог, творец всего сущего, не может не заметить искреннего раскаяния. Который год три дня в неделю он проводит в Лавре по несколько часов, Успенский собор знает как родной дом, Всенощную выстаивает, посты блюдет, Писание выучил наизусть. Если прощен, будет ему знак.

В то утро он, как всегда, остановился на «своем» метре платформы. До поезда не более минуты, интервал в «пиковые» часы соблюдался строго. А когда из тоннеля уже потянуло ветерком и показался свет фар, с противоположной

платформы, через пути, его вдруг окликнули. А может, не его? Нет, его, его! И позвавшая показалась смутно знакомой. Где-то он ее видел...

«Петя?... Петя!...» Он, как и любой человек на его месте, взглянул на нее. А взглянув, пытаясь узнать, вспомнить, сделал шаг вперед, за ограничительную линию. Машинист прибывающего состава дал предупредительный сигнал, сирена рывкнула оглушительно и грозно. Стоявшие рядом пассажиры смотрели кто на поезд, кто в сторону позвавшей женщины... И никто не увидел, как сзади в спину его толкнула чья-то рука. Толкнула сильно, безжалостно, заставив шагнуть еще. В пустоту.

У человека, оказавшегося на рельсах за долю секунды до наезда, нет ни малейшей надежды на спасение. Таково железное правило железной дороги. Его размяло, раздавило, разрезало. Скрежет тормозящих колес заглушил и предсмертный вскрик, и испуганные возгласы свидетелей трагедии. Столкнувшийся погибшего человек отвернулся и пошел прочь.

август 2016, остров Котлин

Большинство мужчин, выбирающих для себя военную службу, отвыкают от самостоятельности – все решения принимает командир, начальник, он же за все и отвечает. Он поможет, подскажет, обматерит, но выручит. Поэтому грянувшие сокращения, расформирования и переезды наши служивые воспринимали спокойно, не теряя уверенности в завтрашнем дне: мол, Бог не выдаст, свинья не съест!

Бог – явление неосязаемое, бога никто не видел, и судить о тех или иных его действиях не представляется возможным. Да и есть ли он вообще? Мнения ученых и неученых до сих пор расходятся. Как может выдать тот, кого нет? Свинья – другое дело, они у нас на каждом шагу. Советские средства массовой информации приложили массу усилий для создания у детей и выросших из них взрослых образа свинки – розовой, симпатичной, со всех сторон полезной. Поставщика сала и колбасы, а заодно – веселого сказочно-мультяшного существа, пугливо взвизгивающего, если его пощекотать. Крошечка-хаврошечка. Еще – Хрюша. Или Пятачок, безобидный тощенький дружок Винни-Пуха.

На самом деле это сильное, злобное, поистине всеядное животное. Дикий кабан – мощный и выносливый зверь, в поединке не уступающий медведю. А уж убить и сожрать человека для него – раз хрюкнуть, причем самка даже опаснее

секача. Недаром опытные охотники, завидев свинью с поросятами, как можно быстрее уносят ноги.

Блесна, в ту пору наивный служивый, имел глупость довериться Богу и свинье. Перевод в Кронштадт с выводом за штат воспринял как дар судьбы. Омрачало одно. Военная мудрость гласит: «хорошо служить за штатом, только денег маловато!» Ходили слухи – скоро всему капут, выгонят к чертям. Он не верил, каждый день ходил в штаб, ожидал назначения.

Ибо военному за штатом платят лишь за звание, а сколько это относительно мичмана? Хрен, извините, без копейки. Дождался. Вызвали, сказали: ознакомьтесь с приказом. Должности, назначения на которую вы ожидаете, более не существует. Вы уволены. Все.

Это – от Бога. А на свинью внешне походил контр-адмирал из политотдела, успокоительно сказавший: «Не волнуйтесь, разберемся». Так он ответил им, целой толпе бывших военных, оказавшихся вне службы, но по-прежнему проживавших в старинных кирпичных домах на знаменитом острове. Им тогда дали понять: прав на приватизацию помещений, где обитают с семьями, они не имеют. А жить – пожалуйста, живите. Пока.

«Пока», как оказалось, означало: «прощайте». Приватизация все-таки состоялась. Тот самый «контр» прихватил в собственность не дома и не квартиры, а разом половину КЭЧ со всеми постройками, квартирами и тому подобным. В их

стенах размещал то магазинчики, то дешевые мини-гостиницы, что правильнее было бы назвать ночлежками на одну ночь для недорогих проституток с клиентами, бары, сувенирные лавчонки, просто склады временного хранения китайского транзита... А для людей, оставшихся без крыши над головой, места не оказалось.

Коля обещал жене бороться. Ежедневно с утра до вечера с такими же потерпевшими пикетировал штаб, рисовал и держал над головой плакаты с большими словами и буквами, не всегда цензурными. Неоднократно после таких дежурств ночевал сначала на гауптвахте, а после гордого заявления «Не смейте меня хватать, я вам не подчиняюсь, я гражданское лицо!» – просто в холодном закутке, где не было ни туалета, ни воды, ни нар. Голый бетонный пол.

С пятого раза начали бить. Не очень больно, скорее унижительно – пряжками и сапогами по заднице. Тогда и начал выпивать. Их, протестующих, было все меньше, пока не осталось двое – он и Сашок Панкратов. Тот при знакомстве представился «Саша», а когда соратник шутя спросил: «Черный?», ответил: «Ты что, обалдел? Глаза протри!», имея в виду расовую принадлежность и абсолютную, не по возрасту, седину. Так и стал Белым.

Сам Коля уже тогда отзывался на кличку «Блесна». Откуда такая? По зубам дали. Нет, не кулаком, дали вот эту самую кличку. Когда служил в Североморске, все передние зубы взяли да и выпали, ни с того ни с сего. В санчасти ска-

зали – от нехватки витаминов и солнца. Странно – витамины им давали горстями, в таблетках и драже. Жри – не хочу. Жрал, хоть и не хотел. А солнца не хватало одинаково всем, но зубы выпали у него одного. Повозились с ним на совесть, вставили новые, сказали, не хуже золотых. Такие же желтые, жутко крепкие, титановые. Блеска от них – в глазах рябит. Вот и прозвали Блесной.

Белый давно звал погостить к себе, в Ижору. Своего жилья у него там, понятно, не появилось, но обосновался неплохо. Нанялся к какому-то хмырю в постоянные сторожа на его дачу. Дачка – закачаешься. Два этажа с подвалом, мансардой, гаражом, баней в цоколе, пристройками и старинной рубленой банькой на задворках. В этой старушке Белый и обитает. Функция у него простая: когда хозяина нет – присутствовать, отгоняя всех желающих залезть-пошарить, а когда есть – исчезать. Первая часть задачи Сашку удается легко: кто его хоть раз увидит, второй не захочет – уж больно он здоровенный и страшный. Со второй – хуже. Приходится гулять или зашиваться в свою конуру и сидеть там безвылазно сутки, а то и двое. Главное – молчать, и особенно не пить, потому что, выпив, Белый испытывает жуткое желание спеть. Если хозяин тоже поддаст – ничего, а трезвый – пугается и обещает «уволить».

Вот к нему, Белому, и надо подаваться, иначе нам удачи не видать. Притом не одному – с учетом предстоящего нештучного дела без помощника, вернее помощницы, не обой-

тись. Лучше, конечно, не посвящать никого, но сам он не справится, поэтому надо зайти в подвал-теплоузел за Болонкой.

Небольшенькая соломенно-курчавая бабенка неопределенного возраста получила свое прозвище по двум признакам. Во-первых, из-за прически вкупе с мелкими габаритами. А во-вторых – из-за феноменального нюха. За километр увидев Кольку или кого-либо еще из их бомжовской братии, она могла с абсолютной точностью определить, есть у него или нет. В смысле выпивки.

И сегодня, издавек приметив его, неспешно бредущего без видимой цели, учуяла и приклеилась. Хитро обняла сбоку, надеясь нащупать заветную емкость. Да ведь и он не лыком шит! Помня ее вечную манеру липнуть слева, заранее поместил добычу в потайной карман, самостоятельно пришитый изнутри под правой мышкой. Так что нюх нюхом, а быть тебе, подруга, с пустым брюхом! Отшил, отправился один. И правильно. Свидетели в таких делах ни к чему, а вот ее прошлое придется как нельзя более кстати.

Однажды Коле еще раз повезло – здесь же, неподалеку. Тогда он, приняв для успокоения души, полеживал в шалаше, созерцая майскую природу. На марину смотреть не хотелось. Речь не о женщинах, каковых поблизости не наблюдалось. Марина – это, чтоб все понимали, опостылевший морской пейзаж. И когда уже вдоволь помедитировал, с дороги свернул мотоцикл, за ним другой. Подкатили, останови-

лись на более-менее ровной лужайке в полусотне шагов от его укрытия.

Он, соорудив шалашик, принял меры по маскировке, дабы никто не надоедал. Эти – здоровый жирный мужик и тонкая темноволосая девчонка – раскинули покрывало, достали жратву, мужик выставил бутылку. Выпили по разу и... построили дом! Из ничего – раскатали полотно, составили какие-то удочки, куда-то продели, натянули четыре веревки – и готово! Квадратная палатка два на два метра возникла за пару минут. Пока ставили, повздорили. Она ему чем-то не угодила, и жирный как давай на нее орать! Расходился, Блесна подумал – все, сейчас задавит к чертям... Обошлось. Боров залез внутрь, а она пошмыгала, похлопала носом, потом к нему юркнула. Ну, а там, ясное дело, пошли совсем другие звуки. Тут Коля не стал терять времени: бесшумно подобрался, прихватил недопитую бутылку (коньячок, класс!), банку немецкого пива, недорезанную колбасу, и – давай Бог ноги!

Блесна, человек бывалый, знал и понимал – не каждый дом строится годами и стоит веками. Сам служил и по-военному жил в казарме на берегу, но видывал и другое, походное жильё. Не раз и не два на его глазах морские десантники за полчаса-час раскладывали-расставляли брезентовые домики, заводили движки-генераторы, и шла у них житуха не хуже казарменной. Мотор гудит, тепло гонит, тут же полевая кухня... Кайф! Там и понял впервые: для нормальной

жизни кирпичи с бревнами не обязательны, брезента вполне достаточно.

Эти мысли вновь посетили нетрезвую головушку при виде свалившейся с неба шелковой благодати. Ей-то и предстояло стать Колиным переносным домом. Пример мотоциклетной палатки зафиксировался в памяти намертво. Теперь, имея достаточно материи, надо только разметить, выкроить и сшить. Он, идя по обочине центральной островной дороги, старательно думал о предстоящей работе, отгоняя видение уродливо изломанного тела в яме у пруда. «Нитки сделаю из строп, получатся крепкие, любой сырости нипочем. А шить сам не умею. Смог бы, но зачем? На то есть специально подготовленные люди! Болонка и сошьет, и компанию в новом жилье составит, чтоб не мерзнуть в одиночку. И болтать кому попало не станет».

Сама Болонка (имени ее Блесна не знал и не спрашивал) как-то на стаканчике разговорилась, раскрыла страшную тайну своего взлета и падения. Она – не кто-нибудь, а участница всесоюзной выставки дизайна форменной одежды, где победил знаменитый Слава Зайцев. Спорный триумф состоялся исключительно благодаря поддержке поющего Иосифа, а ее коллекция, по отзывам критиков, была не хуже. И вообще у нее шили себе парадные кители и фуражки все начальствующие флотоводцы, сам Горшков принимал морские парады, напялив на лысину ее изделие с лихо заломленной тульей. Недремлющие завистники меж тем плели

козни, интриговали и непрерывно травили талантливую мастерицу. И добились своего – однажды на приеме в Смольном в бокал с шампанским подсыпали экстракт мухоморов, она поддалась воздействию злодейского зелья... Наркотик пробудил в неопытной белошвейке такое! В итоге за непристойное поведение жертву происков с треском изгнали из высших сфер.

Коля, как и все слушатели болонкиных баек прекрасно знавший истинную историю, восторгался и кивал. На самом деле кудрявая болтунья была заурядной, пусть и мастеровитой швеей в местном военном ателье. После сокращения флота объемы мундирной кройки и шитья резко убавились, и шьющих дам выперли на улицу. Большинство пристроилось кто куда, а ей, пьющей, места не нашлось. Комнату в офицерской общаге отняли, вот и мыкается по подвалам да подъездам, раз от разу пробавляясь случайными копейками.

Всплывшая в памяти тоненькая фигурка девушки, то ссорившейся, то мирившейся с толстым мотоциклистом, потянула за собой еще одно воспоминание. Забыть бы навсегда, но памяти не прикажешь. Теплый июньский вечер, они с Катькой молодые, счастливые. Белые ночи в Питере – зрелище, по всеобщему мнению, замечательное, хотя на его вкус – ничего особенного: вон в Североморске солнце по полгода не заходит, и значит, красиво? На любителя...

Гуляя по набережной Красных Курсантов, они обратили внимание на великолепные колонны здания, оказавше-

гося Дворцом бракосочетания. Тогда же позвал Катюшу в жены, она согласилась... счастье казалось таким близким и вечным! Сидели на скамье у парапета, целовались. Болтали, смеялись, смотрели то на воду, то на огни фонарей. И тут появилась та девчужка, тоже худенькая, тоже чернявая. Прошла мимо них, шагах в тридцати остановилась, положила на парапет сумочку, сняла босоножки. И – прыгнула в реку! Когда взобралась на бетонную стенку, он, помнится, заорал:

– Эй! Эй, ты куда?! Сдурела?

В ответ – всплеск, и все. Катька заметалась, как сумасшедшая, принялась его тормошить, зарыдала в голос.

– Коленька, миленький, спаси ее!

– С ума сошла? Там такое течение! И вода холодная, это ж Нева!

– Ты же моряк! Ну, сделай что-нибудь!

Как ей втолковать – не мог он, не мог признаться в своей слабости – будучи моряком по мундиру, море видит только в окошко, а плавать и вовсе считать не умеет...

Он тогда бросился в другую сторону – к освещенной улице, позвал милиционера. Откуда-то появился военный патруль, но те не стали даже пытаться нырять, посмотрели на воду, и все. Проверили у него документы и увели в комендатуру. Придрались: дескать, приехал в населенный пункт, не обозначенный в отпускном билете. Про невесту с будущей женитьбой и слушать не захотели. Отсидел трое суток, и – назад, служить Отчизне.

А в реку никто и не полез. Лишь через час пришел катер, поплавал туда-сюда. С Катькой получился раздор, полгода не писала. Когда наладилось, сообщила – в сумочке утопленницы милиция обнаружила паспорт. Ей было семнадцать лет.

Теперь, двадцать лет спустя, у него было много времени на раздумья о давнем происшествии. С чего бы семнадцатилетней девчонке, чья жизнь толком и не началась, вот так ставить в ней точку? Скорее всего, из-за несчастной любви. Тоже какой-нибудь сопляк обидел, наорал, а может, и ударил. У нее сдачи дать силенок не хватило, и подумала – вот утоплюсь, тебе же хуже будет! А он? Кто знает? Может, заплакал, пустил сопли раз-другой. А потом забыл. У молодых память короткая.

Глава третья

август 2016, остров Котлин, Ижора

План Блесна составил хоть куда, и выполнение пошло как по маслу. Когда с темнотой добрался до теплоузла, Болонка оказалась там, одна, как и требовалось. Немного подулась-пообижалась, не без того: «Мужики есть мужики, и ты, Николаша, такой же, как все. На словах одно, а на деле другое – наливать не спешишь, а под бочок норовишь»... Он сбегал, принес. Простила. И согласилась оказать содействие в задуманном серьезном деле. Коля грамотно провел вербовку, найдя слабое место в податливой женской душе.

– Вот ты говоришь, могла бы скроить любую вещицу?

– Я не говорю. Я знаю.

– А палатку? Слабо?

– Какую? А, плащ-палатку? Зачем ее кроить? Если тебе надо, проще готовую у любого прапора за пузырь сторговать.

– Не, Болонка, не плащ. Настоящую, чтобы в ней жить.

– Меня в гости позовешь?

– А как же!

– Не пробовала... Ну, давай брезент и размеры. Сделаем.

– Заметано. Только работать будем не здесь, а в Ижоре.

– Ни фиги себе... А здесь нельзя?

– Никак. Понимаешь, материя...

– Стырил?

– Не совсем, скорее... скажем, нашел.

– Ага. Нашел – еле ушел. Хотел заплатить, но не догнали.

Так?

– Примерно. Короче, завтра двинем к Белому.

– Завтра так завтра. Хоть к черному. Наливай!

Дорогу осилит идущий. Когда «сладкая парочка» вышла на кольцевую дорогу, собираясь по дамбе пересечь залив, им навстречу в противоположном направлении свернул пыльно-вишневый «Фольксваген-Гольф». Сидевший за рулем человек не обратил на чинно вышагивающего по обочине мужчину с мешком за плечами и его миниатюрную спутницу ни грамма внимания. Они ответили ему тем же.

Объясняя, где и как искать его обиталище, Белый был по-военному краток:

– В Большой Ижоре мост через речку. За мостом свернешь направо и так с полкилометра, увидишь самый большой дом, забор высокий, ворота. Там и я.

О перемене Саниного места жительства с постоянного «без определенного» на нынешнее, роскошное, Блесна узнал на пороге лета. Их с Белым роднило не только военно-мичманское прошлое, но и общая любовь к гигиене. Санек, как и Блесна, был ярким любителем бани. Раз в неделю, строго по четвергам, давний знакомый истопник Федя пускал их на часок попариться-помыться. Денег Федя не требовал, доволь-

ствуясь пол-литрой.

Русскому человеку без бани нельзя. А с первого мая Саня вдруг перестал появляться, и бутылку приходилось брать уже одному. Накладно... Блесна приуныл, но чистота – залог здоровья. Летом – куда ни шло, а сколько его, лета? Так, глядишь, и вшами обзавестись недолго. Но в последний майский четверг Саня объявился. Поучаствовал в пузыре, помылись, дошло и до новостей.

– Ты, Колька, парень постоянный. Тебе бы все по острову рассекать, а мне тут тесно. Вот и забрел как-то в Ижору, прошелся, через речку махнул. Там домищи – один другого краше...

На самом краю обитаемого пространства Сане встретились совсем уже невозможные хоромы. Пригляделся – дом стоит пустой, темный. Участок огромный, газон стриженный... Культура! Оглядев постройку со всех сторон, странник узрел позади каменного дворца невзрачную избенку. И в высоком ажурном поверху бетонном заборе сзади неприметная такая калиточка, запертая на обыкновенный врезной замок. Старого типа, под ключ с двумя бородками. У Сани в мыслях ничего преступного не было – так, поглядеть. Взял гвоздик, да и ковырнул.

– Ага, гвоздик, – засомневался Блесна, – Знаю я твои гвоздики...

– Ну, не совсем гвоздь, может, винтик. Закорючку, в общем.

Коля обожал картошку. В любом виде, кроме сырого, особенно печеную. У людей, волею судеб оказавшихся за бортом жизни, не принято интересоваться, кто как добывает хлеб насущный, и взаимовыручка тоже не в ходу. Саня на этом фоне выглядел белой вороной, соответствуя кличке. В основном шалашике бывшего соратника по борьбе за жилищный фонд Белый никогда не появлялся с пустыми руками, обычно приносил желанные корнеплоды – когда полпуда, когда полмешка.

Откуда берется такая роскошь осенью – понятно. Огородов кругом полно, знай не ленись да оглядывайся, чтоб не попасть в лапы обозленных дачников. А зимой, тем более в марте-апреле, когда ее и в магазинах негусто? Ясность внесла ненароком оброненная гостем связка разнокалиберных ключей.

Сам Колька ни за что не стал бы и пытаться в отсутствие хозяев зайти в какой-нибудь сарайчик. Раз получится, два, а потом? Побьют – точно. Еще и в ментовку сдадут. Посадить за такую мелочь не посадят, а с Островом придется проститься. Лучше меньше, да лучше. Иными словами: лучше жрать реже, но без опаски, что твой кусок отберут, сочтя ворованным. Плюс по шее наkostenяют.

Белый, чей рост и прочие габариты позволяли глядеть свысока на три четверти представителей сильного пола, к таким условностям относился проще. По-крупному не крал, в открытую ничего ни у кого не отнимал. Дверцы погреб-

ков-кладовок не взламывал и всегда запирал за собой, брал понемногу. Чаще всего о его визитах никто и не догадывался. Если даже самый заманчивый лючок открыть по-тихому не получалось, Сашок не упорствовал, а мирно уходил во-свояси. Брал на заметку, подыскивал подходящий ключик...

Так что «поглядеть» для бывшего мичмана проблемы не составило. Проникнув в обширный двор, Саня осторожно осмотрелся. Собак нет. Двери дома, цоколя и гаражные ворота – стальные, надежные, замки по виду хитроумные. И сигнализация наверняка имеется, поэтому Саша туда соваться не стал, а вот избушкой поинтересовался. Там на двери висел обычный навесной замочек – смех, да и только. Домик оказался бывшей банькой со всем, что в ней полагается, только давным-давно нетопленной. И хлама разного полно – ржавые ведра, лопаты, грабли, обрезки досок-реек.

Дело было в апреле, холод стоял собачий. Бомж не удержался от искушения, почистил печурку, развел огонек. Согрелся, прилег на полок, да и задремал...

– Гражданин, ваша станция! Вы просили разбудить!

Белый, разомлевший в тепле, не сразу сообразил, к кому обращается дергающий его за ногу мужик.

– Чего надо? – невежливо поинтересовался он и запоздало сообразил, где находится. Приехали...

Выйдя из темноты баньки в полутьму апрельского вечера, Саня потянулся, стараясь не смотреть на ожидающего его появления «проводника».

Прервавший мирный сон человек, скорее всего, являлся хозяином здешнего великолепия. Значит, надо ждать скорого появления на сцене стражей порядка. Стоят, небось, за углом. А может, изучают обстановку, ищут следы взлома и незаконного проникновения. Хвала всевышнему, не стал даже подходить к дверям, совать в замочную скважину свои железки. Но время шло, а менты не светились.

– Успокойся, постоялец. Я их пока не звал, – хозяин совершенно правильно понял Сашино состояние.

– Кого?

– Хера моего! Решил, раз никого нет, никто тебя и не видит? Ошибаешься, брателло. Мой домик, он не только большой. Он еще и умный. Чуть не так – сам зовет: приезжай, Саня, посмотри, чего творится...

– Почему Саня? – заинтригованный Белый переступил с ноги на ногу и внимательнее посмотрел на собеседника.

Перед ним стоял здоровяк, не уступающий ему ни в росте, ни в ширине плеч, ни, судя по всему, в твердости характера. Разве что помоложе и потолще. Коротко стриженный, одетый неброско, но дорого. Уверенный в себе и явно очень сильный.

– А кто? Я Саня и есть, а ты?

– Аналогично.

– Шутишь? Может, и документик покажешь? Хотя вряд ли у тебя сыщется...

– И покажу, – незванный гость вынул и предъявил потре-

панный паспорт, – Вот, гляди: Панкратов Александр. Не Черный. Можешь звать Белым.

– Тезки, значит. Тебя, случаем, нарекли не в честь убиенного неподалеку Александра свет Сергеича?

– Какого? – по причине пока неполного пробуждения пришлый совершенно не связывал вполне очевидные историко-географические параллели.

– Ну, брат, это стыдно не знать! Речку переходил? Она ж не простая, а Черная!

– И что?

– Ну, ваще! А фамилия Пушкин тебе хоть о чем-нибудь говорит?

– Буря мглою? Выпьем с горя?

– Вот-вот. Наше все. Его же угораздило на этом самом берегу свою последнюю дуэль организовать. Знаменитые места. А ты – какой...

Хозяин достал блеснувший золотом портсигар, закурил, предложил Белому. Тот, ошарашенный неожиданно радушным приемом, помалкивал.

– Такие дела... Давно мне подруга говорила: снеси ты к лешему эти хоромы! Ты уже понял, откуда я узнал?

– Камеры?

– Они. Стоят хорошо, незаметно. А мне, – он продемонстрировал плоский предмет, – Сразу видно. Ты вор?

– Обижаешь.

– Из мореманов, судя по тельнику?

– Мичман.

– Жить, конечно, негде?

– Ага.

– Но не воняешь, это хорошо.

– Баня – святое.

– Теперь о бане. Давай прямо. Хочешь здесь пожить?

От такого неожиданного предложения Белый даже начал заикаться. Вот забрел так забрел...

– В к-каком смысле?

– В прямом. В этой самой баньке. Она не протекает, клопов нет. Кстати, у тебя партизаны не водятся?

– А ты посмотри.

– Надо будет – посмотрю. На первый взгляд мужик ты чистый. Постричь бы еще... Так как?

– Серьезно? Первого попавшегося бомжапустишь к себе жить?

– Ну, во-первых, не к себе. Эта хибара тут спокон веку стоит, в ней еще мой дед парился. У предков на этой самой поляне дом был, я себе вместо него вон, дачку изготовил. А баньку оставил, типа памятник... И на бомжа ты не сильно похож. А жить – не просто жить. Тут не гостиница.

– Как это – не просто?

– А так. Сторожить. Я, понимаешь, задолбался сюда летать. Трех дней не проходит, чтоб какая-нибудь морда не сунулась... Извини, это не про тебя. Менты по мелочам ездить не хотят...

– А может, я тоже... того... Морда?

– Заодно и проверим.

– И чего ты с меня за проживание захочешь?

– Я ж сказал. Будешь присматривать, если кто сунется, шуганешь. Ты здоровый, получится.

– И все?

– А чего тебе еще?

– Ну...

– А, понял. Ты пенсию получаешь?

– Не выслужил...

– Ну, будет тебе пенсия. Месяц отсторожил – получи и распишись. Как, по рукам?

– По рукам...

– Да, еще. Два условия. В дом не лазить – это раз. Замечу – сдам ментам. К соседям – тоже.

– Я не...

– Слышал. Не вор. А замки открывать умеешь. Забудь. И второе: когда я здесь, тебя нет.

– В смысле?

– В смысле – не мелькай. Будешь нужен, сам подойду. А так – не светись, особенно если я не один. Да, ключи от подвала и гаража я тебе на всякий случай дам. Там стеклотары дохера, макулатуры с полтонны. Забирай, будет тебе на прокорм.

– По рукам, – при такой перспективе Белый заметно повеселел.

– Ага. И еще, чуть не забыл. Баб водить тоже нежелательно.

– Знаешь, мне это... без надобности, – в ответ на недоверчивый взгляд хозяина гость вздохнул, – Флотский подарок за безупречную службу...

– Реактор? И седой – оттуда?

– Вроде того.

– Ладно, не будем углубляться. Короче, ночуй пока, Панкратов-Белый, мне надо по делам. На днях пересечемся.

Стоявший у калитки черный джип развернулся и укатил. А Белый, уже на законных основаниях устраиваясь досыпать, мысленно отмотал два десятилетия назад.

Малый противолодочный корабль – не такой уж маленький, и никак не бумажный. Серьезное современное боевое средство, вооруженное, как говорится, до зубов – и любую подводную лодку может потопить, и за себя постоять. Ближе подлетать к нему чужакам тоже не стоит.

Всем зенитным хозяйством на «шестьдесят пятом» МПК ведал кап-три Пахомов. Он и приказал Белому, вахтенному начальнику расчета зенитно-ракетной установки с красноречивым названием «Оса», в темпе восстановить поворотный механизм антенны. Работать надо было, сидя на ней верхом. А старшине Геннадию Злобину – проследить, чтобы антенна все время ремонта оставалась выключенной. Тот проследил... То ли не понял, то ли как... Когда у Сани, заканчи-

вавшего замену сгоревшего мотора, стало темнеть в глазах и онемели руки, командир заглянул в отсек.

– Злобин, ты что, охренел?!

– Товарищ капи...

– Выключи «высокое», дурак!

Выключили, конечно. Мичмана Панкратова, в полубессознательном состоянии, с опухшими руками, ногами и кое-чем еще, рвотой и задержкой мочи, «вертушка» утащила в госпиталь. Капельницы, уколы, таблетки, кардиограммы и прочая медицинская дребедень. На корабль он уже не вернулся. С плавсостава списали, но от инвалидности категорически отказался, заявил: «Хочу и буду служить!» Патриот хренов.

Прослужил еще пару лет на берегу. Перевели в Кронштадт, вывели за штат. Жена ушла не сразу. Он, приехав домой, сдуру объяснил: все не так уж плохо, все еще вернется... Она с кем-то посоветовалась, поспрашивала знакомых медичек, почитала книжки и поняла: прежнего Сашки, веселого неутомимого в постели бабника, уже не будет никогда. Правильно поняла, между прочим. С тех пор кровать для него – спальное место, а женщина – подруга. То и другое – в буквальном понимании.

Воздействие мощного электромагнитного излучения высокой частоты, сорок минут поджаривавшего моряцкое «хозяйство», навсегда превратило могучее мужское достоинство в недостаток. Довесок... Сливной краник.

Он так и не догадался: увалень Генка дураком не был – нажимая кнопку «сопровождение», очень хорошо знал о возможных последствиях. За неделю до того Сашок в душевой добродушно подшутил:

– Славный, Гена, ты матрос, только членом не дорос!

Говори, да не заговаривайся... Над другим смеешься, над собой поплачешь... Хорошо смеется тот, кто смеется последним... Как ни скажи, все верно. Старшина второй статьи Злобин получил положенное взыскание, дослужил остаток срока и вернулся в родную деревню. Работает, на хорошем счету. Сварщик в наше время на селе – профессия из самых хлебных. Женился, обзавелся детишками. Жена в постели ему иногда ласково говорит: «Маленький, да удаленький». Есть у Гены одна странность: в общую баню не ходит никогда, моется исключительно в своей.

О доблестной морской службе рассказывает часто и с удовольствием. Эпизод с ремонтом антенны давно забылся, как и тот случай в детстве, когда он немножко обиделся на старшего брата, назвавшего «мальчиком с пальчиком». Брат через неделю, собирая вишни, сорвался с лестницы и сломал обе руки. Правая осталась согнутой в локте навсегда, в армию не взяли... Пьет беспробудно, сидя на шее у матери с отцом.

У той лестницы ни с того ни с сего обломились сразу две верхние ступеньки. Неужели кто-то подпиллил?

Глава четвертая

август 2016, Ижора

– Самый большой дом... Похоже, тут.

– Ва-а-у!

Раздавшийся откуда-то сверху хриплый вопль заставил путников вздрогнуть и поднять головы. Над воротами торчала взъерошенная усатая морда. Круглые желтые глаза явно принадлежали не человеку.

– Кис-кис-кис... – робко произнесла Болонка, – Тебя как зовут, малыш?

– А зовут его Сильвер, – ответил знакомый бас, и в щели между створками показался теперь уже вполне человеческий глаз.

– Здорово, Блесна! Мое почтение, Клавдия Семеновна...
Какими судьбами?

– Здравствуйте, товарищ мичман... – смущенная Болонка покраснела, как школьница, – Мы вот тут с Колей...

– Привет, Белый! Ох ни хрена себе у тебя хоромы!

– Кончай базар. Хозяин нынче дома, так что вход – через задний проход. Давайте в обход, вон туда, я зараз калиточку открою. Пошли, Силя.

Чтобы по-настоящему оценить вкус вареной картошки,

размятой и щедро сдобренной тушенкой, надо перед тем дня три попоститься.

– Ну вот, – Саня налил в свой и Колин стаканы по два «буля», Болонке – один, – А потом у меня появился кормилец.

С месяц назад, нагрузив тачку стопками старинных газет и журналов, отданных «на реализацию» Саней-хозяином, Белый чинно двигался по направлению к центру дачно-коттеджной застройки. Там, рядом с хозяйственно-продуктовым «Универсамом», помещался пункт приема вторсырья. И догнал ползущего по обочине кота. Грязный, ободранный, худой, он упорно перебирал передними лапами, подтягивая задние, а хвост – пытался держать трубой. Саша не смог пройти мимо, нагнулся погладить страдальца. Тот, ощутив в прикосновении не праздный интерес, а доброе сочувствие, не дернулся. Обернулся и поглядел человеку в глаза, словно говоря: «Видал, как бывает?» Вероятно, бедняга стал жертвой собственной неосторожности или дурной лихости какого-нибудь авто-мотогонщика. Или – того и другого. Факт оставался фактом – у котопея оказались сломанными обе задние ноги.

Чем хуже в жизни приходится человеку, тем лучше он относится к меньшим братьям. Белый, не раздумывая, взял найденыша с собой. Усадил в тачку, как в карету, в «своей» банке отмыл, обработал водкой раны, выстругал и привязал к переломам шинки. Хвостатый не вырывался, лишь негромко подвывал и шипел. И в еде оказался непривередлив.

Три дня Сильвер, названный так за отдаленное сходство с одноногим пиратом, почти безвылазно сидел в избушке, а на четвертую ночь пропал. Саня решил было – одно из двух: либо коту надоело в неволе, и он отправился на поиски лучшей жизни и пропитания, либо по древнему обычаю ушел умирать. Но утром, выйдя «по нужде», обнаружил на крыльчке пять мертвых тел.

Кроты лежали аккуратной шеренгой, бледными носами к двери, будто явились с официальным визитом. Белого особенно тронули их натруженные передние лапки – ни дать ни взять руки маленьких шахтеров, таких кули-землекопов. Одинакового размера упитанные зверьки производили впечатление холеных и регулярно кормленных домашних животных.

«Ёлки-палки, вот так влип!» – мелькнула мысль, и остатки сна мигом улетучились, – «Саня-хозяин, небось, их выводит зачем-нибудь, например, на выставку там, для меха, а Силя взял да и задавил беззащитную скотинку... Попрут, ох, попрут меня отсюда с ним заодно!»

Попутно ему, не евшему досыта который день подряд, пришел в голову своеобразный вариант развития ситуации. «Крот – это дичь или не дичь? Будь на его месте кролик либо курица, вопросов бы не возникло. Ободрал, ощипал, выпотрошил, и в котел, на вертел, пока не завонялся. Но крот – все-таки как-то не по-нашему. Китайцы, те такими мелочами не заморачиваются. Жрут подряд всех, кто бегают, полза-

ет, летает, и прекрасно себя чувствуют. Эх, жаль, не китаец я...»

Поглощенный горестными размышлениями, Белый упустил из виду свое собственное кредо, преподносимое как народная мудрость: «не зови лихо, и будет тихо».

– Это что?! – резонный вопрос появившегося из-за угла «лиха» прогремел громом с ясного неба.

– Что – «это»? – решив на всякий случай сыграть «под дурачка», укрыватель злодея огляделся по сторонам, – Где?

– Вот это, это! – хозяин нетерпеливо тыкал пальцем в кошачьи трофеи, – Ты, получается, спец по подземной охоте?

– Нет! – если выстроить надежную линию защиты не получается, надо уходить в неосознанку. Авось пронесет... – Вот те крест, это не я!

– А кто? Пушкин?

Неверующий квартирант без зазрения совести побожился еще раз. Под постоянно возрастающим напором он уже приготовился к обвинению в браконьерском убийстве всех ценных пушных зверушек на свете. И тут, словно отвечая на вопрос, из-за другого бревенчатого угла нелепой вихляющей походкой выбрался лохматый зверь. В зубах Сильвер тащил очередную бархатношкурую жертву. Ночной охотник дерзко зыркнул на онемевшего владельца дачи, мимоходом потерся боком о ноги Белого, уложил шестого крота в скорбную шеренгу, с видимым трудом перелез через высокий порог. И, постукивая шинами на задних лапах, пропал в темноте

предбанника.

– Ага, понятно... – протянул не вдруг обретший дар речи Саша-младший, – Матроскин... Откуда взял?

– На дороге подобрал. Кто-то ему ноги переехал. Жалко... Сильвер он.

– Да за этих кротов я его... Я... С тобой вместе... – Белый понурился, ожидая неминуемого изгнания из рая, – Я на руках носить буду! Они ж мне, говнокопы, весь газон изуродовали! Только подровняешь, пострижешь – бац, куча. Убрал, заровнял – бац, еще две! Я уже и ловушки, и отраву... Флюгер вон специальный. Бренчит, зараза, спать мешает, а им хоть бы хны! И котов привозил, и таксу – ноль внимания. А этот – хромой, больной...

– А я думал...

– Ты не думай. Ценный кадр! Может, его к ветеринару?

– Не, не надо, – Саня забеспокоился: коновал надумает всякие уколы, прививки, замучает Сильвера, – Он уже ходит почти нормально. Срастется и так.

– А чем ты его кормишь?

– Ему много не надо... вроде бы. Что от меня останется.

– Останется от тебя, как же! Ладно, решим вопрос.

– Тогда ты уж и этого... для дезинфекции...

– Сказал, решим.

Белый с гордостью продемонстрировал гостям результаты «решения». Под полком стоял ополовиненный картонный ящик импортных кошачьих консервов, рядом – такой же, с

банками свиной и говяжьей тушенки.

– Ну и вот, – он налил еще, – Пара литров «Стандарта», типа антисептик. Нормальный подход?

– Нормальный! – безоговорочно одобрил Блесна, – Все класс!

Но у женщин свой взгляд на вещи. Болонка, поглаживая урчащего на ее коленях виновника торжества, проявила гендерную сущность.

– А как насчет хлебушка? Я картошку вашу не очень...

– Он сказал, на хлеб не хватило.

– Ой, бедненький! Как ему, наверно, тяжело живется...

Небось, икру приходится без хлеба есть!

– Омарами перебивается, – буркнул Коля, – Их можно и так.

Саша-хозяин, как обычно, возник неожиданно-негаданно. «Долго жить будет – прикинул Блесна, – Не успели помянуть – он тут как тут!»

– Привет честной компании, – стриженный амбал со свертком под мышкой, очевидно, успел ознакомиться с картинками своих камер, – Как живете, как животик? Сколько шахтеров на сегодня?

– Утром было двое, – доложил Белый, – Они, скорей всего, уже на зиму готовятся, ползают меньше.

– Мне кажется, это Матроскин их конкретно подсократил... Неделю шло по полдесятка, а тут – два. А размер?

– На мой глаз, поменьше становятся.

– Вот. Папок-мамок выловил, детвора пошла. Золото, а не кот! Кстати, познакомь с гостями.

– Мы не в гости, а по делу, ненадолго, – встрял Блесна, но его не послушали.

Белый, изображая этикет, поднялся со скамейки, на которой восседал рядом с Колей, галантно кивнул занимавшей единственный стул Болонке:

– Клавдия... Семеновна. Портниха.

– И швея, индпошив, – снова зарумянившись, уточнила дама и с грустью добавила, – Временно не работаю. Обстоятельства...

– Николай, – перешел Белый к соседу по скамье.

Встав едва не «смирно», тот отрапортовал:

– Мичман Дружинин! – и неожиданно для себя самого широко улыбнулся, – Можно просто Блесна. Хорошо тут у вас!

Давешний североморский зубной протезист оказался целиком прав. С первого неподготовленного взгляда отличить сверкание Колькиного нитротитана от настоящего золота мог далеко не каждый. Хозяйские глаза чуть не вылезли из орбит.

– Это у тебя, – он поклацал зубами, – В натуре, это самое? Золотые?!

Секрет счастья порой в неведении. Если человек в чем-то искренне заблуждается, не стоит его разочаровывать. Поэтому Блесна, помня важнейшую заповедь лжеца «кто мол-

чит – тот не врет», лишь погасил ослепительную улыбку и скромно потупился.

– Ну, мичмана, вы даете! Штук десять зелени во рту, а он бомжует... Ну, вам жить, – он положил сверток на порог, – Тезка, ты не обижайся. Мы с тобой на один размер, я тут кое-что... Куртяк там, штаны, кроссы. Прикинь, не подойдет – заодно с макулатурой сдашь. Или ваша мастерица подгонит. Все целое, чистое, не сомневайся.

– Благодарствую, – с достоинством поклонился сторож, – Погляжу, конечно.

– Все, поехал. С боссом проблемка. Матроскина не обижайте. И не шумите тут.

– Сильвер он, – вслед уже скрывшемуся благодетелю про-бормотал Белый, – Сколько можно повторять... И мы, вроде, не артисты тебе – на камеру шуметь?

Разливая остаток, Саня наморщил лоб.

– А вот прикиньте: откуда он, – имелся в виду безмятежно дремлющий Сильвер, – Узнал, кто идет? Ко мне? Никого из вас раньше в глаза не видел, мало того, на ворота ни разу не лазил...

– Почему ты знаешь? Может, он тайком от тебя? Кота хлебом не корми – дай повыше забраться, – обоснованно возразил Блесна.

– Ты на ноги его погляди... Костоправ из меня говняный, сикось-накось вышло. Спасибо, бегать более-менее научился, а ты – повыше... Есть у них, усатых-полосатых, чутье,

нам недоступное...

– Да, – глубокомысленно согласился Коля, – Загадка природы. Ну как, за дело? А то я еще за пузырем сгоняю?

– Не, хорош, на сегодня хватит. Вам-то пофиг, а мне службу нести.

Если требуется сшить, раньше надо раскроить. Под руководством опытного мастера любая работа спорится, и бывшие моряки, направляемые не менее бывшей портнихой, для начала дружно растянули Колино приобретение. Ожидаемого изобилия материала, однако, не наблюдалось – из двух местами намертво слипшихся полотнищ удалось с трудом выкроить лишь заготовку для остова будущего «вигвама», остальное комбинировали по принципу лоскутного одеяла. Добрую половину конструкции желтого «крыла» пришлось отправить в печку.

– Не переживай, – утешила Колю заметно соскучившаяся по привычному делу закройщица, – На прочности не скажется. Гарантирую!

А Белый, по ходу процесса посвященный в подробности «находки», вполголоса резюмировал:

– Ласты склеить – это мне понятно. Но чтобы клеили парашют – вижу первый раз. Выходит, твой пикировщик не сам по себе кокнулся, кто-то ему здорово помог.

– Как склеили? – хмельной Блесна не совсем понял, о чем речь, – Чем склеили? Зачем?

– Суперклеем, лопух! – уточнил более опытный това-

рищ, – Цианакрил называется. Им гантелю смажь, на секунду к потолку прижми, и не оторвешь! Твоему покойничку, похоже, парашютик такой вот штучкой побрызгали. И привет.

– Опаньки...

Глава пятая

август 2016, Санкт-Петербург

От визита журналиста, особенно с утра пораньше, ничего хорошего ждать не приходится. Вообще подполковник Борис Брониславович Седых, за глаза именуемый подчиненными, разумеется, «БиБиСи», к пишущей братии относился не просто отрицательно. Он их терпеть не мог.

Сущность сей напасти, по его мнению, лучше всего определяла формула, в свое время выведенная одним из них же: «Чудище обло, озорно...» и далее по тексту его «путешествия». Но того борзописца за наглую писанину мигом пристроили куда следует, а нынешние Радищевы живут-поживают, бумагу марают, всюду лезут и к тому же удостоились чести зваться «четвертой властью».

Поэтому Борис Брониславович отнюдь не обрадовался, когда к нему, не успевшему еще допить утренний кофе (не дома же этим заниматься), без стука и непонятно как миновав бдительную Аллочку, ввалился высокий молодой человек с характерным ищущим выражением на небритой физиономии.

«Тоже еще манера, я вам скажу! – мысленно прокомментировал явление БиБиСи, – Где это видано – элементар-

ную неряшливость выдавать за модную импозантность?! Ах, трехдневная щетина! Ах, Брэд Питт и прочие Клуни! Ободрать бы тебя, щенка, опасной бритвой, да на сухую... Знал бы впредь, куда и в каком виде можно, а куда нельзя!»

– Доброе утро, господин подполковник! Или следует говорить «товарищ»?

– Следует-беседует... Следует спрашивать разрешения войти! – подполковник отодвинул чашку и воззрился на вошедшего с нескрываемым раздражением, – Кто вы такой и как сюда попали?

– Пресса, – небритый предъявил глянцевую картонку, – Я – Борис Шацкий-Позоров. Ваш тезка, верно? Представляю одно из популярнейших в городе изданий. Еженедельник «Ночной кошмар». Читаете?

– Не имею привычки портить зрение подобным чтивом, – ох, остынет кофеек, вкусного начала дня не получится. Тезка... мало мне Ельцина с обоими Березовскими! Кто пустил? Обязательно накажу бездельников! – Чем обязан?

– Я к Вам прямо из убойного, они ребята гостеприимные, знают: с нами отношения лучше не портить, – наглец приблизился, без разрешения сел в одно из «гостевых» кресел, – Я ненадолго. Один вопрос, не для печати. Позвольте? Не бойтесь, диктофона у меня при себе нет.

– Нечего мне бояться! Какой вопрос, давай быстро, – БиБиСи незаметно для себя перешел на привычное «ты», – Время – деньги!

– Деньги – бумага. А время само по себе ничего не стоит, ценность ему придает насыщенность информацией, – выдал щетинистый визитер сочиненный на ходу афоризм, – Вопрос такой: когда начнется следствие по делу об убийстве известного бизнесмена Дмитрия Тришина?

– Не слыхал о таком... – в тишине кабинета явственно раздался скрип то ли стула, то ли шестеренок в лысеющем черепе подполковника. Очередная заказная мокруха? Бомба, пуля? Неужто сегодня ночью? В сводке не значится...

– Не слыхали о бизнесмене или об убийстве? – назойливый писака зудел почище ночного.. нет, не кошмара, пока обычного комара, – Его труп обнаружили вчера на западной оконечности Острова. Местная полиция комментариев не дает, и я решил сразу к вам...

Начальственное чело заметно прояснилось – конечно, ерунда. Тамошние ребята разберутся. Бытовуха, скорее всего. Кто потащится на кронштадские пустоши с деловыми разборками... говоришь, отправили ко мне из отдела особо тяжких преступлений?... Борис Брониславович, став заместителем начальника городского управления, старался даже мысленно называть вещи своими именами. Врешь, небось... Ну, погоди! Би Би Си снял трубку.

– Дежурный? Почему в сводке нет ни слова об убийстве на Острове?! – слушая ответ, подполковник смотрел на журналиста, – Не убийство? А... Ах, сам? Понял.

Такому вот «тяжелому» взгляду начальников, судя по все-

му, учат на каких-то специальных курсах. Искусством на расстоянии стереть собеседника в порошок, не прибегая к рукоприкладству и даже матерщине, они владеют независимо от профиля деятельности.

– Вот что... тетка! Ты зачем мне тут мозги пудришь? Тебе же лучше моего известно – этот твой бизнесмен сам себя угробил. Сам! Следствие начинается, как только к тому возникают законные основания. Не позже. Но и не раньше. Там расследовать нечего!

– А сама по себе загадочная смерть разве не является основанием?

Журналист явно не понимал: его визит сам по себе уже красная тряпка, и каждый вопрос добавляет яркости жгучему окрасу.

– Загадочная?! Загадки детям задают! Повесят грушу, не могут скушать... В чем загадка? Была б загадка, мне бы уже доложили. А пока нет доклада – нет и загадок!

– Может, просто не успели? – до надоедливого шелкопера никак не доходило – ничего ему тут не светит, – Ведь парашют не найден! Вы все же поинтересуйтесь...

– А вы, молодой человек, не суйтесь! – Седых побагровел и слегка привстал. Не полностью, чтобы собеседнику не стало заметно: увы, ростом он при всей солидности мундира отнюдь не вышел, – А если ты в своей сраной газетенке вздумашь чего-нибудь без моего ведома замутить, я с тобой знаешь что сделаю?

– Не считите за труд... – ранний гость, похоже, и не думал пугаться.

– Я тебя лично в члены-корреспонденты произведу. Вот эту штуку видал? – подполковник продемонстрировал старомодную толстую четырехцветную шариковую авторучку. Ею он раскрашивал утреннюю сводку по степени значимости, – Прямо в член запихну. Ты тогда не только писать, но и писать разучишься!

Корреспондент казался несколько озадаченным, и хозяин кабинета, довольный собственной остротой, расслабленно ухмыльнулся.

– Все, свободен! Пока...

Но, как только дверь за газетным нахалом закрылась, БиБиСи опять схватился за телефон. Кофе все равно остыл, день испорчен...

– Филатова. Майор? Вы что себе позволяете?! Какого лешего отправляешь ко мне этих журнальных прилипал? Сам не можешь разобраться? Погоны надоели?!

В трубке оправдательно запищало.

– Ага, давай, рассказывай мне... Ты их давно знаешь, они хорошие... – подполковник минуту слушал, морщась, как от укуса, – А по-моему, хороший репортер – это... – в последнюю секунду начальник решил обойтись без мрачного «индейского» эпитета, – Это слепоглухонемой репортер! Оборзели... Займись немедленно! Доклад через час. Жду.

Выплеснув остывшую жижу в умывальник, подполковник

выглянул в приемную, протянул чашку.

– Алла Сергеевна, не в службу, так сказать... обновите. А то не смогу работать, сами понимаете... Ходят тут!

Между тем «нахал», оказавшись в коридоре, довольно улыбнулся. Самый верный способ заставить зашевелиться рыбку в тихом пруду, а заодно и отечественную полицию – бросить камень. Для пруда сгодится обыкновенный булыжник, а швыряться по полицейским окнам – это уж слишком. Достаточно парой фраз разозлить начальство, и работа мигом стронется с мертвой точки.

август 2016, Санкт-Петербург

– Англичанка? Ты уверен? А при чем здесь Интерпол? В крайнем случае обычная уголовщина... Согласен, тоже приятно. Поищи среди мужей дамочек, с которыми твой прыгун кувыркался, пока не допрыгался. Извини за каламбур... А еще вероятнее – самый обыкновенный несчастный случай. Стропы закрутились, и каюк.

Главный редактор «самого читаемого издания» северной столицы Григорий Кошель хорошо знал всех своих репортеров. Борька Шацкий среди них выделялся отменной хваткой и острым пером – мог из события, на первый взгляд казавшегося полной ерундой, выжать настоящую сенсацию. Поэтому Гриша, изображая пренебрежение к рассказу пронырливого журналиста, тем самым подзуживал его, будучи уверенным: если Борю завести, он уже не отступится, пока не раскопает, в чем там дело. А потом – серия статей, шум-гам, скандал, разборки... Все, способствующее повышению читательского интереса, а значит, и тиража.

– При всем уважении пока не вижу оснований интересоваться твоим прыгуном-бизнесменом. Давай, ищи что-нибудь погорячее.

Главный с удовлетворением отметил желваки, заигравшие на скулах обиженного «журлика», как он ласково называл своих «копателей». Верный признак – заводится, заво-

дится!

– Кстати, ты говоришь, труп... тело пока не нашли? Ну так подключайся, ты ж у нас бойскаут! Может, он вообще в море упал... Выловят, и все прояснится.

Раздобытая Борисом информация об образе жизни бизнесмена Дмитрия Тришина прямо-таки кричала: ох, не своей смертью суждено помереть этому плейбою. Парашютные забавы на фоне остальных его делишек казались именно забавами. Владелец одного из трех крупнейших в регионе транспортно-логистических центров наверняка нажил себе кучу недоброжелателей, если не сказать врагов. Он беспардонно обходил и ущемлял конкурентов, не брезговал скользкими делами с импортом всего подряд, вполне возможно, был замешан в наркотрафике... А кроме того, всюду волочился за женами как своих поделщиков, так и чиновников самого различного ранга.

Из жизни и смерти деляги-ловеласа опытный журналист вполне может сострять что-то достойное. Почуяв смрадный дымок жареного, Шацкий, не зря взявший себе псевдоним «Позоров», шел по следу не хуже тренированной овчарки. Про него говорили: Боря способен при необходимости раскопать тайну истинного происхождения первого человека – не принимать же всерьез басенки про божескую лепку из глины. У Евы, сделанной из ребра того же Адама, по многочисленным источникам, не было пупка, то бишь она не рождалась. А вот насчет отсутствия такового у самого Адама –

про то сведений нет. Значит, скорее всего, был! Пуп – откуда? Правильно, остаток пуповины. Получается, кто-то его зачал, выносил и родил? Ищи, Борька! И он найдет, будьте уверены. Просто пока не поручали.

Сам главный редактор применительно к его способностям говорил так: если для прочих собратьев по перу годится песенное «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...», то наш гений может трое суток не жрать, трое суток не срать ради все тех же строчек. И пашет-роет не для гонорара, точнее, не только и не столько из-за оного. Ему важен сам процесс плюс результат. Когда на свет появлялся очередной номер «НК» с Борькиным опусом, он, напрямую не показывая вида, будто становился еще выше ростом. Оплачивался талант тоже соответственно, и кошелек журналиста порой оказывался толще редакторского.

Услыхав, чем на этот раз собрался заняться его самый удачливый криминальный репортер, Гриша отнесся к замыслу с большим сомнением. Ни черта не выйдет. Все, конечно, возможно, однако, по его мнению, это – пустое. Ну, упал, ну, разбился. Парашют отказал. Редкость? Отнюдь. По статистике, на сотню один-два точно не раскрываются. Вот запаска не сработала – это, факт, повышает шанс на сенсацию, но не настолько, чтобы бросаться туда со всех ног. Пожалуй, хваленый позоровский нюх на этот раз подвел. А уж подзревать убийство...

Будь на то его воля, Гриша за свой счет напечатал бы се-

рию красочных плакатов на общую тему «Кто не трус, тот не рискует!»

С чего начинают занятия на всех курсах по вождению? Со слов: автомобиль – источник повышенной опасности! И это правильно. Хочешь всю жизнь ездить и оставаться целым и невредимым? Лучше всего не садись за руль. А уж коли сел – соблюдай правила и будь осторожен. То же касается дельта-планов, «тарзанок» и верховой езды. Всяческой акробатики.

Те, кто самочинно лезет в горы, на снежные кручи, под воду и тому подобное, вызывали у главного редактора подозрение: с какой стати нормальному, уверенному в себе человеку искать на свою... голову приключений? Значит, они в себе не уверены. Хотят всех убедить в своем бесстрашии. Стало быть, где-то в глубине души боятся! Боятся каждого восхождения, скоростного спуска, погружения. И в каждом преодолении такой герой убеждает окружающих и особенно самого себя – я не трус!

На самом большом из плакатов было бы начертано: «Парашют – источник смертельной опасности! Остановись, пока не поздно!»

«На мой взгляд, эти прыгуны – все психи. В большей или меньшей степени, в зависимости от числа прыжков, – подумал Гриша, – Солдаты-срочники не считаются, а остальных, начиная с контрактников – точно надо брать на спецучет. Кто по своей воле прыгает второй раз – уже не в своем уме. Первый – бывает по дурасти, сам попробовал. На спор, как

сейчас помню. Спор выиграл, а штаны... Никому не советую!»

– Ладно, раз начал, продолжай. Только имей в виду – никаких командировочных не получишь, пока не будет готова хотя бы «рыба»!

Глава шестая

август 2016, Санкт-Петербург

Вполне возможно, прижимистый Гриша не стал бы заранее так скупиться, если бы Борис честно-откровенно вывалил ему все, раскопанное по горячим следам. Однако самое аппетитное Боря всегда припасал для себя и не спешил делиться ни с кем. Аэродром с сельскохозяйственным названием «Бычье Поле» оказался прямо-таки полем чудес.

Давным-давно взяв себе за правило с утра пораньше обзванивать по три-четыре полицейские «точки», то есть территориальные участки, он ни разу не пожалел о потраченном времени, а иногда и деньгах. Случалось ловить не просто рыбку, а горячую, даже жареную. Вот и сегодня, в воскресенье, не поленился и был вознагражден. Удалось узнать при выполнении заурядного парашютного прыжка пропал спортсмен, да не просто спортсмен, а еще и бизнесмен.

– Пропал? С парашютом? Снесло куда-то? В лес?

Давний знакомый и эпизодический собутыльник Миша Стеклов служил в полиции. Добросовестный, внимательный и на редкость честный участковый в генералы не стремился, а свой район знал досконально.

– Смеешься? У нас же остров. Участок выброса был над

западным концом, там суши километра два на полтора. У него вроде купол не сработал.

– А запасной? Их же два? Или я дурак?

– Они там говорят, не раскрылось ничего.

– Кто – они?

– Да летчики, из аэроклуба. С Бычьего поля.

– Какого поля?

– Слушай, некогда мне с тобой ликбез проводить. Аэродром на Острове так называется, там базируются маленькие самолеты, на них экскурсии устраивают и даже с парашютами прыгают. Этим занимается клуб «Альбатрос». Вот у них вчера случилось ЧП. Расшифровать?

– Не, понятно. Кто-то расшибся?

– Пока говорят – пропал. Спрыгнуть спрыгнул, а до поляны, где надо было сесть, не долетел. Вот и все на сей момент.

– И не нашли? А искали?

– Ищем, сегодня возьмемся всерьез. Вчера, сразу как он гробанулся... пропал, они сами пытались – полетали, поглядели, ни черта не вышло, потом нам сообщили, а пока я с ребятами выбрался – стемнело. Подъезжай, поучаствуешь...

– Скоро буду. Ничего, если побриться не успею?

– Все шутишь. Давай, мне ждать некогда, волонтеры на подходе, в девять ноль-ноль выдвигаемся.

– А если точнее – куда мне рулить?

– По кольцевой до крепостной развязки, оттуда на запад. Проскочишь мимо таможни, заправки, а за кладбищем бе-

ри влево, к заказнику, там указатель. Еще полверсты, и поглядывай, по полянам-рошицам будут машины стоять, люди бродить. Не заблудишься. Участок поиска приличный – от рва до демидовской батареи. Работы на день хватит, если еще управимся.

На поиски Борис, разумеется, не поехал. Чего он там не видел? Как выглядит труп, спикировавший с нескольких километров, в целом догадывался, а детально разглядывать желания не было. Вместо этого помчался прямо на аэродром.

август 2016, остров Котлин

– Как зовут пропавшего? Тришин. Полностью? Знаю, конечно. Дмитрий. А отчество – не скажу. Он представлялся «Дима». Владимирович? Может, и так. Откуда его знаю? Да он тут считай за своего. Почему за своего? Часто прыгает. Что значит часто? Каждый месяц по разу, а то и два. Разбил-ся? Кто вам сказал? Ну да, скорее всего. С парашютом? А как еще с самолета прыгают?

Манера рыжего меланхоличного паренька, так называемого «выпускающего», отвечать на вопросы, сначала повторяя их, а потом задавая свои, взбесила Бориса на десятой секунде беседы. Он прибег к сильнодействующему средству.

– Слушай, если это не ты его толкнул, то кто?

– Я?! Толкнул? Ты чего?

– Чего-чего! Человек, может, погиб, а ты тут Ваньку валяешь!

– А я Ванька и есть... То есть зовут меня так. Иван Сергеевич я, Пановец. Я их, прыгунов, который год выпускаю, и никто никогда... И этот на моей памяти не счесть сколько раз...

– Он один был?

– Один? Почему один? Прошлый раз – да, один. И позапрошлый. Раньше не помню. А в этот – с бабой...

– С какой бабой?

– Баба как баба. Молодая, чернявая. Худоватая только. Я еще спросил – весу в тебе хватит? Она не въехала, говорит, у нас хватало... Тогда он ее за жопу взял, приподнял и говорит: «Нормально, командир!» Я думал, она ему по морде съездит! Так дернулась! Чисто недотрога!

– Как понимать – хватит, не хватит? У вас что, лимит?

– Ты сам, наверно, не прыгал? Ага, лимит... Только наоборот. Если меньше полусотни – прыгать вообще нельзя.

– А почему «у нас»? Она нездешняя?

– Нездешняя – это мягко сказано. По документам она англичанка. Сказала, тут учится, в Эрмитаже. Развеяться решила.

– На Острове? Ей на берегу аэроклубов мало?

– На берегу? Там есть, да. Только на прыжки очередь, у нас свободнее. И еще она хотела сверху на Крепость посмотреть, говорит, красиво. Посмотрела. А прыгать там нельзя.

– Почему? На крышу сядет?

Рыжий глянул снисходительно, явно развеселенный очевидной тупостью вопроса.

– Почему на крышу?... Лопух ты, хоть и мент! Насрать нам на крыши. Ветер, понимаешь? У нас остров. Нам их надо так скинуть, чтоб они пришли на площадку и в море ненароком не улетели. Хотя им жилеты дают, ясное дело. Но лучше все-таки над сушей. А тут с утра ветер был восточный, подходящий, а как подошло время вырывать, поменялся, стал наоборот, оттуда, – он показал рукой на запад, – И пе-

ременный, порывы то туда, то сюда. Данька им говорит: может, повременим? А он – не, поехали! Полчаса осталось. Ну и поехали...

Борис решил: раз он – лопух, можно побыть и ментом.

– Как понимать – полчаса? До темноты?

– Какой темноты? Сам ты темнота! Мы ж работаем до семнадцати. Пока взлетим, поднимем, сбросим... А им спуститься – это тебе не лифт, тоже время. Короче, порядок такой.

– Как-то это... Он, выходит, приехал к концу полетов?

– Приехал? Ну да, на своей тачке. Машина у него классная. А к концу – так он всегда... Наверно, чтоб посвободнее. Все норвят с утра пораньше, а ему ждать неохота. Тут приехал, заплатил, записался, к Михалычу, и на борт.

– К какому Михалычу?

– Как к какому? Михалыч у нас один. Риггер наш.

– Немец?

– Сам ты немец! Риггер – это не фамилия. Укладчик он.

– Укладчик?

– Ну а кто еще? Те, кто любят это дело... ну, прыжки, они себе парашюты сами покупают. Которые от случая к случаю – клубные берут, уже уложенные, а этим, частникам, он всегда переукладывает.

– Зачем?

– Зачем? Ну, ты даешь! Если они сами дома уложат, так через одного лепешки пойдут. Укладка – в этом деле самый

главный момент. Вот Михалыч и при деле.

– Так и ему, этому Тришину, тоже он укладывал?

– Тришину? А кто же еще? Он, больше некому.

– То есть если парашют не раскрылся, его вина?

– Вина?! Ты чего? Никогда еще не было у нас, чтоб не раскрылся!

– А вчера?

– Что вчера? А, это... Ну, еще ж неизвестно, в чем там дело. Может, он сам...

– Как это – сам?

– Ну, мало ли...

– А больше ничего особенного не заметил?

– Да поначалу все как всегда. Крепость, чумной форт ей Данила показал, облетели красиво, потом пошли на другой конец, набрали считай предел, они вышли. Ничего особенного.

– Она вроде обиженная была, может, ругалась?

– Да ни фига она не обижалась, еще трепались там, перед выбросом.

– Она по-русски говорила? Ты ж говорил, американка?

– Я сказал американка? Англичанка же! А там – вроде по-русски, он собрался, говорит, до встречи на земле, а она ему: «я ниже» и добавила что-то вроде «три мили».

– Три чего?

– Три мили. Мы поднялись на четыре с половиной тысячи метров. Он просил, давай еще, но Даня уперся – для «Сесс-

ны» это потолок. Если еще выше, можно свалиться, тогда всем кранты.

– Свалиться? Там у вас что, стенок нет?

– Не, ты совсем? Если на пределе высоты аэроплан еще задерет нос – вполне возможен штопор. Нам за это не платят, знаешь ли. А при выбросе вес падает, машина может сама подпрыгнуть, а результат одинаковый. Вот они и пошли примерно на трех милях, если по-английски.

– Ты сказал, поначалу как всегда. А когда пошло не так?

– Кто, я сказал поначалу? Ну да, а когда они пошли, я смотрю, одно крыло раскрылось, а другого нет и нет. Я и говорю Даньке: «Похоже, у нас нештат. Отказ у второго».

– Крыло? Какое крыло? Они Икары у вас?

– Ну, е-мое, ты вообще телик смотришь? Круглые парашюты только в армии остались, для лохов. Счас все купола делают плоскими, они летают, как воздушный змей. И называются – крыло.

– А почему ты решил – у второго? А не у второй?

– Кто, я решил?

– Блин, кончай ты переспрашивать!

– Ну, мы ж их там по мальчикам-девочкам не различаем! Первый-второй, и все дела... Данила стал снижаться, а я гляжу – и запаски не видно. Тогда мы и передали в Быки – скорее всего имеем полный отказ. Нам сказали – пройдите, посмотрите на земле.

– Как – пройдите? Вам же еще сесть надо было?

– Не, ну ты конкретно тупой! Пройтись – это типа облет сделать, пару кругов. Раскрытый купол на земле хорошо видно.

– Прошлись? Облетели?

– Прошлись. Ни хрена не нашли. Значит, раскрытия не было вообще.

– А комбинезон? Он ведь красный, должен быть заметен?

– Почему красный? Ой, извини... Совсем не обязательно. У каждого свой. У этого, нашего – черный... был. А у нее серебристый с голубым.

– Так вы там долго ходили... в смысле летали?

– Да у нас горючки оставалось на пять минут! Крутнулись, на выходе ноль по фазе – и домой.

– И больше ничего? Странного?

– Ну почему ничего? Я и говорю, как сели, к месту подрулили, подбегает старший по земле. Вот оно самое странное и показалось...

– Старший странно подбежал? К самолету?

– Я разве сказал – к самолету?

– Слушай, еще раз переспросишь – в ухо дам!

– Не, мы выбрались, нам кучу бумаг писать, вот и пошли на вышку, сдаваться. ЧеПэ, не хрен собачий!

– Ну, не томи... Что старший сказал?

– Говорит – второго тоже нету.

– Как это – нету?

– А так. Убег. Укатил. Там какой-то вроде пацан на мото-

цикле крутился, он, вернее она его подозвала, парашют кинула, коза, сзади села, и др-р-р-р!

– А как они узнали, кто убежал? Почему она, а не он?

– Как узнали? Ой, извиняюсь... Диспетчер говорит: «Ну, ребята, писец! Ваш нештатник – крутой парниша, добра не жди!» Как будто от некрутого нам полное счастье...

– С чего он решил – крутой?

– С чего решил? Ой, ну прости, я нечаянно... По машине. Я тебе говорил, на какой он тачке катается? Вон, на стоянке, красный «жеребец»... Сверху видно – машина на месте. Как приехал, так и стоит. Значит, это он накрылся. А баба с перепугу ноги сделала. Вот и все.

– Постой, давай о другом. Они же к вам не с улицы приходят? Я имею в виду, на посадку?

– С улицы? Не, у них обязательно инструктаж, их записывают... там и доктор, если надо. У нас строго!

– А можно на журнал посмотреть? Как они записались?

– Как записались? Ну, пошли, посмотришь...

В пухлом прошито-пронумерованном журнале чуткий репортерский нос уловил первый, пока слабенький запах – едва ощутимо потянуло сенсацией. Дата, время, номера лицензий, страховка... Фамилия, имя, адрес... Летчик ткнул пальцем в страницу:

– Вот, смотри, за вчера прыгало шесть пар.

– Они всегда попарно?

– Почему попарно? Ой... Да в нашу «Сесну» больше

двух не лезет. По одному бывает, а по трое – никак.

– Покажи-ка... Ага. Все местные, питерские, кроме последней...

– Последней у нас не говорят... Лучше – крайней.

– Ну, крайняя... О-па! Ты-то сам читал?

– Кто, я? Читал, ясное дело! Не я один...

– А тут ничего странного не увидел?

Последняя заполненная графа гласила: Dzhuliya Lambert, London, U K.

– А что тут странного? Я в школе английский учил... Вот, пожалуйста: «Джулия Ламберт, Лондон, У Ка»...

– Ну?

– Что? УКа... Уголовный кодекс?

– Какой кодекс! «УК» – по-английски «Соединенное королевство». Англия. Имя, фамилия не знакомы?

– Знакомы? С какой стати? Я там и не бывал никогда...

– А в библиотеке бывал?

– Зачем?

– Понятно. Ну, сходи, как проверка отпустит. А лучше маму-папу спроси, может, просветят...

Ваня надулся, засопел.

– Слушай, кончай нервы мотать. Маму-папу...

– Так, говоришь, красный «Феррари»? Да, вроде есть такой на стоянке. Ну, давай улыбочку! Фото на память.

– Фото? На фига фото? Для протокола вроде не полагается. Подписать я подпишу, а фото не надо...

– Какого протокола? По-твоему, я мент?

– А разве нет?

– Нет, конечно! Где ты видал небритых ментов в джинсе?

– Мало ли... Маскировка, прикрытие...

– Додумался, конспиратор. Прикрытие... Пресса! Газета

«Ночной кошмар» – слыхал? Я – специальный корреспондент Позоров, к вашим услугам!

– Пресса?! Специальный? – убитый вид Вани-выпускающего вызвал серьезные опасения за его здоровье, – Кошмар!.. Позор... Да иди ты со своим фото знаешь куда!

В центре стоянки действительно стояло бросающееся в глаза приземистое четырехколесное чудо. На подходе к нему Бориса догнал запыхавшийся рыжий.

– Эй, журналист! Подожди, я кое-что припомнил. Она сказала...

– Кто? Где? Когда?

– Эта, англичанка... Джудит. Когда? Перед выходом. Не, не три мили. Я еще подивился. Помнишь, капитан из кино про мушкетеров? Дуров там играл? «Тревиль!»

Ого! А вот это серьезно. Не «Дима», не «Эй, парень!»... Кличка? Но ведь она его впервые видела? Или нет?

– С чего бы ей мушкетеров поминать? Наши фильмы, и вообще... Мне кажется, три мили – больше похоже. У вас там шумно, моторы... Да ты, наверно, и в шлеме был?

– Фильмы? Да, в самом деле. А шлем я не надеваю, от него башка здорово чешется. Наушники, и все. Но я один всегда

сдвигаю, мне надо их слушать...

– А подслушивать – нехорошо!

– Подслушивать? Кто сказал подслушивать? Слушать – вдруг у кого проблемы... Наверно, все-таки три мили. И высота, точно, такая была.

– Ладно, я поехал. Пока. Извини, если что не так.

– Что не так? А... не, ничего. Ты только это... Не пиши про библиотеку...

– Какую библиотеку?

– Ну, типа я не знаю про ту, Ламберг...

– Не переживай, не буду. Тем более, о ней на вашем Бычьем аэродроме вообще никто не слышал.

Журналист на мгновение представил абзац: «Накануне в клубе «Альбатрос» состоялась незапланированная премьера. В постановке приняла участие героиня популярного романа «Театр» лондонская актриса Джулия Ламберт. Действие проходило на пленэре, при полном отсутствии публики. Прима как всегда успешно сыграла парашютистку, а ее партнер, доброволец из местных джентльменов, сыграл в ящик...» Напечатают? Вряд ли... Разве только в качестве прощального очерка. И работы потом не найдешь.

– И еще, – шмыгнув носом, добавил Ваня, – Дежурная говорит, эта Жулия...

– Джулия.

– Ну... Она его будто ждала.

– Ждала?

– Ага. Она нарисовалась раньше, намного. Часов с двенадцати крутилась, а когда он приехал, тут и пошла записываться.

– А как она его узнала? Думаешь, они были знакомы?

– Ну кто говорит – знакомы? По машине, как еще? Много ты таких видал в Питере?

– Да, действительно. Слушай, ты молодец! Благодарю за службу! Ждала три часа, чтобы сказать про три мили... Или километра?

– Не, мили... А к Михалычу пойдешь? Ты его только сильно не пытай, а то он и так с ума сходит. Один купол – и то беда, а тут – два!

– Нет. Пусть уж с ним менты разбираются. Я потом. Мне сдается, вряд ли он виноват. Если б так, на его месте любой бы или удавился, или в Финляндию рванул.

– В Финляндию?! А, ну-ну... Шутишь все-таки.

– Шучу. Ну, пока.

Журналист сам не понял, зачем, прощаясь с туговатым летуном, на всякий случай использовал известное правило психологии: человек лучше всего запоминает последнее сказанное в разговоре. Поэтому можно быть уверенным: в последующих беседах со своим начальством, полицией и прочими Ваня скажет про «три мили» и не вспомнит о «Тревиле».

Глава седьмая

2010, Нью-Йорк

Диплом юриста и несколько впечатляющих фотографий на стене, ранняя седина и задумчивый взгляд... Вежливая тактичная манера речи. Понимающие кивки в нужные моменты... Агент по недвижимости – тонкая работа.

В огромном городе, где более половины населения составляют представители не самой чистой крови, даже смугловатая кожа служила Билли Коэну дополнительным бонусом. И фотографии. Кто не видел этого ужаса – «Боинги», врезающиеся в «Близнецов»... Клиенты обычно задерживали взгляд, а хозяин риэлторского агентства тихо пояснял: «Да. Мой первый бизнес был там, в южной. На сотом этаже... Чудом уцелел. Проспал, не верите?» Мог и чуть увлажнить глаза. Верили. И покупали именно у него.

Оттенок кожи бизнесу не мешал, но при каждом взгляде в зеркало напоминал – он, Уильям Коэн, хоть и стопроцентный американец, далеко не чистокровный. Мать, такую ее мать, абсолютно белая, а вот отец... Отца он не знал. Мальчиком привычно повторял материнскую байку: папа – летчик, погиб во Вьетнаме. В семьдесят пятом... Друзья понимающе кивали. В школе, в колледже. Но за спиной посмеи-

вались, словно знали: его мать – низкосортная подстилка. И главное доказательство – она. Сестра. Малютка Филли родилась значительно позже окончания вьетнамской войны, тут уж ни на какого геройского пилота-морпеха не спишешь. И цветом кожи удалась наверняка в одного из мамашкиных клиентов. Чертова шоколадка!

В день совершеннолетия он вернулся домой с твердым намерением выпытать у матери все. Расколоть старушку, как говорили сверстники, товарищи по футбольной команде. Не удалось – после пожара в забегаловке, где она мыла посуду, ее увезли в больницу. Ему объяснили – произошла утечка газа, мать сильно пострадала. Надо быть мужественным и готовиться к худшему. Навестить удалось всего один раз, а поговорить не получилось вообще. Слабый голос из-под повязки попросил не бросать сестру, любить и заботиться о ней. Назавтра Дороти Коэн не стало.

Годы учебы и первых попыток пробиться в люди Билл старался не вспоминать. Много там не пришлось бы по вкусу большинству законопослушных граждан, но жизнь есть жизнь. Своей главной заслугой считал сохранение свободы и независимости от крупных преступных группировок. Не отличаясь ростом и силой, брал мозгами. И еще – сам участвуя в распространении «белой смерти», не попробовал порошок ни разу. А сестра росла в приюте, как он называл дешевый интернат для сирот, где ей предоставили кров, кормежку и кое-какую школу.

Все это время сын помнил о матери, не забывал и ее последних слов. И каждое мгновение, каждая молекула этих воспоминаний были пропитаны ненавистью. Решение отомстить подлой потаскухе за свое загубленное детство, изуродованную юность, нищую молодость, полные насмешек и оскорблений, Билли хранил глубоко в сердце и никогда никому не выдал. Орудием мести следовало стать сестричке, Филлис.

Имя девочки по замыслу мамы было призвано сделать ее любимой и счастливой... вот об этом-то он и позаботится! Разница в их возрасте составляла одиннадцать лет. К тому моменту, когда настало нужное время, Уильям уже обзавелся собственной фирмой с офисом, клиентурой и неплохими перспективами. И собственным домом, куда забрал сестру из интерната, по всем правилам оформив опеку.

Там и воплотил давнюю мечту, в буквальном смысле выполнив данное умирающей обещание заботиться о сестренке и любить ее. Заодно с любовью старший брат приобщил юную красавицу к легким наркотикам и, постепенно обучая, вывел на материнскую стезю – сделал проституткой. Ее помощью иногда пользовался и в своих делах, когда требовалось размягчить особо несговорчивого клиента. Она справлялась, и все шло просто отлично, пока шалава не встретила каких-то сектанток.

В один прекрасный день просто исчезла, не сказав ни слова, ничего не объясняя. Как посмела? Он попытался навести

справки – что за клуб, кто и по какому праву забрал у него игрушку, рабыню? Да, она совершеннолетняя, опека над ней недействительна, но все равно – принадлежит ему! Все старания разыскать пропажу оказались безрезультатны.

На его ежедневные звонки отвечал механический голос. «Аппарат абонента временно недоступен». По прошествии месяца пришла СМС: «У меня все в порядке. Не ищи, скоро вернусь». Сегодня, наконец, позвонила, сказала: придет. Им надо поговорить, лучше всего в его офисе. Вечером, без свидетелей.

Седьмого сентября всем памятного года он окончательно договорился об аренде двух комнат в Южной башне, а десятого – впервые поднялся на сотый этаж. Поглядел из окна: дух захватывает! Сделал фото. Отлично, завтра приступим. По новенькому телефону пригласил первых клиентов.

Показал рабочим, как следует расставить мебель, спустился и отправился в ставший уже бывшим офис, оттуда на демонстрацию нового домика очередному счастливчику. Завершение сделки запланировали уже на новом месте, двенадцатого.

Одиннадцатого он, разумеется, никуда не проспал – ранний подъем его никогда не привлекал. Зачем вставать ни свет ни заря, отказывая себе в удовольствии понежиться часок в теплой постельке? Первые клиенты появятся к десяти, не раньше. Те, кто с рассветом мчится за покупками, ниче-

го не покупают, кроме бензина, кофе и пищи. За жильем в такую пору стремятся только бедняки – не его категория.

Поэтому ужасающую картину крушения несбывшейся мечты увидел по телевизору и отчетливо понял: из этого надо извлечь максимум выгоды. На месте побывал, как только осели тучи пыли, но не ради участия в какой-либо благотворительности, борьбе с огнем или раскопках, боже сохрани! Ему надо было пропахнуть дымом, гарью, горечью катастрофы с сугубо практической целью – для предъявления доказательств страхователям. Ведь рано или поздно наступит время компенсации.

Он не ошибся, все прошло наилучшим образом, и потеря на сотом этаже обернулась приобретением на нынешнем, десятом в старом, но солидном дорогом здании вблизи от центра. Высоту выбрал такую, чтобы в случае чего не зависеть от лифта. И офис – с выходом на широкую старомодную лестницу с просторным проемом. Страх, испытанный при виде кошмарных развалин, где вполне могли быть и его останки, впитался намертво. Никакая сила мира не смогла бы заставить жить или работать там, откуда нельзя за минуту сбежать по такой вот лестнице – надежной, прочной. Вечной.

Но поднимался обычно все-таки на лифте. Тоже старом, солидном, надежном. Тот при движении слегка поскрипывал, кряхтел, успокаивая пассажиров: «Да, я не какой-нибудь торопливый юнец, мне спешить некуда. До десятого этажа довезу, не извольте беспокоиться. А выше – только кры-

ша...»

Беглая проשמандовка назначила встречу на восемь вечера. Пришлось после приема последнего клиента – дамы, желавшей сменить шумный Бронкс на что-то поспокойнее, сходить в привычное кафе на углу, подкрепиться стаканчиком и подумать, как ее наказать. Так пока ничего не придумав, он вошел в лифт и нажал кнопку своего этажа. Но в начавшие закрываться двери протиснулся еще один пассажир – женщина, на вид за тридцать, стройная, темноволосая. Очень похожа на его позднюю клиентку, он едва удержался, чтобы не сказать ей об этом. Потом, приглядевшись, понял: сходство, не более. Та помоложе, и цвет глаз иной.

– Прошу прощения! Вы позволите?

– Да-да, конечно, – он без стеснения разглядывал неожиданную попутчицу, – Вы на какой этаж?

– Восьмой.

– Тогда вам выходить первой. Прекрасная погода сегодня, не так ли?

– О да.

Еще несколько ничего не значащих фраз... Билли начал подумывать: не попытаться ли познакомиться поближе, когда она вдруг испуганно округлила глаза, глядя мимо и выше его головы.

– Что это? Дым? Неужели пожар...

Этого только не хватало! Уильям Коэн обернулся взгля-

нуть на вентиляционную решетку. И ничего не увидел. Да и не мог увидеть – никакого дыма не было. А в следующее мгновение к его шее у затылка приложили некий предмет, раздался негромкий треск...

Передумав останавливать лифт на «своем» этаже, женщина нажала кнопку отмены, затем – десятого. При этом, крепко прижав потерявшего сознание риэлтора к стенке кабины, не дала ему упасть. Наверху к компании присоединилась та самая клиентка, последняя в карьере и жизни Билла. Вдвоем они без труда поднесли его к перилам роскошной лестницы, позволили подошвам ботинок плотно отпечататься на полу, пальцам на перилах, а затем перевалили в проем. Спустя три секунды внизу грохнуло.

Две женщины, о чем-то разговаривая, вышли из дома, не обратив внимания на тело, застывшее на дне лестничной клетки. Наверное, не заметили – ведь лестница имела еще два пролета, ведущие в подвал старого солидного здания. Труп оказался вне прямой видимости от входа. Обнаружил его утром следующего дня служащий водопроводной компании, пришедший для планового контроля счетчиков.

Причина смерти казалась совершенно очевидной – падение с высоты. Скорее всего, имело место самоубийство. В разговорах за стаканчиком погибший неоднократно говорил приятелям: тот страшный сентябрьский вторник навсегда в его памяти, просто жить порой не хочется...

Единственная наследница, младшая сестра мистера Ко-

эна, в день трагедии проходила курс реабилитации в наркологической клинике и к его поступку не могла иметь никакого отношения. Она, разумеется, лучше всех знала своего брата. Он был очень добр к ней, любил, заботился и воспитывал. Прямо отец родной.

Сотрудникам полиции удалось выяснить: в психическом отношении Уильям бывал неуравновешен. Сказывался давешний теракт, не иначе. Расследование пришло к однозначному выводу – бизнесмен испытывал психологический дискомфорт, злоупотреблял алкоголем и во время очередной депрессивной атаки покончил с собой. Ничего особенного. В трудное время живем...

Косвенное подтверждение удалось получить и в баре, где роковым вечером покойный риэлтор провел час перед смертью. Со слов бармена, Билли был чем-то серьезно расстроен. На его дежурный вежливый интерес хмуро бросил: «Проблем гора, хоть в петлю лезь...» Повеситься довольно просто, да и некрасиво – неизбежны всякие неопрятности вроде непроизвольного мочеиспускания, дефекации, высунутого языка... Тогда бедолага, приняв для храбрости, вернулся к своей конторе, постоял у перил, решился и кинулся вниз.

Давно обурившиеся «близнецы» нашли еще одну жертву.

Август 2016, остров Котлин

Капитан Стеклов, ответивший на утренний Борин звонок, казался раздосадованным. Судя по обилию пыли на ботинках и потной физиономии, он нашагал по окрестностям не один километр. И – без результата.

– Здравия желаю! – спецкор строевым шагом приблизился к усталому поисковику, – Поздравлять, похоже, пока не с чем?

– Вольно... Угадал. Прочесали весь заказник, и ни хрена.

– А может, он в море улетел?

– Нет, это вряд ли. Авиаторы сказали, сброс был над батареей. Ветер, конечно, менялся... Нет, если бы в море – уже прибило бы. Прибойную полоску мы посмотрели хорошо.

– А как вы ищите? Под каждым кустом?

– Не смейся, а? На кой нам под кусты? Тут скорее надо НА кусты-деревья глядеть. У него же парашют! Ты его вообще когда-нибудь видел?

– Кого? Тришина?

– Хренишина, елы-палы! Па-ра-шют!

– Ну да, белый, шелковый...

– Ох, и за что тебе там в твоём «Кошмаре» деньги платят?

Их давно не из шелка делают. И не белый у него. Основной – красный, запаска – желтый. Но оба – большие, квадратов по двадцать. Ни с чем не спутаешь.

– А мне сказали, основной не раскрылся...

– Кто сказал? А, так ты уже на Бычьем побывал?

– Угу. В «Альбатросе» с выпускающим погутарил. Он сказал, если бы хоть один из куполов раскрылся, они бы сверху засекали. А так – нет.

– Тогда еще хуже. Эти, добровольцы, выдохлись уже. Еще на час их хватит, и буду сворачивать. Надо переинструментировать, чтоб искали не тряпку, а конкретный... результат.

– А где ты так быстро волонтеров на вербовал? Красный крест?

– Смеешься? С этим крестом надо дня три договариваться. Там, в летном клубе, хозяева связались с физруками ближних школ, лицей. Мальцов из десятого класса собрали. Чего им на каникулах зря по улицам шляться? Нам помогут, заодно свежим воздухом подышат. Со старшими, понятно. Десятка два набралось, хватит. По тройкам разбили, прочесываем вдоль и поперек.

– Мишаня, не в службу, а в дружбу... Как найдете, свистни, а? С меня причитается! У нас сегодня полный цейтнот.

– Цейтнот? А я думал, ты мне компанию составишь.

– В чем? Я же за рулем...

– Тебе бы все пить-гулять! Я тут в одно местечко хочу наведаться.

– Далеко?

– Рядом. Вон в той рощице шалашик, там Блесна и обитает.

– Кто такая?

– Не такая, а такой. Местная достопримечательность.

Бомжик.

– Миклухо-Маклай? А почему Блесна?

– По зубам. Увидишь – не забудешь. Голливуд отдыхает. Днем свет божий затмевает, ночью землю освещает...

– Да ну? А на черта он тебе?

– Мы ищем, а он, может, уже знает, где наш прыгун валяется. Пошли, а?

– Пошли.

Шалаш был замаскирован на славу. Если бы участковый не знал точно, где искать, Борис прошел бы в двух шагах и не заметил. Аккуратное сооружение, органично вписанное в пейзаж, казалось его неотъемлемой деталью. Приподняв грязный брезент, закрывающий вход, капитан позвал:

– Блесна! Коля, ты дома? – не дождавшись ответа, Стеклов заглянул внутрь.

Глянул и Боря. В шалаше никого не было. Ложем хозяйину служило старое заднее автомобильное сиденье, имелся складной табурет. Позади берлоги – небольшое кострище с остывшей золой.

– Промашка вышла. А жаль.

– Розыск объяви... Толку нам с него...

– Ты думаешь? Может, и никакого. Давай, кати. Свистну.

Глава восьмая

август 2016, остров Котлин

Журналистская интуиция не подвела – второй день поисков не дал ничего, и только на третий, под вечер, один из волонтеров, уже возвращаясь к пункту раздачи чая с бутербродами, заглянул под выворотень у болота. Обрадованный старшекласник позвал товарищей, и вскоре у находки толпилась вся группа. Последовали одиночные и групповые фото и видео для выкладки в сеть, селфи и тому подобное.

Примчавшийся капитан попытался навести порядок, но сразу стало ясно: если и были какие-либо следы, то после подростковой тусовки их точно не осталось. Бренные останки теперь уже профессионально сфотографировали во всех мыслимых ракурсах, извлекли на свет Божий, еще снимали. Кроме извещенного первым Бориса явилась бригада телевизионщиков и представители конкурирующих бумажных изданий.

Образовавшаяся на берегу пруда небольшая толпа усиленно жестикулировала и хлопала в ладоши, но не от восторга, а пытаясь разогнать слетевшийся гнус. Окрестные лягушки диву давались: кому придет в голову отмахиваться от еды? Сама в рот лезет, знай высовывай язык, лови и насла-

ждайся. Странное создание – человек. Пришли, машут, вы-
сматривают...

Разглядывать по большому счету было нечего. Труп –
он труп и есть, к тому же не слишком свежий. Очевидную
странность в амуниции жертвы мигом разъяснил знаток с ви-
деокамерой на плече.

– Все понятно! Суицид!

– С чего ты взял? – поинтересовался Борис.

– Я ж в десантуре служил, – снисходительно бросил бы-
валый, – Он стропы отрезал, и хана.

– Как отрезал? Сам себе? Чем?

– Ну, брат, ты даешь! За что тебе Гришка деньги платит?

Борис едва сдержался. Всего за сутки ему который раз да-
вали понять: он не кто иной, как зажавшийся дармоед. «А
судьи кто?» – хотелось воззвать в ответ, но на обиженных,
как известно, воду возят. Прикинуться олухом для дела по-
лезнее.

– Просвети балбеса...

– Каждый парашютист имеет при себе спецнож. С кноп-
кой. Стропорез, понял? Чтоб, если стропа перехлестнется,
ее чик-чирик. Вот. А этот – видишь, все одним махом отша-
рашил. Что-то его допекло, а лучшего способа угробиться не
придумаешь. Так-то, Боря.

Действительно, стропы запасного парашюта были ровно,
словно бритвой, отрезаны вблизи места крепления к ранцу.
Шансов выжить после такого и вправду не было. Ни одного.

При этих словах бывшего десантника на двух лицах, до того хмурых и сосредоточенных, проступило явное облегчение, граничащее с неподобающей в этом случае радостью.

Одно лицо Борису было хорошо знакомо – облегченно вздохнул капитан-участковый. Раз самоубийство – не надо никого больше искать, рыть-копать. Труп есть, а дела – нет. Такой вот счастливый парадокс.

А вторым испытанным падение груза с души был представитель аэроклуба. Он удовлетворенно кивнул «знатоку».

– Да, молодой человек, вы правы. Ситуация ясная. Сам, больше некому.

Его удовольствие было еще понятнее, чем полицейское. Если отказ одного парашюта, основного, в природе встречается, пусть и нечасто, то чтобы два – явный перебор. И тогда – виноват укладчик, однозначно! А с чего бы клубному ветерану, абсолютно надежному отставному служаке, портить парашюты, обрекая спортсмена на верную смерть?! Так что – сам, сам и только сам! И временно отстраненного мастера надо, принеся положенные извинения, возвращать на рабочее место. Он после такого казуса станет еще втрое внимательнее. Не бывает худа без добра!

Борис был уверен на все сто – никакого намерения сводить счеты с жизнью у бизнесмена-прыгуна не было. Значит, все не так просто. Но со своими умозаключениями решил не высываться.

– Тогда получается, этот купол... крыло... должно быть

где-то здесь?

– Ну да. Надо хорошенько пошарить. Но, если свалилось хоть в этот пруд – черта с два его найдешь... А наверху ветер приличный, могло и в залив унести. Если он срезал стропы хотя бы на километровой высоте – запросто. Ищи-свищи...

Скептические речи доморощенного эксперта и впрямь сопровождались негромким посвистыванием со стороны пруда. Оглядевшись, журналист установил источник аккомпанемента: на дальнем краю водоема плавала утка в сопровождении стайки уменьшенных сереньких копий. Они-то и пищали. А больше прочих обратил на себя внимание один птенец, покрупнее остальных и с забавным чубчиком.

Этот барражировал неподалеку от занятых делом людей, то и дело поблескивая в их сторону бусинками глаз. Ни дать ни взять птичий папарацци. Может, у них, пернатых, есть свои масс-медиа, и он как раз сейчас занят подготовкой сенсационной статьи... И вчера, и позавчера был тут, на месте событий. Все видел, все знает. Эх, вот бы с кем побалакать! Хохлатому наверняка нашлось бы о чем насвистать бескрылому собрату по перу...

Сам Боря свистать не собирался, а вот поискать – решил твердо.

апрель 2016, Москва

Бездарь, болван, бестолочь... Это далеко не полный перечень и не самые обидные из прозвищ, которыми награждали Артура в детстве. И потом, в пору взросления, во время учебы в колледже, университете, и теперь, на пике самостоятельной деятельности. Да, «деятельности». Ибо работой то, чем он занимался по жизни, назвать было нельзя.

А почему? Да потому... Не всем же стремиться в президенты, министры и капиталисты. Вот его, аккуратного, образованного, хозяйственного и почти непьющего, вполне устраивало нынешнее «статус-кво». Умело изображая выше перечисленные достоинства, на самом деле он был полным, абсолютным лентяем. Жизнь идет себе, и ладно. Не надо об этом думать. Хочется поразмышлять – возьми кроссворд, sudoku какое-никакое, комп включи. Займи мозги.

Став благодаря удачной женитьбе начальником мелкого отдела в крупном министерстве, он постепенно втянулся в суетную, но безбедную чиновничью стезю. Плыл по течению, а женушкин папашка при нужде всегда выручал. Тесть, в отличие от большинства коллег и друзей-приятелей, всегда держался на плаву. Помогало бывшему партийному функционеру непостижимое чутье, позволявшее старику извлекать пользу даже из неприятностей.

Во время дефолта, расплывшего состояние и бизнес ку-

чи народу, сам комбинатор не просто не утратил, а многократно умножил и капитал, и влияние. Всего разок промахнулся, отдав дочку за придурковатого сыночка такого же умника из старых приятелей. Не зря говорится – и на старуху бывает проруха. Зять оказался ходячим недоразумением, лопуха пришлось вести по жизни за ручку, как малое дитя. Зато был послушен, не выпендривался, пил умеренно и к старшим относился уважительно. И жену вроде бы любил – во всяком случае, в открытую по блядям не шастал, охотно принимал участие в воспитании потомства. Внучата получились здоровые, росли умницами.

К родне относился уважительно, с почтением, всегда радушно принимал; в общем, внешне казался вполне приличным. А чего еще надо? Систематические вечерние посиделки допоздна в кабинете объяснял «делами работными», но родственник, много лет занимавший в ведомстве крупную должность, отлично знал – какая там к черту работа!

Мелкий чиновный деятель, подобно многим коллегам-бездельникам, любил поиграть на компьютере, а дома такой возможности не было. Вот он, выпроводив секретаршу, и гонял по экрану разные стрелялки, ну, и на неприличные сайты заглядывал. Ему было невдомек – все манипуляции с ведомственными машинами строго контролируются и учитываются. Покровитель, будучи в курсе экспедиций подчиненного, об этом даже не намекал. Пускай детка тешится. Не вредит, не продает – уже хорошо.

Вот и сегодня ровно в восемнадцать ноль-ноль Эльвира Леонидовна, наведя образцовый порядок на своем столе, заглянула к начальнику.

– Артур Васильевич, заместитель министра просил напомнить...

– Знаю, знаю. Материалы практически готовы. Сейчас окончательно просмотрю, и все. Вы идите, не беспокойтесь.

– Хорошо. До свидания!

– До свидания, – едва дверь за секретаршей закрылась, начался штурм очередного уровня «Танковой атаки».

Увлеченный перипетиями игры, он не сразу заметил: в кабинете опять кто-то появился. С неохотой нажав «паузу», оторвался от экрана и вздрогнул. На него с интересом смотрела симпатичная стройная блондинка.

– Вы ко мне?... Здравствуйте...

– Добрый вечер.

– Как Вы... По какому вопросу?

– Помогите, пожалуйста! – губы незнакомки задрожали, на глазах показались слезы, – Мне сказали, только Вы сможете...

– Погодите, не плачьте... Я... Все, что в моих силах...

Она обошла стол, приблизилась почти вплотную, будто собираясь что-то шепнуть на ухо. Он тоже подался навстречу, однако доверительного разговора не получилось – вместо этого его ткнули в шею двумя пальцами, и сознание померкло.

Через минуту, еще не полностью придя в себя, Артур почувствовал во рту какую-то приятную на вкус, но крепкую жидкость.

– Пей, пей... – ласково уговаривал кто-то, – Пей, легче будет...

Кому и почему будет легче, узнать уже не довелось. Когда стакан опустел, быстро хмелеющему «танкисту» помогли подняться из кресла. На подгибающихся ногах он, направляемый двумя парами рук, будто в дремоте сделал несколько шагов. Место умелого удара не зря называется «сонная артерия». Последним ощущением чиновника стало дуновение свежего вечернего воздуха в настежь раскрытое окно.

По периметру высотного здания на Кутузовском, где располагается министерство, в десяти метрах от земли тянется бетонный козырек. Проспект – улица довольно шумная в любое время суток, поэтому звук падения остался незамеченным.

Рано утром уборщица обнаружила горящий в кабинете свет и открытое окно. В выстуженном за ночь помещении еле слышно гудел вентилятор включенного компьютера. Аккуратная работница первым делом навела порядок: сетуя на нерадивых бездельников, ни за что получающих сумасшедшие деньги, наглухо закрыла створки, поправила жалюзи, выключила свет, тщательно вытерла подоконник, помыла пол.

И только заканчивая протирать полированные поверхно-

сти, обратила внимание на тихий шум из-под чиновного стола и мигание огонька на мониторе, означающего: прибор в режиме ожидания. Вмешиваться в работу вычислительной техники она сочла лишним. Решила при случае напомнить секретарше: начальник становится невнимательным, пусть проследит. И вышла, закрыв за собой дверь.

Переполох поднялся через полчаса после начала рабочего дня. Замминистра позвонил подчиненному раз, другой. Не получив ответа, наорал на секретаршу. Та, сдерживая слезы, постучалась. Не найдя Артура Васильевича на месте, встревожилась, позвонила ему на мобильный. Трубка телефона, переведенного на «вибрацию», беззвучно дрожала в метре от нее, в верхнем ящике письменного стола. На столе обнаружилась папка с материалами, та самая. Ее она отдала шефу на визирование накануне. Взяла, глянула. Все готово. Документы отправились по назначению, и коллегия началась вовремя.

Сидя в президиуме, тесть три часа поглядывал в зал, но так и не обнаружил бесовестного наглеца. Работает спустя рукава, теперь вообще прогуливать начал... Дав себе слово сегодня же устроить бестолковому зятючку головомойку, начальник выбросил дурня из головы – есть дела поважнее. Звонок дочери застал его за очередным «разбором полетов».

– Папа, где Артур? – срывающийся от волнения и гнева голос не оставлял сомнения: что-то не так.

– А я собрался у тебя спрашивать...

– Его и на работе нет?

– Почему «и на работе»?

– Он не ночевал дома, не звонил, ничего! Где он?

– Подожди, разберемся. Успокойся. Молодой мужик, мало ли... Дети в порядке?

– Какие дети?! Перестань его выгораживать! Я подам на развод!

– Тише, тише... Сказал: разберусь!

Долго разбираться не пришлось. Как оказалось, зять в продолжение всего заседания высшего министерского органа был совсем недалеко. Зал коллегий находится на третьем этаже, и именно под его окном лежал «прогульщик». Случайно выглянув, одна из сотрудниц охнула и упала в обморок.

Следователь быстро пришел к выводу: ничего особенного делать не придется. Допросив уборщицу, убедился – налицо банальное самоубийство. К этому выводу склонила и предсмертная записка. Немного необычная по форме, но типичная по содержанию. Гори монитор постоянно, все прояснилось бы гораздо раньше – на экране обнаружилась предельно лаконичная и понятная фраза: «Простите меня».

В тумбе стола стояла початая бутылка коньяка и стакан со следами этой же жидкости на доньшке, отпечатки пальцев на стекле принадлежали обитателю кабинета. А в верхнем ящике, рядом с мобильником, бросился в глаза незапечатан-

ный пухлый конверт. В нем – полсотни новеньких стодолларовых купюр.

Когда элементарная экспертиза показала: доллары при всем внешнем сходстве – грубая подделка, тесть не сдержался:

– Жил как дурак, и умер, как идиот!

Глава девятая

август 2016, Санкт-Петербург

Свистать – одно, искать – совсем другое. С чего начинать, когда начинать не с чего? Для начала стоит попробовать обратиться к классике жанра, то есть поискать женщину, раз уж она так или иначе причастна к событиям. Кого? Ее, «Джулию», напарницу бизнесмена-камикадзе по роковому прыжку. Конечно, ожидать обнаружения реальной дамы с таким именем и фамилией было бы слишком самонадеянно. Почему она столь явно обозначила фальшь – уму непостижимо.

Скорее всего, просто в шутку. Или полагая – о легендарной героине классического английского романа в России никто не вспомнит. Причем, как оказалось, вполне справедливо. Ни Ваня, ни укладчик Михалыч, ни барышня-диспетчер аэроклуба, ни все как один принимавшие участие в разборе «полета» менты не обратили внимания на просто кричащую, по мнению Бориса, «липу». Он обратил, но никого не посвятил.

Зачем говорить? Смысл? Никакого. Ответ известен заранее: «А давай ради смеха глянем, сколько в нашей стране, не говоря о мире, сыщется, скажем, Анн Карениных?» Пара сотен – точно.

Размышляя на отвлеченные темы, Боря вспомнил «показания» рыжего Ванюши: загадочная десантница умчалась в туманную даль на мотоцикле. Подсела сзади к «какому-то вроде пацану». А почему, собственно, пацану? На переднем сиденье вполне могла оказаться и женщина – спортивная, худощавая, стройная. Такая же, как и «прыгунья». Боря сел за телефон. Впрочем, сел – не совсем правильно. Нашелкал на мобильнике нужный номер и поговорил.

Через час он уже знал: из городских отелей за субботу и воскресенье выехали всего три пары женщин, подходящих по возрасту и, самое главное, иностранок. И одна из шестерых носила имя Джулия. С очень распространенной американской или английской фамилией Смит. Ее напарница звалась Синтия Робертс. Эквивалентно русским «Маша Иванова» и «Света Кузнецова».

Аэропорт не помог ничем. Вокзалы? С любого из них можно укатить, не предъявляя паспорта, в тысячу мест. Попробовать каким-то образом влезть в базу погранслужбы? Не пустят. Еще и неприятностей не оберешься, а толку – никакого. Если неизвестный поезд увез в неведомом направлении парочку американских гражданок, заинтересовавших репортера, то с этим уже ничего не поделаешь. В Эрмитаж зашел лично. И ушел ни с чем. «Какие стажерки? Из какой Англии?» Понятно.

Неудачливые охотники, промазав по зайцу, когда-то говорили: «насыпал соли на хвост». Охоту в ее буквальном пони-

мании Борис на дух не выносил, как и охотников. Вот подвиг – поехать на вездеходе в лес либо какую-нибудь саванну с собаками, ружьем, биноклем, чтобы выследить и убить зверя, заведомо не имеющего ничего сравнимого с твоим арсеналом. Еще и прибор ночного видения прихватят. Ты пойдешь туда с голыми руками или с ножом, луком, стрелами. Слабо?

Но охотничье чувство знакомо каждому журналисту, и сейчас первое разочарование сменилось азартной уверенностью: он прав! Дамочка совсем не случайно оказалась в паре с покойником и прекрасно знала, как закончился его прыжок и почему. Иначе бы не скрылась так стремительно и бесследно. Ее найти не удастся.

Хорошо. Одна ниточка оборвалась – потянем за другую. Она есть – тоненькая, почти безнадежная, но есть! Извечно риторический вопрос: «Что в имени тебе моем?» в данном случае вполне уместен. Главное – задать его правильно, и кое-что прояснится. Итак, начнем. Откуда? Кто и где знает человека лучше всего? В семье, на работе. Поехали!

Трубку сняли после второго гудка, как будто родители покойного ждали звонка.

– Слушаю. Тришин, – голос глухой, бесцветный. Старый.

– Здравствуйте, Владимир Егорович! Позвольте выразить Вам искренние соболезнования...

– Выразили. Дальше. Кто вы и чего вам надо?

– Шацкий. Борис. Специальный корреспондент...

– Достаточно. Никаких интервью не будет. Мне не о чем

с вами разговаривать, – связь оборвалась.

Борис, чувствуя себя последней скотиной, набрал номер повторно.

– Извините, Вы неправильно поняли. Мне нужен только ответ на один, всего один вопрос.

– Говорите.

– Вам известно, почему у покончившего... простите, у Вашего сына было прозвище «Тревилль»?

– Тре... Что? Как вы сказали?

– Тревилль.

– Н-нет, мне об этом ничего не известно. И не звоните больше.

Опытные экспериментаторы твердо знают: отрицательный результат – тоже результат. Отрицание бывает разным. Борису стало ясно: отец знает. Но не скажет. Докучать пожилому человеку, потерявшему единственного сына, не следует. Надо искать дальше. Телефон – хорошо, а машина – лучше.

Сворачивая на указателе «Норд Пак Три» к огромному параллелепипеду у порта, Борис был вынужден притормозить, пропуская нагло подрезавший его черный внедорожник. Тот, бесцеремонно проскочив мимо «кирпичей», запрещающих въезд, влетел в ворота и скрылся за углом здания.

А ему пришлось остановиться по команде охранника, предъявлять редакционный пропуск, четверть часа объяснять – он не просто так, а по неотложной необходимости. Чи-

сто из вредности Позоров напоследок заснял цербера, убедив бдительного стража – так надо для пользы дела.

В приемной директора симпатичная барышня с припухшими глазками и размазанным макияжем, явно от недавних слез, попыталась преградить ему путь. Но почему-то прикрыла стройным телом не массивную дверь с табличкой «Директор» и уточнением чуть ниже «Тришин Д.В.», а вход поскромнее, напротив. Без табличек. Боря, для отвода глаз направившись сначала к «главной» двери и таким образом слегка расслабив девушку, в последнюю секунду сменил направление и обошел барьер.

– Простите, вам должны были позвонить..., – закрывая дверь перед носом возмущенной секретарши, репортер повернулся в направлении стола заместителя главы концерна и онемел.

Зам, о котором Борису было уже известно – это Лобов Александр Иванович, тридцати пяти лет, женат, не судим – стоял перед ним в полуголом виде. И не просто, а с двумя гириями в руках. Увидев выпученные глаза визитера, он пробормотал что-то вроде «вот блин, задолбали», швырнул правую железяку к потолку, поймал, отправил на диванчик в углу кабинета. Повторив тот же трюк с левой, бросил: «Отвернись». Борис послушно отвернулся. Подождал пять секунд.

– Входите.

Снова повернувшись, журналист убедился: все в порядке. За столом сидел крупный, но не толстый мужик в обыч-

ном офисном «прикиде». Белоснежная рубашка, галстук. Пиджак висит на спинке стула. Руки аккуратно лежат на столешнице. Гладко выбритое лицо, короткая стрижка. Взгляд выражает гостеприимство и добродушие. А пудовых кругляшей – как не бывало.

– Вам должны были...

– Звонили, звонили. «Невские зори»?

– Нет. «Ночной кошмар». Спецкор Позоров. Борис.

– О, кошмар... Какой ужас! Вы по поводу?..

– Я по поводу предполагаемого самоубийства вашего директора.

– Не моего, а предприятия.

– Да-да. Вашего предприятия...

– Не моего. Их.

– Кого – их?

– Приставка в названии склада... извиняюсь, фирмы означает не номер. Один, два – не ищите. Три – значит «Тришин». Это – семейный торговый дом. Я – человек со стороны. Тягло.

– То есть доли в бизнесе...

– Нет. Не имею. И поэтому никакой выгоды угробить шефа у меня не было.

– Вы так говорите...

– Как будто не очень его любил? Да. То есть нет. Не любил. Но я его не убивал. И никак не способствовал. Мне здесь хорошо платят.

– А почему, как Вы думаете, он мог...

– Срезать себе купол? Не удивляйтесь, я в курсе вчерашней находки. Не знаю и знать не хочу. Мне странно, что он не пролетел прямиком к чертям.

– Погодите, но о мертвых...

– Или хорошо, или ничего? Не тот случай. И Димон – не тот человек.

– Вы считаете... считали его... нехорошим?

– Хуже. Непорядочным.

– В деловом отношении? Или личном?

– В деловом – никаким я его не считал. Он таким и был. Это все, – заместитель покойника выразительно обвел рукой вокруг себя, – Заслуга его папаша. Тот – светлая голова, железная воля. Только сердце оказалось слабовато. Он и меня взял, подучил. Я уйду – через месяц, два склад повалится. А без Димона – проживем. Еще и свободней станет, меньше дури разгребать.

– Дури? В смысле – наркотиков?

– Совсем? – собеседник показал Борису на висок, – Это – не по моей части. Если и найдется какая-то муть, то из его личной доли, без проводки по счетам. Через меня – все чисто, хоть экскаватором рой. Мне, понимаешь ли, приятно быть не только богатым, но еще и свободным.

Борис про себя автоматически досказал: «и живым».

– А «дурь» – это о чем?

– Да он же в делах полный ноль. Если не хуже! Когда ба-

тя... Это мы так Тришина-старшего называем... так вот, когда батя слег, он сунулся порулить. Полгода я разруливал. Седьмой год рулю, и все путем.

– Но не за это же его... в пекло?

– Слушай... – хозяин кабинета достал портсигар, – Куришь? Угощайся! Ничего, если на ты?

– Спасибо, я свои, – Борис прикурил от предложенного огонька, – И все-таки, насчет чертей?

– Ты его видел?

– Там? Или живого?

– Ну, там – вряд ли что-нибудь приличное. Живого?

– Нет. Только на фото.

– И как впечатление?

На фотографиях, прошедших по всем городским газетам и газетенкам, представал рослый, обаятельный красавец. «Белокурая бестия». Широкие плечи, отличная осанка. Шикарная одежда. Правильные черты мужественного лица. Высокий лоб, прямой нос, изящный абрис губ. Ясные голубые глаза, открытая располагающая улыбка... Половина киностудий мира не торгуясь отдала бы миллион за шанс снять такой типаж. А вторая половина – два.

– Бабам, наверно, нравился.

– Не то слово. Видал, Ирка хнычет?

– В приемной?

– Ага. Дура. Повезло ей, что ему до нее дела не было.

– Ходок был?

– Ну. Так вот. Если б твой, к примеру, директор газеты...

– Редактор. У нас – не директор. Главный редактор.

– Да. Главный ваш... твоей женке под юбку полез, ты бы что сделал?

– Я не женатый.

– А был бы? Или – не к жене, а к подруге? Или ты это, голубой? Не похож...

– Нормальный. А полез бы, я – как все. По морде.

– Сразу?

– Он мне вообще-то не чужой. Другу сразу не годится. Сначала сказал бы пару ласковых.

– Типа?

– Спросить полагается, не жмут ли зубы...

– Вот и у меня с Димычем вышел разговор. Он, видишь, считал, все бабы – его. По определению. И мою как-то на междусобойчике тисканул. Ну, я взял его за хобот...

– Прямо? – Борис позволил себе усомниться. Покойник габаритами не уступал, а, пожалуй, превосходил сегодняшнего собеседника, – Вот так и взял?

– А ты не удивляйся. Хвастаться не буду. Самбо – слышал? Ка-мэ-эс.

– Типа, пяткой в лобешник? – решил поддразнить собеседника газетчик. Тот, однако, просчитал дешевую провокацию.

– Кончай гнать. Я этих всяких «ки-я»-пяточников троих в узел завяжу. Дима думал, раз накачанный, сразу крутой.

На тренажерах мяса можно набраться, а сила – малость другое. Хобота у него, конечно, нет. За клешню взял. И сказал: ты, падла, можешь меня завтра уволить. А сегодня, если еще дыхнешь в ту сторону, я тебе яйца вырву и в глотку запихну.

– Уволил?

– Ха! Уволил... Он же сцькун был. И понимал – без меня ему останется только продать все по дешевке и плакать до пенсии по возрасту. Короче, я к его самомочилову непричастен. Кстати, менты уже спрашивали.

– Вообще-то я не за этим...

– Тогда зачем?

– У вас тут его как называли? Тришка? Тритон? А может, Тревиль?

– Да ничего похожего... Работяги и офисные, что попроще – по имени-отчеству, как положено. А свои, кто напрямую – Димон, Димыч...

– Точно? Тревиль – ты хоть слышал?

– Точнее не бывает. Слышать-то, конечно, слышал. Дюма читал, кино смотрел. Мушкетеры, как же. Только вот к нашему покойничку это никак.

– И никаких соображений, откуда могла взяться такая кличка?

– Откуда вообще берутся клички? Вот меня – знаешь, как в школе звали? И до сих пор иногда?

– Лоб?

– Точно. Тебя – позор? Поза? А может, «срам»?

– Ну, ты сказал... Позоров – псевдоним. По фамилии я Шацкий. Звали сначала «Шахом», потом «Чацким».

– Объяснимо, так? У меня дом, типа дача на Черной речке, там забрел один... Я его сторожем пристроил. Так он, сразу ясно – «Белый». Белобрысый, вдобавок седой, как лунь. Говорит, после флота такой. А намедни к нему еще кадр завернул. У того полный рот золота, и кликуха соответствующая – «Блесна».

Боря насторожился – кличка показалась знакомой.

– Вообще-то не все золото, что блестит... Может, у него там титан?

– Да-а? Не подумал... Получается, я его переоценил. Еще вопросы?

Борис, понимая: управляющему, оставшемуся «без головы», не до пространных бесед на отвлеченные темы, встал и с удовольствием пожал крепкую сухую ладонь.

– Спасибо. Извините за беспокойство.

– Не за что, – и не утруждаясь коммуникационными приспособлениями, зам покойного директора громогласно воззвал: – Ирка!! Хорош рыдать, давай всех ко мне!

Слегка оглохший репортер попятился к двери, а самбист, извинительно разведя руки, пояснил:

– Надо думать, как дальше жить.

август 2016, остров Котлин

Начальник отделения участковых полиции Острова майор Чеботарев положил трубку. Не хватало только вляпаться в какое-нибудь скользкое и липкое дельце с забугорными фигурантами. Или фигурантками. Что этому писаке взбрело в голову?

Интерпол?! С какой стати международная организация станет копаться в сомнительных делишках нашей северной столицы? Это если раскроем какую-нибудь крупную наркоаферу, а еще лучше – тайные переводы миллиардов куда-нибудь на Кайманы, они с радостью возьмутся. И то – не рыскать, а лавры пригрести. Проходили, знаем.

Подумаешь, очередной ловец адреналина допрыгался! Парашют – он и есть парашют. В сущности, кусок тряпки с веревочками по бокам. Вспомнив первобытный ужас, пронявший его, что называется, от корней волос до кончиков ногтей, он машинально поежился. Тогда, еще в училище, друзья-однокашники позвали с собой на аэродром, предложили прыгнуть разок. Для начала – в тандеме с инструктором. Да ну его в болото!

Кстати, как раз в болото он, этот плейбой там на берегу и шлепнулся. Со всей положенной тиной, грязью и пиявками. Там же ни проехать, ни пройти. Нашли только на третий день, считай случайно. Все оставшееся от здорового мужика

в итоге поместилось в клеенчатый мешок. Даже кости вдребезги. Уцелел только череп, потому как в шлеме. Гуляш... Хорошее сравнение. Был гуляка, стал гуляш.

А журналюга тут как тут. Успел, зараза, пообщаться и с летчиками, и с аэродромными. Оказалось, покойник время от времени прыгал не один, а брал себе в пару дамочек. Не слишком молоденьких, но все – какие-то особенные. Тоже любительницы риска, адреналина. Что-то он там, в воздухе, с ними делал, такое, что после увозил с собой заплаканных. Успокаивать. А мужья? Да, среди любительниц парашютного экстрима преобладают холостячки, и все-таки. Не каждому понравится, если с его женой или подругой проделывают всякие успокоительные штучки. Вот и допрыгался, как пить дать. Но если так, надо возбуждать, изучать... А чего изучать-то? Согласно рапорту участкового – толкового капитана Стеклова, там вообще банальный суицид. Самоубийство. Изошренное, с использованием современных технических средств – аэроплана, парашюта и даже специального кнопчного ножа. И все равно – никто этого нувориша не мочил. Сам себя порешил. И весь сказ. Все! Дело закрыто.

Парашюты не нашли? Подумаешь! Рано или поздно найдут. В море чего только не тонет, а после – всплывает. И его тряпки всплывут. Только это ничего не изменит. Престарелые родители уже спрашивают, когда можно забрать останки, похоронить по-людски. Кремация – в таких случаях луч-

ший способ. Меньше проблем, вони и прочего непотребства. Сегодня же распоряжусь – пусть выдадут. Им и так досталось выше крыши. Нечего зазря томить.

Майор снял трубку, набрал знакомый номер.

– Товарищ подполковник? Да-да, он самый. Докладываю, как приказано. Подтвержден суицид. Как по кому? По этому, по самому... Тришину, да. Точно. Нет, никаких сомнений. Спасибо. Служу России!

Глава десятая

октябрь 2015, Киев

Одинокая сослуживица Петра Гасенко более года работала в той же «фирме». Оксана Перегуд всегда считала себя сильной и независимой женщиной. Впрочем, если к независимости и силе жизнь обязывала постоянно, то одинокой она бывала далеко не всегда. Мужчинам в своей жизни Ксюша отводила роль придаточную. Так повелось практически с первых шагов. В буквальном смысле.

Здоровая и красивая девочка наотрез отказывалась пойти, пока ее не взял за ручку самый привлекательный на тот момент мужчина в жизни – папин друг «дядя Сережа», ее крестный отец, для родителей – «кум». И в детском садике, и далее, в школе, в институте... везде и всегда она находила сначала мальчиков, после – юношей, далее мужчин, считавших своим прямым долгом и главной обязанностью поддерживать и опекать бедняжку.

Между тем жалеть и окружать заботой следовало статную, рослую и довольно пышную деваху. Оксана к своим двадцати семи легко могла послужить прямо-таки кустодиевской натурой. По всем статьям. Легкий изъясн лицу придавали близковато посаженные глаза, но это означало лишь: чуть

больше внимания уделять макияжу.

Все в ее мире переменялось в одночасье, стоило устроиться на работу в «Горэнерго». Точнее, мир остался таким же, как был. Переменялась она. Впервые увидев Петра, Петю, Петеньку, она поняла – жила не так, а отныне все станет иначе.

Если копнуть поглубже, причина скорее всего отыскалась бы в ней самой. К ее возрасту у любой женщины возникает вполне естественное, гормонально обусловленное стремление к материнству. В отсутствие собственного ребенка ему находится замена. Но Оксана не задавалась подобными вопросами. Она просто встретила того, кому твердо решила посвятить всю себя.

Куда делись прежнее жеманство, пустое мелочное кокетство, капризы и ломания? Люди, особенно мужчины, знавшие Ксюшу полгода, да какие полгода – два-три месяца назад, ни за что не узнали бы в этой обаятельной, доброй и отзывчивой женщине прежнюю кривляку, вечно дующую губки и хнычущую по поводу и без. С одним существенным дополнением – доброта и обаяние были направлены исключительно на него одного. Ее Избранника.

И, как чаще всего случается не в сказках о принцах с Золушками, а в грубой действительности, Амур дал маху. Весь колчан его раскаленных стрел благополучно миновал мишень и пропал без толку. Ибо Он, Петя, Петенька, главный инженер Гасенко, не обратил на нее ровно никакого внима-

ния как при первой, так и при всех последующих встречах.

Все ее потуги и хитрости, маленькие, побольше и самые большие, ни к чему не привели. Он всегда вежливо здоровался с ней первым, как и со всеми остальными. Пропускал вперед при входе-выходе, как и всех остальных. Поздравлял с днем рождения, Женским днем, Новым Годом, Рождеством и профессиональным праздником, как и всех остальных. На предложения отведать домашненького печенья, пирожков, варенья-соленья – вежливо качал головой и сдержанно улыбался. Как и всем остальным.

Оксана не могла понять и смириться с таким положением вещей. Нет, нет и нет! Она должна, обязана его добиться. Не может быть, чтобы столько нежности и любви... да, наверное, это и есть любовь! – остались невостребованными.

Изучив предмет подробнее, Ксюша озадачилась еще больше. Странный мужчина оказался в недавнем прошлом женатым, отцом двоих детей. Была вполне благополучная семья, а потом он ни с того ни с сего развелся, оставив жене отличную квартиру, машину, дачу... Себе приобрел какую-то задрипанную «хрущевку», откуда ежедневно ходил пешком до метро. Бывшей семье исправно переводил две трети зарплаты. Чудак!

В его психическом здоровье и нормальной сексуальной ориентации сомневаться не приходилось. С работой справлялся лучше всех, а «радужных» оттенков в речи и поведении не скроешь.

И все же рослая красавица не отчаивалась. Капля по капле камень точит. И она, периодически меняя тактику, продолжала пытаться привлечь его внимание. То днями буквально ходила по пятам, то, напротив, изображала полное равнодушие... Ну, когда-нибудь этот дуралей заметит-таки усилия молодой привлекательной женщины. Не замечал... Домогательницу просветила вахтерша.

– Брось, Ксанка! – сказала Павловна, придерживав ее как-то после работы, – Не изводись попусту. Видишь, он у нас особенный. Божий.

– Вы серьезно?

– Ага. Я его в Лавре частенько примечаю.

– Он ходит молиться?

– Нет, не только. Он там весь. У нас, тут – Петя. А там – как святой Петр, истинно говорю. Светится.

– А из-за чего?

– Кто ж знает? Я здесь давно, он при мне пришел. Был мужик как мужик, жена, детки. Развелся, все им оставил. И в храм подался.

– Странно...

– Может, странно, может, нет. Так что ничего ты, девка, не выходишь!

Но ждать и надеяться не запретишь. А сегодня, сию минуту, секунду, его убили! Убили прямо на ее глазах! Этого не может быть! И она, сама не понимая для чего, заступила дорогу невысокой фигуре, двинувшейся к выходу среди

кричащей и мечущейся толпы.

– Стойте! Зачем вы его уби... – и потеряла сознание.

Над падающей заступницей прозвучало:

– Помогите, кто-нибудь! Женщине плохо! Я сейчас вызову «Скорую»!

Рост и статья сыграли с Оксаной злую шутку. Она рухнула навзничь, со всего маху ударившись затылком о каменный пол. А невысокий человек, никого и ничего не вызывая, вышел с платформы, спустился на набережную, сел в ожидавшую машину. Автомобиль без спешки отъехал от тротуара, вписался в транспортный поток и потерялся в суете трехмиллионного города.

2009, Нью-Йорк

– Прошу внимания, милые леди... Вы позволите напоследок так к вам обратиться? – тренер-инструктор рукопашного боя Николас Уокер шутливо поклонился присутствующим в спортзале женщинам, – Сегодня я с вами прощаюсь. Большого я вам дать не смогу, да и никто не сможет. Каждая из вас в отдельности теперь в силах скрутить в бараний рог любого противника. А собравшись вместе, вы способны одолеть взвод конной полиции вместе с конями. Мне было очень приятно работать с вами, – тут он слегка запнулся, увидев усмешку на губах стоявшей ближе всех Элис, – А особенно – получить кое-какие уроки самому...

На том занятии, в середине оговоренного курса, он обучал их «джолту». Знаменитый в далеком прошлом боксер Боб Фицсиммонс умел уникально ударить в солнечное сплетение. Эта техника недаром взята на вооружение всеми спецслужбами мира – чтобы уложить практически любого мордоворота, совсем не обязательно иметь равные с ним габариты. Важно резко и, главное, точно ткнуть в нужное место. Кулак должен сжаться в момент касания.

– Вот так! – он отошел от боксерского мешка и понаблюдал за попытками «дам» повторить удар.

Ничего не получалось, пока за дело не взялась она. Наме-

таннным глазом он на первом же занятии определил: Элис – самая способная из семи временно подопечных ему дам.

– Сколько? – задал он тогда вполне закономерный вопрос.

– По самой высокой ставке, – ответила строго одетая темноглазая брюнетка, пришедшая в частный спортзал «Ники бокс».

– Нет, я не о деньгах. Это тоже важно, но меня пока больше интересует другое. Сколько у меня времени? И скольких бойцов я должен буду подготовить?

– Бойцы... Бойцов пока семеро. Пусть так и будет, семь. А времени – сколько потребуется. Но чем меньше, тем лучше. Шести месяцев хватит?

– Попробуем... Многое зависит от мотивации. И самодисциплины.

– Мотивация высокая. Дисциплина будет.

– Они – боксеры, борцы? Охрана?

– Увидите сами. Когда начнем?

– Я могу начать прямо сейчас.

– Давайте через два часа. Первое занятие здесь, потом – у меня в клубе. Мы оборудуем зал всем необходимым, по вашему списку.

Вот так он стал женским тренером. Впервые в жизни. И не раскаивался – ни секунды. Они занимались с упорством будущих чемпионов. Не жалели ни себя, ни его, ни мешков и всего остального инвентаря – кожи, досок, железа. И через полгода пришла пора сказать эти слова. «И никто не смо-

жет».

Они все были разные – кто-то повыше, кто-то потолще. Блондинки, брюнетки, рыжая, темная мулатка. Ей, самой маленькой и молодой – двадцать. Элис – тридцать пять. Объединяло их полное отсутствие смеха и шуточек да какой-то фанатичный огонек в глазах. На том первом уроке он сказал, по его мнению, главное. «Никогда, ни на секунду не расслабляйтесь. Ожидайте удара, подвоха всегда и везде. И будете целы и невредимы. Как я».

После часового избиения мешков правильно получалось у всех. Он подошел, встал около снаряда и подвел черту.

– Неплохо. Так, перерыв пять минут, и повторим весь «корпус». Софи, напомни.

– Печень, почка слева, справа, пах коленом, пах локтем, джолт.

– Правильно. Вопросы?

– Ты сказал, в «солнце» можно свалить любого? – с улыбкой спросила Элис, – Или только того, кто не ожидает удара? А такого, как ты?

– Любого. Но я-то всегда... А!..

По прошествии положенных для нокаута десяти секунд он с трудом поднялся на ноги.

– Спасибо, пани Эльжбета. Снимаю шляпу. Но есть замечание: слабовато! Пожалела?..

Сегодня, с ответной усмешкой кивнув прилежной учени-

це, тренер продолжил:

– Насчет коней я, разумеется, шучу. Животных бить нельзя. Считаю необходимым напомнить кое-что еще: у вас, в отличие от мужиков, есть дополнительное оружие. Вы красивые, помните об этом. Все мачо одинаковы не только содержанием штанов, мозгами – тоже. От красивой бабы ждут скорее нежного объятия, чем удушающего захвата. Поцелуя, но не битки в нос. Я так понял, сей безусловно смертельный прием вы применять не собираетесь, тем не менее все освоили этот удар и при необходимости сможете провести. Еще. Не забывайте – робкая глупая улыбка превращает мужика в тряпку. Увидев перед собой наивную Красную Шапочку, любой Серый Волк мигом начинает пускать слюни и задирает хвост. Вот тут с него можно и нужно быстренько спустить шкуру, целиком или частями, по вашему выбору. Теперь последнее, а точнее – первое и самое главное: никогда, повторяю, никогда не жалейте того, кого бьете. И вообще избегайте эмоций. Ненависть так же нежелательна, как и сострадание. Лишняя злость заставляет руку напрячься раньше времени, а сжатым кулаком резко не ударить. Следовательно – ничего личного. Объект для вас – всего лишь мешок! Да, чуть не забыл. При наличии современной техники не стоит полагаться только на руки-ноги. Обычный шокер вырубает надежнее ребра ладони, а пуля из «Магнума» остановит вернее, чем удар пяткой в грудь. Не стесняйтесь в выборе средств. У меня все. Удачи вам. И не дай мне Бог когда-либо

оказаться у вас на дороге!

октябрь 2015, Киев

Из нескольких примчавшихся на происшествие бригад «Скорой помощи» настоящим делом занялась лишь одна. Тому, кто оказался на рельсах, никакой помощи не требовалось. Она понадобилась женщине, лежащей без сознания посреди платформы.

Нашатырь ничего не дал. Судя по положению тела, имел место не простой обморок, а нечто посерьезнее. Пострадавшую уложили на носилки, поместили в машину и с сиреной и мигалкой доставили в ближайшую городскую больницу. В приемном покое, при перекладывании на стол для рентгеновского снимка, женщину вырвало. К счастью, санитар успел повернуть на бок ее голову, не позволив захлебнуться.

Кости черепа пациентки Перегуд, двадцати семи лет, оказались целы. Диагноз гласил: «ушиб головного мозга средней степени». Придя в сознание через два часа после госпитализации, Оксана назвала свое имя и фамилию, вспомнила домашний адрес, дату рождения и место работы. А почему она здесь оказалась? Случившееся начисто вылетело из головы. Где, когда? Соседки по нейрохирургии рассказали – в метро. Ей стало плохо, когда увидела несчастье с пассажиром, повалившимся под поезд. Падая в обморок, стукнулась о бетонный пол. Повезло – могла и насмерть убиться. Да, повезло.

Лечение сводилось к нескольким уколам в день, таблет-

кам и строгому постельному режиму. Труднее всего оказалось просто лежать, да еще лежа делать кое-что жизненно важное. Поэтому режим она потихоньку нарушала – борясь с тошнотой и головокружением, добиралась до туалета. Это видели, приняли к сведению: не так уж тяжела.

В больнице ее лицо сохраняло здоровый румянец, важнейшие показатели вскоре пришли в норму, и на пятый день ее выписали. Дали больничный. А память все не возвращалась. Это закономерно, ведь один из главных симптомов черепно-мозговой травмы так и называется – «ретроградная амнезия». В переводе на общечеловеческий язык: потеря памяти о событиях, непосредственно предшествующих повреждению. Период беспомыслия может длиться по-разному. У кого сутки, у кого – месяцы.

К Оксане память вернулась дома. Ночью. Ей приснился странный сон: она на платформе метро, ожидает поезда. Слева и впереди, метрах в пяти-шести, у края стоит ОН. На нее не смотрит, как всегда. Ведь ее трудно не заметить, многие мужчины смотрят. Но – не он. Никогда не повернется, не глянет, не кивнет. Подходит поезд... И тут сон перестает быть немым, будто в кино вдруг включили звук. Она слышит его имя, неясно, как бы откуда-то издалека. Петя, ее Петенька поднимает голову и делает шаг, к самому краю.

Что-то кажется странным... Что? Вот! На светлом фоне бежевого плаща появляется чья-то ладонь, почти незаметная в перчатке подходящего тона. Кто-то хочет удержать неосто-

рожного? Нет, совсем наоборот – рука с силой толкает человека. Толкает в момент неустойчивости, когда тот, шагнув, подался вперед. Получив неожиданное ускорение, он продолжает движение, и... Она кидается к нему, понимая – ничего не поправить, не спасти, не вернуть...

Столкнувший его под колеса разворачивается, и вот они уже стоят лицом к лицу. С ее губ срывается дурацкий вопрос: «Зачем вы его убили?!» И наступает темнота. Но в последнее мгновение она с необычайной, фотографической четкостью видит перед собой женское лицо. Черные волосы, голубые глаза. А на правой щеке – странное пятнышко. Стертая татуировка? Нет. Родинка? Да. Бледная, неотчетливая, в форме двойного восточного символа «Инь и Ян».

октябрь 2015, Киев

Служба – дни и ночи... Наша служба и опасна, и трудна... Всегда на посту... Стражи порядка не дремлют... Ваша безопасность – наша забота... Каких только высоких слов и фраз не наговорили о рутинной, изматывающей, иногда откровенно формальной работе полицейского на транспорте! Сотни инструкций, десятки приказов, ориентировок, правил и положений... Иногда к концу дня Андрей Тарасович Ковбасюк физически ощущал, как голова перестает вмещаться в форменной фуражке.

Человек – это звучит гордо! Человек-начальник – звучит неплохо, горделиво, а на деле означает сплошную маету и непреходящую ответственность. Начальник отделения охраны метрополитена «Красной», она же «Первая» и «Святошинско-Броварская», линии, своей должности бывал рад один раз в месяц, получая причитающиеся ему за службу гроши. Все остальное время высокий пост приносил лишь хлопоты, усталость и раздражение. И сейчас, когда в кабинет вошла высокая молодая женщина с решительным выражением лица, он очередной раз мысленно вздохнул: начинается!

Гибель человека для сотрудника органов внутренних дел – не только трагедия. Это, к сожалению, еще и часть повседневной работы. Самая важная, самая ответственная и самая неблагодарная, зачастую обреченная на неудачу. Одна

из вечных причин недовольства населения работой «органов» – низкая раскрываемость преступлений против личности, в первую очередь убийств.

Поэтому, если предоставляется возможность какое-либо нехорошее происшествие, повлекшее гибель и подозрительное на предмет «мокроты», перевести в разряд «несчастливых случаев», такую надо использовать. Несчастный случай – он случай и есть. Никто никого не убивал, просто вот так совпало. Случилось, и все тут. Никто не виноват. Человек стал жертвой обстоятельств. А коли потерпевший лишил себя жизни сам, без внешнего воздействия... об этом можно только мечтать! Тогда – не требуется никого искать, преследовать, ловить, привлекать и наказывать. Может быть – пожурить, например, за несоблюдение правил техники безопасности и тому подобное. А это уже не полицейская компетенция, не так ли?

Известно ведь: потенциальный самоубийца есть субъект психически неуравновешенный, мягко говоря. А прямо, по-честному – псих. Ненормальный. Шизофреник, параноик. Поди разберись, какой бульон варится-парится в мозгах даже у обычного среднестатистического гражданина! А у психа – и подавно.

Он, задумав самоликвидироваться, от своего намерения уже не отступит. Может отложить раз-другой, просчитать миллион способов и возможностей, но цели добьется. Порвется веревка – утопится. Пересохнет море – кинется с кры-

ши. Вены перережет, газа надышится. Таблетки, растворы, лед и пламень – далеко не полная палитра богатых возможностей для неисчислимой рати придурков, горящих страстью своею собственной рукой оборвать живую нить.

Нет у них счастья в жизни, поэтому хочется поглядеть, есть ли оно в смерти. О невозможности возврата никто и не задумывается. Ну, что ж, вольному воля. В этих самовольствах полковник Ковбасюк видел лишь одно положительное качество – статистика по раскрытию была стопроцентной. Имей он возможность – все до сих пор нераскрытые летальные дела пересмотрел бы на предмет самочинности. И был уверен: очень многие удастся переквалифицировать.

А выполнить процедуру прямо противоположную... то есть перевести уже раскрытый, запротоколированный, спи-санный в архив случай суицида в разряд убийства! Заведомо обреченного оставаться вечным «висяком»! Пойти на такое был способен один-единственный сыщик за всю историю. Ну, может, двое. Их имена известны всему миру. Первый – Шерлок Холмс, а второй – Эркюль Пуаро. Оба родились и существовали исключительно в мозгах писателей, не имевших ни малейшего понятия о реальной полицейской работе. То бишь персонажи сии – сугубо виртуальные. В наших реальных кабинетах такими, к счастью, никогда не пахло и не запахнет впредь.

Оторвавшись от приятных размышлений, он с недоумением посмотрел на посетительницу. Гражданка Перегуд с чет-

верть часа горячо повествовала о свершившемся прямо на ее глазах злодействе.

– Понимаете, я ее очень хорошо рассмотрела. И запомнила. Могу составить этот... видеопортрет... нет, фоторобот!

– Погодите. Давайте еще раз, с самого начала.

– Так вот, я стояла на станции...

– Нет-нет. Вы начали не так. Вы сказали: «Мне приснилось»... Или я Вас неправильно понял?

– Да, все правильно, но это не сон... Точнее, не совсем сон. Я тогда упала и ударилась головой. Неделю лежала в больнице, в нейрохирургии.

– Вам сделали операцию? Разрезали голову? Сверлили череп?

– Нет, что Вы! У меня была травма мозга. Черепно-мозговая, закрытая. Ну, ушиб. И от этого случилась временная потеря памяти, а потом она вернулась. Как в кино, Вы, наверное, видели? «Вспомнить все!» Вот я и вспомнила.

– Ага. Понятно. Кино.

– Нет, это не в кино. Все было так на самом деле!

– На самом деле во сне как в кино. Да, понимаю.

– Нет, я готова дать показания в суде, там же погиб мой друг! Его убили, понимаете? Убили! Эта женщина...

– Ну, вот что, Оксана...

– Алексеевна.

– Алексеевна. Вы напишите все, что мне рассказали. Изложите подробно, с указанием времени... происшествия и

Вашего сна. В форме заявления на мое имя. Я поручу внимательнейшим образом разобраться, проверить все факты. И Вам будет дан подробный ответ.

– А следствие? Следствие будет?

– Разумеется. Если факты подтвердятся, следствие будет обязательно!

Твердая, ответственная манера речи полковника наряду с убежденностью в голосе подкупали. Открытый, прямой взгляд не оставлял сомнений в неотвратимости заслуженной кары для всех без исключения бандитов и убийц. А также воров, мошенников, нарушителей правил дорожного движения и прочих мерзавцев. Оксана, умиленно прослезившись, покинула начальственный кабинет в полной уверенности: найдут! Найдут, осудят и казнят. Петя будет отомщен.

Пока сидела в духоте, пока несколько раз переписывала пространное заявление, потеряла счет времени. Взглянула на часы, только выйдя из полицейского здания. Как же она могла забыть! Ей сегодня на прием в поликлинику. Время упущено, придется брать такси. А голова разболелась невыносимо, и опять тошнит, и перед глазами какая-то муть.

– Что же Вы, Перегуд? Вам назначено к неврологу, а вы ко мне, – терапевт, принимая пациентку, дал понять: ее трюк с опозданием ни к чему не приведет, – Я, конечно, не специалист, но тоже кое в чем разбираюсь...

Он выслушал жалобы, посмотрел в глаза, поочередно закрывая ладонью, измерил давление, температуру, посчитал

пульс. Зачем-то выслушал сердце, легкие. Заглянул в горло.

– Ну что ж, на мой взгляд, вы вполне трудоспособны. Работа у вас сидячая, бумажная. Справитесь.

– Но мне в больнице говорили...

– А почему они тогда вас выписали? Пусть бы держали у себя! Все, завтра приступаете к труду. До свиданья!

За ночь стало немного лучше, хотя голова продолжала болеть. Самое страшное – при одной мысли о метро ее зазнобило, ноги сделались ватными, сердце бешено заколотилось. На работу добиралась наземным транспортом. И опоздала. В последующие дни Оксана старалась выходить из дому пораньше, но троллейбусу не прикажешь...

Когда ее вызвали в отдел кадров и предложили ознакомиться с приказом, она не сразу поняла, о чем речь. Строчки и буквы прыгали перед глазами: «В связи с систематическими нарушениями трудовой дисциплины... Выразившимися... Расторгнуть в одностороннем порядке».

– Что все это значит?

– Ну, милая, наша организация – не место для прогулок. Подводите весь коллектив.

– Я же все выполняю...

– Есть трудовой распорядок. Он обязателен для всех. Вы уволены. С завтрашнего дня можете спать сколько угодно.

Уходя, она не стала прощаться ни с кем. И, плохо видя за пеленой слез, натолкнулась на что-то теплое и мягкое, пахнущее приятно, по-домашнему.

– Эх, девка! Говорила я тебе – не тронь ты его! Он-то, бедный, уже на небесах, а ты вон на кого стала похожа... И с работы выгнали. Ну, ничего, поплачешь – полегчает. А недельки через две приходи, обратно возьмут. Ганна Захаровна баба отходчивая. Это она из-за него на тебя взъелась, скоро забудет, не бойсь...

– А я виновата? Павловна, милая... Это же не я его...

– Ясно, не ты. Писали вон – сам. Иди уж.

И она ушла. Возвращаться? Сюда? Ни за что на свете!

Дома ее ждали новости. К двери кто-то скотчем приклеил записку: «На Ваше имя поступило заказное письмо, которое почтальон, не застав вас дома, оставил в почтовом ящике». В плотном конверте лежал стандартный лист с отпечатанным на бледном принтере текстом. Сухие казенные фразы. «По Вашему заявлению...» «Проведен ряд... предусмотренных... действий...» «Изложенные Вами ... не подтвердились». И размашистая, четкая подпись: «полковник А.Т. Ковбасюк». Так горько и безнадежно она не плакала никогда в жизни.

Есть люди, читающие все подряд. Объявления на тумбах, столбах и деревьях. Вывески, плакаты. Рекламные проспекты всевозможных форм и размеров, переполняющие почтовые ящики и выстилающие все свободные от оконных стекол поверхности в автобусах, трамваях и троллейбусах. Газеты, журналы, афиши. Телефонные книги, сборники поваренных рецептов и стихов. Все.

А есть люди, не читающие ничего. Оксана Перегуд была человеком нечитающим. То есть, разумеется, не абсолютно. Была бы неграмотной – тогда, конечно, другое дело. Круг ее интересов составляли сугубо специальные учебники – в школе, ВУЗе. И, изредка, журналы с яркими обложками. Да, еще – по вязанию. В порядке хобби. Остальную информацию она черпала из телевизора и интернета. Вполне достаточно.

После получения полицейской отписки ей стало ясно: никто не станет искать убийцу. Этим придется заняться самой. Но что может она сама? Ноль без палочки. Сказать кому из бывших? Нет, не стоит. Не помогут, но потом не отвяжешься. В ближнем киоске на глаза попался заголовок: «Теперь известно, кто убил нашего депутата!» Идущий ниже шрифт помельче извещал: газета провела журналистское расследование, и стало понятно – парламентарий по пьянке свалился с моста на своей машине, прихватив с собой двух собутыльников. Веселенькая история.

А что, если?.. И она отправилась по адресу, обнаруженному на последней странице.

Глава одиннадцатая

2009, Нью-Йорк

«Есть на свете по-настоящему богоизбранные народы, но к таковым незаслуженно причисляют себя слишком многие. Страны и нации выходят в избранные, разумеется, не сами... народ как таковой – всего лишь безликая многомиллионная толпа, идущая куда ведут. Стадо, по большому счету. Спорно? Откройте любой учебник истории». Хорошая мысль, правильная... Надо не забыть, пригодится. Станислав Камински записал и продолжил обдумывать будущие мемуары. Славян, особенно восточных, он в большинстве за людей не считал. «Бог их выбрал, спас от грязной Орды, дал Веру, место на земле, поучил уму-разуму. Не слушают, быдло. Хамы».

Пан Стэн родился в Кракове через год после завершения великой войны и прихода великого позора для его великого народа. Отец – настоящий рыцарь, не покорился. Воевал в Армии Крайовой, бился на Восстании до последнего, как лев. Всю жизнь посвятил Родине. И был расстрелян коммунистами. Мать растила сына одна. Вырастила патриотом, паном. Господином. Ему, едва достигшему шестнадцати лет, неустанно внушала: ты не зря носишь имя последнего коро-

ля. Будь достоин!

И он старался соответствовать. Но не получалось. Предатели не давали. Дважды сажали в тюрьму – называли вором, хотя он ничего не воровал, брал только свое – добытое в карточной игре, другими умными способами. Когда наконец красных катов прогнали, хотел было выйти в люди. Опять не дали, и снова предали. Он с отвращением наблюдал, как новые хозяева страны поворачивают от одного рабства к другому. Как начинают, не успев разогнуть спины от поклонов восточным поработителям, пресмыкаться перед западными – теми, кто жег и вешал их отцов и дедов в еще незабытую войну. Пришлось, плюнув на все, уехать в свободную страну. По-настоящему свободную, за океан.

С собой взял приглянувшуюся девочку, для которой решил стать принцем. Рыцарем, королевичем. Ей еще не было восемнадцати, но особых препятствий к женитьбе не возникло. Он прямо перед Божьим оком, у костела в пасхальный понедельник, по старинному обычаю вылил на нее ведро воды, и все решилось. Мокрая – значит моя!

Так он заявил ее растерянным родичам, взял за руку и увел. Обвенчался через неделю, а спустя месяц уже водил по главному городу Земли – Нью-Йорку. Сам толком не зная, где находится, показывал ей знакомые по фотографиям и телевизионным картинкам улицы, небоскребы и парки, как свои. И они стали для него такими. Своими. Там он сделал себя настоящим польским Королем. Такое прозвище, «ксив-

ку», дали ему соотечественники из обширной диаспоры за волю, умение делать дело и деньги. Даже быстрее, чем ожидал, он перестал считать доллары, чтобы начать считать миллионы.

Дело требует сил и забирает их без остатка. А если жена вместо поддержки капризничает, лезет не в свое дело, не подчиняется, от этого еще хуже. Песья девка даже осмелилась намекнуть о разводе. Развод! Как язык повернулся! Они же не в какой-то ратуше – в храме венчались! А это – навек, до самой смерти. Мужчина, взявший ее в жены перед лицом Господа, один имеет на нее право. Он, и только он – господин, властелин. Она же должна знать и помнить: каждая секунда ее недостойной жизни принадлежит ему целиком и полностью. И он волен делать со своей вещью все, что захочет. Ей надлежит подчиняться, терпеть и молчать.

Силы, конечно, стали не те. Особенно недавно, лет пять. Сердце начало подводить. Эта гадюка шипела – из-за лишнего веса. Разжирел, мол. Всего-то двести семьдесят фунтов, а она – «разжирел!» Когда перенес первый приступ, жена изображала тревогу, но он-то видит ее насквозь. Обрадовалась, курва – скоро освободится... Кукиш тебе! Фигу с маслом, пожирнее. Второй приступ кончился хреново. Проклятый насос совсем ослабел, врачи сказали – какой-то синус не работает.

Он не пожалел денег, оформил самую дорогую страховку, направили в специализированный центр. И у него под клю-

чицей поселился надежный помощник. Ему гарантировали – минимум десять лет можно жить, не тужить. На всю катушку. Внезапная смерть не грозит. В общем, банальном смысле. Как принято заявлять на похоронах с фальшивыми слезами в голосе? «Его сердце перестало биться...» Если считать смертью остановку сердца как таковую, то «королю» это теперь не страшно. Новейшее достижение медицины сделало пана Станислава практически бессмертным.

Поселившись на американской земле, он решил стать настоящим американцем, но без общества выходцев с исторической родины обойтись не удалось, забыть язык – тоже. Костел посещал исправно. Хотя в Гринпойнте он маленький, все лучше чем главный, городской. Тот и называется неподходяще – «Собор». Патрика приплели, богохулы. И Святая Дева там не светлоликая, к ней не тянет. Даже звучит неприлично – Гваделупская, тьфу!

К исповеди сам не ходил, а жену – заставлял. Ей надо, надо каяться! Им, бабам, без греха не прожить. Значит, и без покаяния. Еще одно счел необходимым: категорически, радикально поменял имена – и свое, и ее. Сам стал Стэном. Подчиненным и всяким прихвостням следовало величать его «Пан Стэн». Звучит хорошо, весомо. Сильно. Ее переименовал в «Бетти». Привыкнет.

август 2016, Санкт-Петербург

Завершая безрезультатный визит в василеостровскую гимназию, где Тришин-младший получал «базовое» образование, настырный репортер узнал о некогда существовавшей особенной школе или, вернее, колледже. Три года взросления будущего парашютиста...

Журналист, как и геолог, никогда не знает заранее, в которой по счету лопате пустой породы мелькнет золотая песчинка и наконец наступит переход количества в качество. Копаешь-копаешь день, два, а на выходе – ничего, кроме мозолей. Так и в бесконечных разговорных поисках. Повезет – не повезет... Очень часто человек, видевший позарез нужную тебе вещицу, давным-давно забыл о ней. Или не хочет вспомнить.

Вспомнила гимназийная «англичанка», самая старшая из педагогов. И о колледже, и об основавшем его человеке. Этим человеком оказался, к вящему удивлению искателя, Тришин Владимир Егорович. Старший. А самое главное – ничего не зная о детских прозвищах давешних учеников, Нинель Сильвестровна откопала в памяти еще один интересный фактик. Оказалось, бывший завуч этой самой гимназии весь недолгий срок работы тришинского детища служил там, да не кем попало, а заместителем директора. Отвечал за организацию учебного процесса. Иными словами, тем же завуч-

чем!

– Вам, молодой человек, я скажу не как репортеру... Надеюсь, вы понимаете – не все услышанное надо печатать в газете. Димы больше нет, а о мертвых не принято говорить плохо...

– У меня нет намерения посмертно очернять кого бы то ни было, честное журналистское!

– Приятно слышать. Оказывается, и у журналистов осталось понятие чести. Так вот, о нашем мальчике...

– Мальчик давно вырос.

– Для нас, учителей, вы навсегда остаетесь мальчиками и девочками. Мальчик он был неплохой, но отец хотел от него слишком многого. Его можно понять – Дима был единственным и притом поздним ребенком, отец растил его фактически один... Излишняя требовательность порой приводит к неожиданным результатам, это я вам как педагог говорю. Так вот Дима был способен... подменять результаты.

– Был врунишкой?.. Мошенничал, подчищал журналы, дневник?

– Нет-нет, о таком речи не было. Он... учился не всегда хорошо, а оценки получал отличные. Лестью, показным прилежанием ученик может провести преподавателя. Со мной его штучки не проходили, а большинство наших велись, считали его едва не гением. И завуч в том числе. Он вам наговорит много разного – Дима такой, Дима ой-ой...

– А Вы знали их детские клички? Мальчишек? Как назы-

вали, например, того же Диму?

– Нет, не припомню. Не интересовалась, уж извините.

– Да, я помню Диму Тришина. Замечательный паренек, – бывший завуч снял и протер очки, словно собираясь проверять тетради, – Не потому, что директорский сынок, этим он как раз не кичился. Вдумчивый, не по годам серьезный, в учебе равных ему просто не было. Еще и сколотил из ребят-однокурсников компанию «мушкетеров».

На этом месте Борис наострил уши.

– Подтягивал их, всех четверых, по некоторым предметам, заставлял всегда быть аккуратными, вежливыми, особенно с девочками. Они организовали нечто вроде танцевального кружка, занимались компьютерами, фотографией...

Пенсионер Аркадий Михайлович Лившиц, педагог с многолетним стажем, оказался сущим кладом. Оказывается, ученические секреты для завуча тайнами порой не являются. И учитель знает такое, о чем воспитанники и не догадываются.

– А какие у него были отношения с девчонками? Влюблялись в него?

– Не без этого. Но, по-моему, он особо никого не выделял. У нас ведь было по преимуществу женское учебное заведение, девочки преобладали. Юношей можно было по пальцам пересчитать. Если я не ошибаюсь, за все шесть лет существо-

вания колледжа выпустили всего двадцать парней.

– Так-таки никого не закадрил ваш мушкетер?

– Он и не был мушкетером. Называл себя «капитаном», по созвучию имени и фамилии определил себе прозвище «Де Тревиль». А остальных – соответственно знаменитой четверке – Атос, Портос, Арамис и д’Артаньян. Но о тех что-либо значимое сказать не могу. Обычные ребяташки, общежитские, ничего особенного. Фамилии я, конечно, перечислю...

Журналисту захотелось вскочить и сплясать «яблочко». Удержать глупую ухмылку оказалось легче, чем продолжать разговор как ни в чем ни бывало.

– Пойдите. Обычно клички, прозвища в школе, классе, просто во дворе мальчишки сами себе не придумывают. Их дают друзья, сверстники. Поэтому часто получается смешно, даже обидно. А Вы говорите – определил. Сам?

– В этом, по-видимому, сказалось его стремление к лидерству. Директор... отец... Владимир Егорович воспитывал мальчика в строгости, дома он чувствовал себя приниженным, подконтрольным. А в Школе играл роль главаря.

– Вы сказали «общежитские». У Вас был интернат?

– Как практически у всех – примерно половина учащихся проживала в общежитии. Условия были хорошие, размещались по двое в комнате, с удобствами. Такое и в ВУЗах нечасто. Общежитие пристроено к основному зданию, очень удобно и для учебы, и для отдыха.

– Шесть лет... Два выпуска? Маловато. А почему расформировали вашу Школу?

– Не два, а четыре. Причина вполне банальная. Это ведь было небольшое частное учреждение, хотя считалось престижным. Создал его Директор на базе бывшего политехникума. Планировал вскоре преобразовать в ВУЗ. Все шло просто идеально, а потом начались неприятности. Финслужба вцепилась, нашли какие-то нарушения. Вдобавок тогда сменилось руководство... на самом верху. Его связи перестали работать. Колледж ликвидировали, недоучившихся раздали по государственным структурам. Им везде были рады – у нас уровень преподавания был на голову выше. А наш после тех разборок получил инфаркт. Первый. И утратил к образовательным делам всякий интерес. Он и в бизнесе был не промах. Занялся набиравшей размах... логикой?

– Логистикой, если точно.

– Да-да. Одно из новых для моего поколения словечек. У нас было проще – базы, склады, перевозки. Все ведь так и осталось, а назвать надо обязательно позаковыристее... Депозитарий, трансфер...

– Тлетворное влияние?

– Не надо смеяться. Наше поколение неплохо умело работать и в конторах, а нынешние бьют баклуши в офисах... Русские купцы слово ценили выше золота, теперешние бизнесмены дурят друг друга за копейки.

– Да, мельчает народ... А Вам известно, где после колле-

джа учился Дмитрий?

– Володя... Директор успел... незадолго до болезни отправил сына в нештучное заведение, чуть ли не в Оксфорд. Скорее всего, планировал заранее. Элитное образование... Потом он, если не ошибаюсь, прекрасно устроился в бизнесе? Сменил отца на трудном поприще... что ж, большому кораблю...

– Да, ему грех жаловаться... Было.

– Почему – было?

– А Вы не слышали?

– Что-то серьезное? Влип в какие-нибудь темные делишки? Он, пожалуй, мог, рискованная жилка у мальчика присутствовала.

– Да уж, рискованная... Ловить адреналин – занятие небезопасное.

– Молодой человек, не темните! Что с Димой?

– Уже ничего. Он разбился, погиб. Неделю назад, на Острове.

– О господи! Как это произошло? Автокатастрофа?

– Нет. Он прыгал с парашютом.

– Так и остался искателем приключений... Но ведь есть же запасной? Или я ошибаюсь, и сейчас по-другому?

– К сожалению, он решил обойтись без обоих. Сбросил основной, обрезал запасной. Экстравагантное самоубийство. Это ведь было в прессе, по телевизору...

– О, боже, боже! Не может быть! – бывший завуч схватил-

ся за сердце, – Чтобы Дима? Поверить не могу!

– Поверить действительно трудно. Но полиция остановилась на такой версии. Об этом тоже сообщалось.

– Ох, мне настолько обрыдли все ваши «СМИ»... извините. Пропустил.

– Бывает.

– Жаль. Получается, не дожил до сорока. Не захотел... У него осталась семья? Я имею в виду, кроме матери с отцом? Не дай Бог узнать о своих детях такое...

– Родителям, конечно, несладко. Отец со мной не захотел общаться... Мать Вы тоже знаете?

– Немного. Она много лет очень больна, неприятности начались еще при родах. С почками, с головой... Вышла на инвалидность... Может быть, по этой причине он, Дима так и не женился. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. Он не был женат, и детей не было. Жил один, полным барином. Вы полагаете, из-за матери?

– Я бывал в этой роскоши, на Васильевском. Да, те дома строили не для пролетариата. Действующий камин в городе! – Аркадий Михайлович, не отвечая на вопрос, мечтательно закатил глаза, – Насколько я помню, родители переехали в новый дом, простора там не меньше, а главное – лифт. В старом на второй этаж подняться проблема, потолки невероятные. Старикам такой экстрим не по силам. Тем более, матери на коляске...

– Вот как? Инсульт?

– Насколько мне известно, все те же последствия. Она какое-то время вообще провела в психушке... простите, лечебнице. Я не говорил? Володя по факту был отцом-одиночкой. Приходящие воспитательницы мать не заменят...

– У него совсем не было других женщин?

– В окно спальни не подглядывал. Но, будучи относительно нестарым мужчиной... нет, наговаривать не буду. Не знаю.

– Получается, у мальчика было нелегкое детство?

– Да, богатство – одно, а родительская забота – другое. Удивительно все же распоряжается судьба. Или Бог... Значит, так и не женился. А мне почему-то казалось, он все-таки дружил с девочкой из того же выпуска... Вот старый дурак! Только сейчас вспомнил! Была в той их мужской компании барышня, была. Одна. Люда Демидова. Они называли ее «Миледи».

– Один за всех и все за одного – таков мушкетерский девиз... А у них получилось – одна на всех?

– На что Вы намекаете? Бросьте, молодой человек! Это в нынешние времена везде и всюду находится какая-то сексуальная подоплека. По-моему, там этим и не пахло.

– А она?

– Что – она?

– Она, «Миледи», жила дома или?..

– В общежитии. Вдвоем с той девчушкой, из-за которой все и началось, – пожилой педагог снова потер левую сторо-

ну груди, – Извините, мне что-то нехорошо... Давайте прекратим этот разговор.

– Буквально две минуты, пожалуйста!

– Да уж, две... Боюсь, не уложимся. Я приму лекарство, – помрачневший старик взял из шкафчика пузырек, накапал в стакан, добавил воды, выпил, – Понимаете, тогда, двадцать лет назад, произошло несчастье. Одна из наших учащихся... студенток, покончила с собой. Бросилась в Неву. Прямо накануне выпускного. Испортила настроение ребятам, изгадила жизнь руководству, преподавателям, всем.

– А себе – ничего? Не испортила? Ее вам не жалко?

– Да, действительно... себе, да... просто тогда и начались бесконечные проверки, придирки. И Гарвард закончился.

– Почему Гарвард?

– Так окрестили колледж ребята. Мы располагались на Новой Гвардейской, вот и вышел Новый Гарвард...

– А как ее звали? Виновницу педагогической трагедии? Не секрет?

– Какие секреты... Арестова. Дина Арестова.

Глава двенадцатая

август 2013, Аркашон

Многие люди чего-то боятся – кто-то больше, кто-то меньше. Так, чтобы человек не боялся вообще ничего, практически не бывает. Хотя многие говорят о себе: я, мол, вообще ничегошеньки... Врут! К таким бесстрашным психологи и особенно психотерапевты имеют особые подходы – раскусят любого, да еще денежки с него возьмут, и немалые. Не вылечат, нет, от такого не вылечишь – оно с рождения и до смерти твое. Платить целителю придется за молчание. Поскупишься – выйдет себе дороже: парочка намеков, и на тебя глядят, как на психа.

У них припасен целый список разного рода навязчивых страхов, так называемых фобий. Еще вариант зависимости. не боишься, а просто не любишь. Лягушек, собак, летучих мышей... Пиццу, корицу, запах больницы...

Бартелеми Верлен с детства не любил свое полное имя. Предпочитал на английский манер, короче и тверже – Барт. Эту свою нелюбовь он, покопавшись в умных книжках, определил сам – не ходить же с такой ерундой по всяким шарлатанам. В психушку из-за подобной мелочи не запрут, а на денежки раскрутят. Сам придумал и название, по-латыни по-

лучилось «ауто-номо-фобия». Красиво, непонятно и, главное, все объясняет.

Сейчас он, вспоминая подробности состоявшегося месяца назад разговора с бывшей женой, неторопливо шел по пирсу. В голове приятно шумело, внутри объемистого живота плескалось пиво... да и для виски местечко нашлось, чего греха таить. Исход кубкового матча, просмотренного в любимом «отвальном» баре, к сожалению, оказался не таким, как хотелось бы. «Лион» классом все-таки пониже сегодняшнего соперника, вылет, считай, предрешен. Ну и черт с ним. Мячик круглый, авось в гостевой встрече выйдет по-другому. Нынче не повезло в белом, а вдруг через неделю в черном поперет... А нет – значит, очередная двадцатка пропала за зря...

Лодку, служившую Верлену и домом, и местом работы, он гордо величал яхтой. На ее высоком остром носу красовалось собственноручно выведенное претенциозное имя «Желтая акула». Искусного шкипера из него не получилось: море требует полной самоотдачи, ленивым тут делать нечего, и без изрядной доли везения не обойтись. Барт трудолюбием не отличался и потихоньку плыл себе по течению жизни, довольствуясь остатками прошлого благоденствия.

Рыбалка с состоятельными туристами много не давала, да и дать не могла – посудина уже не новенькая, тихходная. Все развлечения, общение, даже женщин мало-помалу начал заменять стакан. А ведь как славно начиналось! Но, подоб-

но очень и очень многим молодым людям, питавшим в юности честолюбивые замыслы, он так ничего существенного и не достиг. Родительские деньги утекли сквозь пальцы, новых раздобыть не удалось. Жена ушла, забрав с собой обоих детей и отсудив дом. Его дом, черт возьми! Кто, как не он, вложил сюда большинство наследства? И все заработанное за недолгую предпринимательскую карьеру?

Ее родители для дочки особо не расщедрились, могли бы дать и побольше. Каждую монету из них надо было тянуть клещами, до самого развода. Обошлись они с ним тогда по-свински – фактически оставили с носом. И из-за чего? Подумаешь, держал жену в строгости! Спасибо бы сказали... Одной ей веселее живется? В этой ее Америке? Сомнительно... А деньги...

У каждого свое хобби – кто-то собирает марки, кто-то лазит на горы. Он, Барт, увлекся тотализатором. Сначала по маленькой, дальше – больше. И, надо сказать, не всегда проигрывал, бывало и наоборот. Они, когда узнали, сколько он «занял» с их банковского счета, всполошились. При разводе теть в основном на это и упирал: дескать, зять человек ненадежный. К счастью, самое главное обошлось без огласки.

Кредиты – на машину, мебель и прочую чепуху он благоразумно оформлял на жену, ей придется еще не один год выплачивать самой. О престижном образовании для детей нечего и думать, но до них ему по большому счету и дела нет. С какой стати принимать участие в их судьбе? Уехали с

матерью в Нью-Йорк, и Бог с вами... А мне и здесь хорошо.

Сука. Мало все же бил. Ишь, гадина, разговорилась, пригрозила: если на суде расскажу, тебе дорожка прямиком за решетку... А раньше чего молчала? Точнее, не молчала – орала, как кошка. От удовольствия, не иначе. С самого начала, со свадьбы, он стал практиковать жесткие подходы. Поначалу дергалась, потом привыкла. Кто ее, тварь, надоумил? Почитай десять лет была шелковая, и вдруг показала истинную скотскую морду. Наняла сыщиков, тайком наделала записей. Получилось интересно – смотрел бы и смотрел, да не всякому покажешь...

Хорошие адвокаты могут все, и от тюрьмы спасли опять-таки деньги. Потратился здорово, даже в долги залез. Хуже оказалось условие исчезнуть из родных мест... ну, ничего, ничего, может, еще свидимся. Порезвимся, вспомним веселые деньки. Периодические телефонные напоминания крошке о былом счастье иногда доставляли прямо-таки физическое наслаждение, а реально – изредка довольствовался портовыми девками, предварительно предупреждая – может зайти чуть дальше обычного пресного секса. Соглашались, но повторно ни одна с ним не пошла, а денежки брали исправно, не отказывались... Но поиск партнерши становился с каждым разом все труднее. Похоже, не все выполняли дополнительно оплаченное обещание молчать... бабы есть бабы. Потаскухи.

Кстати, как эта стерва взвилась, когда напомнил – видеть-

ся с детьми суд ему не запретил. Доченьке-то шестнадцать есть уже? Пора бы ей с папочкой поближе познакомиться... И пацан без отца растет... А что? Он имеет полное право. Насчет подарков пусть не обольщаются. Просто съездить, пообщаться, рассказать деткам то да се. Может, подрастающему поколению понравится. Они сейчас взрослеют рано, пусть мотают на ус.

А завтра... Завтра ожидается праздник. Клиентка, судя по некоторым намекам, вполне может оказаться сговорчивой. Совместим полезное с приятным. Неспроста ведь она так на него поглядывала – наслышана, не иначе.

Ступив на пирс, выдающийся в Бискайский залив на четверть мили, оставил пустые размышления и попытался сосредоточиться на дне грядущем. Предстояло выйти в море со странной пассажиркой. Стройная крашеная блондинка не произвела впечатления заядлой рыбачки. Заявила: очень не прочь добыть тунца, да покрупнее, но снасти, маршрут и даже перспективный улов ее практически не заинтересовали. Вместо этого уделила внимание обустройству обеих кают – и пассажирской, и капитанской, даже на секунду прилегла на широкую гостевую койку, искоса прищурившись на хозяина. Заглянула в моторный отсек, на камбуз, долго разглядывала такелаж, электрооборудование...

Довольно наглое предложение внести половину оговоренной суммы вперед приняла как должное. Торговаться не стала, раскошелилась на пару сотен. И Барт, как всегда после

получения аванса, направился в одно из двух привычных мест. Он эти бары так и называл: «отвальный» и «причальный», в обоих любил посидеть часа по три-четыре, соответственно перед отплытием и после возвращения. Заодно – порадовать себя телевизионным просмотром матчей любимой команды.

Выход к банке с хорошим перепадом глубин назначили на пять утра, перед рассветом. Шкиперу предстояло еще дозавестись, опробовать моторы, позаботиться о наживке... Да и вздремнуть бы не помешало. Шагая по пирсу к родной посудине, он потряс головой, выгоняя остатки хмельного дурмана, и еще раз взглянул на яхту. Показалось или действительно на палубе мелькнула какая-то тень? Да, наверняка показалось. Кому там в полночь шляться? Он даже свою каюту не запирает, только рубку, моторный и пассажирский отсеки. Красть, по большому счету, на «Акуле» нечего, а до тайника, где хранятся несколько «аварийных» тысяч, просто так не добраться – надо открутить четыре гайки под правым мотором. Кто не знает – не найдет.

Перебравшись на борт, мельком глянул на фосфоресцирующую «Сейку-аква». Без десяти час. Времени в обрез. Ладно, не привыкать. Подремлю днем, пока пассажирка будет натирать мозоли... Тунец – не сардинка. Воздух в каюте показался непривычно затхлым. Обычно он не задраивал иллюминатор наглухо, но тот, судя по духоте, плотно закрыт. А пахнет чем? Будто дешевый ром с примесью чесночной

блевотины...

Эта мысль была последней за миг до того, как пальцы автоматически щелкнули выключателем. Лампочка в засиженном мухами потолочном плафоне не просто загорелась, а взорвалась. По форме и размерам ничем не отличаясь от прежней, она имела совсем другое содержание. От вспышки воспламенился и бутан, наполнявший шкиперскую. Это его запах показался хозяину лодки странным. Окажись моряк трезвым, все могло выйти иначе, но перед выходом в море Барт трезвым не бывал. Никогда. Недавнему визитеру эта привычка была отлично известна. Оставалось подменить лампу и открыть баллон принесенной с камбуза походной плитки.

Человек в весельной шлюпке у борта зафиксировал время вспышки: «ноль пятьдесят две». Понаблюдал ровно три минуты, убедился: из каюты никто не выбрался. Результат достигнут. И, бесшумно гребя, направился в сторону от быстро растущего костра с надписью «Желтая Акула» на носу.

Пожар на судне сам по себе довольно неприятное явление, потушить его удастся далеко не всегда, хотя в порту для борьбы с огнем есть специальные средства, в том числе буксир, оснащенный мощными помпами и пеногенератором. Огонь на воде заметен далеко, и спустя считанные минуты к горящему суденышку по пирсу примчались первые зеваки, за ними – местный жандарм. Он и вызвал пожарных.

Пытаться что-либо сделать своими силами собравшиеся

не могли – жар был слишком силен. Удалось лишь отвести подальше пришвартованные рядом с «Акулой» яхты. А когда пожарный «Кашалот» был уже на подходе, на корме горячей лодки взорвался бак с горючим. Пылающая посуда стремительно затонула, и помощь специалистов не понадобилась. Огнеборцы, для проформы залив пеной оставшийся на поверхности нос, удалились с чувством исполненного долга. Посудачив о возможных причинах несчастья, начали расходиться и любители дармовых зрелищ.

– А где Барт? – ни к кому конкретно не обращаясь, поинтересовался жандарм.

– Черт его знает... Не видно... Пьет где-нибудь, наверное... А может, к девкам пошел, – наперебой прозвучало со всех сторон.

На рассвете к воняющим гарью останкам приблизились двое.

– Пора бы этому выпивохе объявиться, – задумчиво произнес начальник портовой полиции.

– Ты думаешь, он там? – его собеседник, бригадир портовых пожарников, кивнул на виднеющуюся под водой крышу каюты.

– Бармен «Тунцового хвоста» сказал, он оттуда ушел за полночь. Без бабы.

– Тогда надо поднимать...

Поднять «Желтую Акулу» удалось уже к полудню. Отлив позволил провести операцию с минимальными затратами.

На пирсе разместили одну лебедку, подошедший буксир помог с воды. И стало ясно, почему капитан не озаботился пожаром своего корабля. В сильно обгоревшем трупе без труда опознали Бартелеми Верлена.

Причина возгорания ни у кого не вызвала сомнений. Рядом с телом обнаружилась портативная газовая плитка и баллон с открытым клапаном. Все ясно. Неосторожное обращение с огнем... Сколько ни говори людям – пьянство до добра не доводит!

август 2016, Санкт-Петербург

Созерцая свой заваленный бумагами стол, главный редактор «Ночного кошмара» с тоской обдумывал варианты. Первый – купить еще один, пересесть за него, а этот пусть живет своей жизнью, постепенно скрываясь под горами заметок, репортажей и хроник. Второй – открыть окно, позвать кого-нибудь из ожидающих за дверью, желательно мужика, и вдвоем с ним вывалить все прямо на Литейный.

Кое-что унесет ветром, остальное рано или поздно уберут дворники. Могут, правда, оштрафовать... О третьем думать не хотелось. Это означало – вдумчиво прочесть, отсеять зерна от плевел... В общем, как обычно, сидеть до глубокой ночи. Плевел, естественно, окажется намного больше. Ибо истина, открывшаяся ему еще на заре редакторской деятельности, гласила: ни один пишущий на бумаге никогда никому ничего ни о чем не хочет сообщить. За исключением, быть может, прозекторов, географов и предсказателей землетрясений.

Почему же эти, за дверью, пишут и пишут, строчат, не останавливаясь, наперегонки? И все как один убеждены – все написанное надо немедленно напечатать, а малейшие попытки подрезать, исправить, сократить воспринимают как личное оскорбление. Эх, нелегка редакторская доля...

Чтобы из рядового, хоть и способного репортера стать ре-

дактором, да не простым, а главным, умения писать мало. Надо еще быть организатором. А это – понятие синтетическое, включающее в себя глубокие, порой чисто интуитивные познания природы человека и общества. Что такое газета? Правильно, в первую очередь бумага. Поди-ка, купи! Так ее тебе и продали. В благословенные советские времена, если удавалось добиться официальной регистрации и включения в план какого-нибудь издательского гиганта, остальное решалось автоматически – подавай заявку, а о деталях позаботится всемогущий Госплан. Та лафа давно канула в Лету, и Грише приходилось вертеться самому.

Не раз и не два почти готовый тираж зависал на тоненькой ниточке из-за банального «недовоза» и тому подобного. А помещения? А спонсоры? А оборудование? А финансы?! А все эти наглые, вечно ссорящиеся, беспринципные бездельники, называющие себя журналистами?

Для читателя «Ночной кошмар» – всего лишь название одного из «желтых» листков, а для главного – кошмар и утренний, и дневной, и вечерний. Непреходящий. Но он не просто любил – обожал капризное детище и готов был без колебаний отдать за бумажную жизнь газеты свою собственную. Непростая руководящая стезя обязывает быть хозяином. А главная черта настоящего хозяина – отнюдь не щедрость. Спроси любого в родной Калуге, убедишься сам. Там, как и в любой глубинке, привыкли ценить и беречь каждый кусок хлеба. Нет, люди не жадные, но и раздавать свое добро

направо-налево привычки не имеют.

Гриша иногда любил подчеркнуть: «Мою фамилию знаешь? Правильно, Кошель. От слова кошелек. Потому и денежку берегу. За дело – получи, а за так – извини!» И выколотить из главного «Кошмарца» что-либо сверх положенного бывало ох как непросто! Особенно скуп он бывал на так называемые командировочные расходы. Средства выделялись строго на основании представленных для отчета билетов, квитанций и прочего. Гонорар – одно, а это – совсем другое. Любишь кататься – катайся, но про отчетность не забывай.

Борис знал об этой черте друга-начальника не хуже остальных, поэтому и напрасных надежд отхватить лишнего от редакционного пирога не питал. Еще только затеяв «следствие» и чуя манящий запах тайны, с которой надлежало сорвать покров, он понимал – разъезжать придется за свой счет. Неважно, зато потом, когда материал выйдет, все окупится втройне. А главное – в очередной раз на подписи «Позоров» подрастет тираж.

И снова коллеги, как свои, так и конкуренты, будут поглядывать с завистью и перешептываться за спиной: «Видал, пошел, дылда небритая? Он самый, Борька Шацкий! Читай, учись...»

Ему Гриша прощал все. Ну, почти. Некоторые словеса, бездумно слетавшие с чрезмерно острого языка, главный не забывал и при случае поминал. Среди них своего рода ба-

бушкина цитата. Та однажды высказалась в беседе с приехавшими погостить вновь обретенными родственниками. Своими. Отец с матерью сыновней избранницы прибыли обсудить подробности предстоящей свадьбы. Как водится, посидели за бутылочкой. И в процессе будущий тесть решил проявить эрудицию.

– Вот вы тут мне говорите – медный всадник, медный всадник! Какой же он медный? Когда сделан весь из бронзы, я вам как металлист говорю. Если сомневаетесь, пойдём, отскоблим кусочек от копыта, и на анализ!

Бабушка на несколько секунд буквально потеряла дар речи.

– Отскоблить? – придя в себя, прошептала потенциальная свекровь, – От копыта?! Занятный у вас там прагматизм... Понаехали, лапти калужские! Отскоблить...

В общем, все последующие годы встречались родственники не так чтобы очень часто...

И когда Гриша как-то на редакционной летучке очередной раз «проявил прагматизм», Борька наградил начальство эпитетом, ставшим с тех пор негласной кличкой:

– Бережливый наш... Лапоть калужский!

Глава тринадцатая

2014, Лас-Вегас

Игроки – чрезвычайно суеверный народ. Кроме общеизвестных черных кошек, левой ноги, трехкратного плевания и битых зеркал, они верят в самые разные приметы, как счастливые, так и наоборот. Многие в день игры не пьют, не курят, не бреются, не входят в дверь, из которой секунду назад вышла женщина...

Сэмюэль Адамс выработал свою систему суеверий и скрупулезно ей следовал. Это помогало не только изредка выигрывать, как любому другому игроку, но и достойно принимать проигрыш. Играл он очень аккуратно, вот уже пятый год подряд приезжая для этого в Лас-Вегас в первую пятницу каждого третьего месяца и уезжая в понедельник. Оставался всегда в одном и том же номере одного и того же отеля, играл всегда только в одном заведении – «Гнилое лас-со». Делал только двенадцать ставок за вечер. Ставил только двенадцать тысяч. Никогда не заходил в бары. Ел только в номере. Если проигрывал, никогда не показывал виду, что расстроен. Никогда не выказывал и радости при выигрыше. И всегда заказывал на завтрак в номер одно и то же.

Единственное от него не зависело – еду в номер могла

привезти либо молоденькая девушка, либо женщина в возрасте, а мог и мужик. Закономерности вывести не удавалось, как и связать с вероятным результатом игры в этот день – задача была явно из числа неразрешимых. А жаль! Приходилось полагаться на случай. Время доставки тоже колебалось от десяти минут до четверти часа, больше не бывало – видимо, ресторан при отеле стремился к пунктуальности.

Сегодня он, как обычно, позвонил портье и попросил принести завтрак. И буквально через три минуты в дверь постучали. Ого! Рекорд! Такого еще не бывало. Он открыл. На пороге стояли две одинаково улыбающиеся женщины. Обе лет тридцати, в обычной униформе, с обычным столиком на колесиках.

– Ваш завтрак, сэр! – одна из них шагнула в номер, заставляя его попятиться.

– Вы сегодня оперативны, как никогда! А почему вдвоем?

– У нас проходит инструктаж новеньких. Поэтому быстро, и поэтому вдвоем, – вторая официантка тоже вошла и закрыла за собой дверь, – А разве у Вас в номере не убирали? Или это Вы так замусолили окно?

– Какое окно?

Адамс рефлексивно повернул голову в направлении взгляда спрашивающей и почувствовал прикосновение кшее чего-то холодного. Послышался негромкий треск, в воздухе запахло озоном. Женщины, действуя быстро и слаженно, подхватили падающее тело, аккуратно уложили на по-

стель. Одна извлекла из коробки на передвижном столике дыхательную маску и надела ее на лицо потерявшего сознание игрока. Вторая вложила в трубку идеально подходящий по диаметру цилиндрок «сухого льда», капнула воды. Несколько вдохов, два судорожных рывка...

Через пятнадцать минут доставившая завтрак для мистера Адамса настоящая официантка стучалась в дверь его номера, готовясь выслушать справедливые упреки в медлительности. А она виновата? Да, задержалась. Чертов лифт никак не ехал, наверное, кто-то из постояльцев что-то обронил, и дверь закрылась не полностью. Пока дежурный пробежал по этажам, пока нашел, пока устранил неполадку, время и прошло.

Она стучала и звала минут пять. Никто не открыл, в номере было тихо. Подумала – капризный клиент спустился либо к портье, либо в ресторан, и ушла. Сообщила старшему по смене: доставка сорвалась, ждем жалобу.

– Ну, дорогуша, гляди – вылетишь сегодня же! Готовься. И нечего реветь! Лифт, лифт... По лестнице бы поднялась! – чем мельче начальник, тем страшнее он хочет казаться.

Между тем ей было прекрасно известно – ничего особенного ей не грозит. Раздраженный клиент, конечно, немного пошумит, пока голодный. А поест – успокоится. Никто ее не выгонит. А выгонят – в соседних отелях, барах, казино работа для нее всегда найдется.

Жалоб не поступало, официанты сменились. Сменился и

портье, и охранники – весь персонал. В понедельник новый портье, не получив в срок ключ от номера и чаевые от мистера Адамса, несколько обеспокоился. Позвонил в номер. Не дождавшись ответа, попросил коридорного проверить, уехал ли жилец. Тот постучал в дверь раз, другой. И, согласно инструкции, воспользовался своим универсальным ключом.

Прибывшие по вызову полицейские призвали на помощь медицину, хотя им и так было ясно – постоялец мертв как минимум сутки. Спустя положенное время было вынесено вполне обоснованное заключение: смерть в результате сердечного приступа. Не такая уж редкость в здешних краях. Сюда приезжают, чтобы играть. Игра – это всегда эмоции, порой запредельные – вот и рвутся их дурацкие азартные сердца.

А с привычкой покойного игрока мучить и истязать свою жену его внезапную смерть никто не связал. Да об этом, в общем, никто и не знал, кроме нескольких женщин, с которыми она познакомилась год назад.

август 2016, Санкт-Петербург

Сегодня Гриша был не в настроении. Причина предельно проста – пятница, первая в месяце. Именно по этим дням главному редактору звонила его сестра, младшая из старших. Грише повезло появиться на свет в обычной многодетной советской семье четвертым, последышем. Город Калуга не самый большой, но и не маленький. Детей в семье обычных работяг – слесаря и медсестры – любили, но и спуску не давали. Может, благодаря этому все выучились, что называется, вышли в люди.

Самая старшая – экономист, за ней брат – инженер, еще одна сестренка стала педагогом. Первая, молчаливая и трудолюбивая Анастасия, в Гришкины дела не лезла. По детским воспоминаниям она осталась кем-то вроде второй мамы. Потом уехала в столицу, обзавелась семьей, развелась, вырастила сына-офицера. В трудные девяностые не плакала, стойко пережила ликвидацию союзного НИИ, со временем устроилась в риэлтерскую фирму, живет, не тужит.

Братан, недавно разменявший шестой десяток, всю сознательную жизнь посвятил нефти. Мастер на буровой, он и сам чем-то напоминал свою вышку – высоченный, большерукий, громогласный. Младшего братишку так и не воспринял всерьез. Грише хорошо за тридцать, а для Кости навсегда остался кульком из роддома. Ну, а средняя, Зинаида, не построив

своей семьи, решила – ей самой судьбой назначено воспитывать младшенького.

Опекать, оберегать и учить. Учить всему на свете – ходить, кушать, ездить на велике... Читать, считать, писать, теперь вот издавать газету. С трудом окончив местное педучилище, сестра по специальности не работала ни дня. Попыталась было – в детском саду, но через полгода ее оттуда вежливо попросили.

Подробностей Гриша не знал, а сама она на болезную тему говорить не любила. Вроде бы пыталась внедрить систему экстремального закаливания и аутогенных тренировок. Не пошло... Неудавшаяся воспитательница нашла себя на стезе парикмахера, а нерастраченный заряд педагогической энергии направила на несчастного младшего братишку.

Справедливости ради надо отметить – учила и поучала не только его. От ее щедрот доставалось и коллегам-цирюльникам, и клиентам, и соседям, продавцам в магазинах и на базаре. Братишке удалось только несколько упорядочить бурный воспитующий поток, ограничив родственное общение одним часом в неделю, по пятницам.

В недавнем прошлом Зинаидой овладело стремление принять участие в появлении на свет Гришиных близнецов. Узнав о приближении счастливого момента, она заявила лично, твердо решив обучить бестолковую сноху, как именно рожать двойню. Сама не бывшая замужем ни дня, ни разу не беременевшая, педагог-парикмахер принялась за настав-

ления, довела Машку до истерики...

От взаимного убийства спасло появление будущего отца, и не одного, а в компании с Борисом и его подругой Светкой. Та мигом просчитала ситуацию, приняла огонь на себя, увела наставницу с кухни и соблазнила экскурсией на настоящую телестудию. Так потомство получило возможность появиться на свет без мудрого руководства, живым и здоровым. К пятничным сеансам, особенно первым в месяце, всезнающая старшая сестра готовилась заранее и вкладывала себя всю. Гриша философски воспринимал неизбежное зло и научился, периодически поддакивая, за учебный час просматривать кучу текущих документов. Не бывает худа без добра...

2009, Нью-Йорк

Америка – страна передовых технологий, достижений, деловых людей и умных машин. Машины и механизмы самых разных форм, размеров и назначения проникли во все сферы бытия американцев. Без них невозможно проехать хоть милю, подняться на верхотуру небоскреба или спуститься под землю, приготовить пиццу, кофе и мороженое. А с некоторых пор люди, еще недавно обреченные на неминуемую смерть из-за сердечной слабости, годами и десятилетиями живут благодаря ритмичным сигналам электрокардиостимуляторов.

Ежегодно плоская «машинка» весом всего в тридцать граммов спасает жизнь миллионам людей и позволяет им жить, пока работает ее батарейка. Истек срок – поменяй и живи себе дальше, сколько отпущено Богом. Если грехи позволяют. Но это – для тех, кто верует. А кто не верует – уповают на сосуды, почки, легкие и прочие сугубо материальные субстанции.

Пан Стэн, изображая ярого теиста, в Бога не верил. Если Он есть, почему допустил такое в отношении его Отчизны? Смерть его единственного сына? И еще много чего? Выходит, его таки нет. А коли есть, Страшного Суда все равно не избежать, а там грехом больше – грехом меньше... Да и еще есть лазейка: покайся – и будешь прощен. Важно успеть.

Получив долговременную электронную гарантию, «Краль» жил полной и насыщенной жизнью. И жена, крыса, в последнее время угомонилась. Всего-то и понадобилось – пару раз пригласить на вечеринку с покером. Он уже наметил очередное игрище, в ближайший уик-энд.

А сегодня она захотела свозить свою полумертвую девчонку на какие-то электро-иголки. Будут тыкать, делать умные лица, сдерут с него сумасшедшие деньги, а потом скажут нечто вроде: «пока динамики не отменяется, но надежда сохраняется» или «проводимость нервных волокон в пределах нормы, будем продолжать курс». И ему необходимо присутствовать. Черт с ней, поприсутствую. Благо делать ничего не надо, она сама за шофера, а эта, малышня, с нянькой на заднем сиденье.

Посмей кто-то сказать чванливому пану: опомнись, посмотри правде в глаза, ведь это ты и только ты виноват в болезни несчастной малышки – всесильный «краль» плюнул бы в лицо, размазал мерзавца по асфальту! Сын, долгожданный наследник, потерял из-за материнского невнимания, и баста. Подумаешь, прививка! Она недосмотрела, и спрос с нее. А соплячка – ее отродье. И ее проблемы.

Он сидел, поглядывая по сторонам, когда справа раздался пронзительный сигнал клаксона.

– Какого черта?! Бетси, откуда там...

Как мог еще отреагировать мужчина, увидевший в метре от себя нечто невообразимое. Невозможное! За рулем стоя-

щей на светофоре рядом с их «Кадиллаком» машины сидела его жена! Он, не веря собственным глазам, повернул голову налево. Она – на месте, никуда не делась. А справа? Там – женщина, точь-в-точь похожая на нее, То же лицо, те же волосы, та же одежда, те же глаза за дымчатыми очками...

Пытаясь разглядеть получше, пан Стэн опустил синеватое пуленепробиваемое стекло, повернул грузный торс... И тут на него уставился раструб огнетушителя. Или, во всяком случае, нечто очень похожее. Причем не прямо в лицо, а чуть ниже, в шею. Даже еще ниже. Куда? Да вот сюда, сюда, где помещается его ангел-хранитель. Источник сердечного ритма, гарантия жизни.

Сигнал светофора сменился, автомобили дружно сорвались с места, но «кадиллак» и его сосед не спешили. Только когда подпирающие сзади торопыги взревели моторами и дружно засигналили, парочка, будто связанная невидимой нитью, неспешно покатилаь вперед. Совместная стоянка длилась не более минуты, впрочем, этого оказалось вполне достаточно. Пассажир на переднем сиденье роскошного лимузина дважды зевнул, как рыба, выброшенная на сушу.

– Бе... Бе-е... – последние звуки в его жизни походили скорее на призыв одинокой заблудшей овечки, чем на человеческую речь.

– Что это с мистером Стэном? – поинтересовалась сзади нянька, до того поглощенная заботой о маленькой Ханне.

– Не знаю... – отозвалась жена «мистера», – Эй, Стани-

слав! Дорогой, ты в порядке?

Ответа не последовало. Владелец обширной сети маркетов, электронных, торгово-закупочных и прочих корпораций сполз на сиденье, из его носа показалась струйка крови.

Визит к педиатрам пришлось отложить. Потерявшего сознание бизнесмена доставили в ближайшую больницу, откуда после минимального обследования уже медицинским транспортом перевезли в кардиоцентр.

Слушая требования жены оказать больному максимальное внимание и обращаться поаккуратнее, санитары, укладывавшие бесчувственное тело на носилки, только молча переглянулись. А старший в бригаде – опытный врач «Скорой помощи», приоткрыв веки «ноши», понимающе кивнул. Все ясно.

Ясная ему ситуация окончательно прояснилась после энцефалографии, дополненной томограммой. Множественное внутрочерепное кровоизлияние превратило мозг пострадавшего в огромную гематому – большой сгусток полужидкой крови. Жить это тело, конечно, будет. Вернее, существовать. Дышать. Глотать влитое либо вложенное в рот. Переваривать пищу. Исторгать кал, самопроизвольно или после клизмы. Может быть, время от времени нечленораздельно мычать, но не более.

Современный электрокардиостимулятор при всей миниатюрности – сложное, многофункциональное устройство. Он

не только задает ритм сокращений ослабевшему сердцу, но и ускоряется при быстрой ходьбе, беге, плавании. На эмоции, правда, не реагирует. Ведомое им сердце не способно «встрепенуться» при поцелуе или звуках государственного гимна. А еще приборчик постоянно фиксирует многие параметры сердечной деятельности и записывает всю историю собственной электронной «жизни».

Специалист, дистанционно подключая так называемый «программатор», считывает записи, оценивает поведение сердца и «помощника» – хоть за сутки, хоть за год. В манхэттенской клинике техник, взглянув на запись, воскликнул:

– Ого! Ни черта себе! Быть такого не может!

Он позвал кардиолога, тот – другого, постарше. Потрясенные врачи не верили собственным глазам. Прибор, призванный давать сердцу шестьдесят «толчков» в минуту, побуждая сокращаться именно с такой частотой, внезапно словно взбесился. Восемьдесят...сто... сто тридцать... сто шестьдесят... двести... двести сорок... двести восемьдесят! С такой скоростью импульсы подавались две с половиной минуты, а потом стимулятор как ни в чем ни бывало вернулся к нормальной работе. Почему?! Теоретически нечто подобное могло бы произойти при прямом попадании молнии. Но ее ведь не было!

За сто пятьдесят секунд неистовое сердцебиение привело к пагубным и необратимым последствиям. Давление в сосудах – артериях и венах, не успевавших сбрасывать нагнета-

емую кровь, повысилось выше любого мыслимого предела. Нечто отдаленно схожее возможно у бегуна, стремительно несущегося к финишу под восторженный рев трибун. Молодому тренированному атлету кратковременное ускорение пульса и повышение давления ничем не грозит, а у тучного пана давно потерявшие эластичность, подточенные диабетом и атеросклерозом сосуды глаз, почек и в первую очередь мозга полопались. Кровь, синоним жизни, сыграла роль прямо противоположную.

– Госпожа Камински, – пригласивший ее врач был вежлив и тактичен, – Прошу Вас, садитесь. Боюсь, у меня для Вас не самые лучшие новости.

– Слушаю Вас, доктор.

– Я знаю, Вы проводите у постели Вашего мужа дни и ночи напролет...

Женщина пожала плечами: а как же иначе?

– Он – мой самый близкий и родной человек в мире.

– Мне кажется, Вы очень сильная женщина...

– Нет. Я – слабая, очень слабая. Это он сделал меня сильнее.

– Для меня неприятно говорить Вам такое, но мы вынуждены прекратить попытки... Активизировать... Наступила кома. Понимаете, его мозг... как личность он больше не существует.

– О, нет! – она до хруста сжала пальцы, – Вы говорите, это

кома... Но они ведь выходят? Через месяц, год, два?

– Только не в таких случаях. Истории из кино, романов – сказки, не более.

– Он... Станислав... Его не спасти?

– Повреждения почек, сердца компенсированы. Глаза пострадали серьезно, но не это главное. Биологическая жизнь будет продолжаться.

– Биологическая? Не совсем понимаю...

– Ну, он... будет дышать, сохранится перистальтика..., то есть пищеварение. При должном уходе такое существование может продлиться годы.

Миссис Камински упрямо поджала губы.

– Пусть продолжается, сколько надо.

– Но мы не сможем держать его здесь. Наша клиника не предназначена для такого рода пациентов. Мы будем...

– То есть вы хотите избавиться от него?! – возмутилась жена «биологически живого», – Но у нас максимальная страховка! Как же так? Вы не смеете! Я сегодня же обращусь в департамент здравоохранения!

Врач успокаивающе поднял ладонь.

– Я не это хочу сказать. Речь не идет о каком-либо ухудшении ухода за Вашим мужем. Он будет помещен в реабилитационный центр, где обеспечат все необходимое. Поверьте, мы ни на секунду не перестанем заботиться о его здо... состоянии. А средства на содержание предоставит центр по лечению сердечных аритмий. Ведь это нарушение со стороны

их прибора привело к несчастью.

– А... А в этом есть чья-то конкретная вина? – посетительница нахмурила брови.

– Нет... То есть мы полагаем, конкретно чьей-либо нет. Произошел чрезвычайно редкий, до сих пор не случавшийся сбой в работе кардиостимулятора. Поэтому руководство названного центра уполномочило меня передать вам... в общем, Вы вправе обратиться в суд.

– Зачем? Разве суд поможет? Вернет мне мужа?

– Потребуете дополнительного возмещения...

– Нет. Мне не надо никакого дополнительного возмещения. У нас вполне успешный бизнес. Они, я полагаю, ни в коем случае не желали Стэну... Моему мужу ничего плохого. Я буду молиться о том, чтобы ничего подобного ни с кем больше никогда не случилось.

– Благодарю Вас.

– За что?

– За понимание. Мы, врачи, всегда ценим такое мужественное и человеческое отношение к нашей нелегкой работе. И у меня еще одна просьба.

– Слушаю вас.

– К Вам наверняка обращаются... лезут всякие прониры... я хотел сказать, представители прессы. У нас свободная страна, и они захотят сделать на вашем горе сенсацию.

– Да. Меня пытаются атаковать, но я ничего не комментирую. Я не специалист, к медицине и электронике не имею

никакого отношения. Просто отправляю их к тем, кто знает лучше. К вам.

– Это очень правильно с Вашей стороны. Спасибо Вам. Видите ли, если эта история, со срывом стимуляции... станет достоянием разных шакалов... то есть газет, телевидения... это может повредить миллионам людей. Сама идея такого рода помощи окажется под угрозой дискредитации.

– Мне бы этого тоже не хотелось. Ведь врачи ни в коей мере не хотели навредить Станиславу. До свидания, доктор.

На совещании в головном бостонском офисе компании-производителя медицинской техники специалист представил краткий отчет о расследовании необычного случая с «пациентом К». Такой отказ изделия фирмы произошел впервые. К сожалению, для детальной проверки прибор лучше всего извлечь, разобрать и тщательно протестировать важнейшие детали. На это требуется согласие жены пострадавшего. С ней, разумеется, побеседовали, прямо у постели больного. Она была категорична.

– Нет. Я ни в чем не виню вашу фирму, ваш прибор и эти... электроды. Но копать в груди моего мужа, пока он жив, не позволю. Снимайте ваши потенциалы сколько угодно, но не режьте его. Он и сам, я уверена, сказал бы именно так, если бы мог. Когда Богу будет угодно прекратить его мучения – пожалуйста, а пока – пусть живет спокойно.

– Что, именно так и сказала? – поинтересовался руково-

дитель отдела «Кардиология и ритм».

– Да, именно так.

– «Живет спокойно»... Да уж, спокойнее некуда. А сколько он протянет?

– Поддержание ритма в его теперешнем овощном состоянии требует минимального расхода энергии. Полагаю, аккумулятора хватит на пятнадцать лет.

– М-да... Очевидно, дама хорошо знает древнюю притчу о бродяге, султани и говорящем ишаке. А все-таки, какова наиболее вероятная причина срыва?

– Как рабочую гипотезу я бы предложил воздействие неисправной системы зажигания автомобиля.

– Его «Кэдди»?

– Конечно, нет. Это же случилось в пробке при выезде из Квинса. Предположим, рядом тархтел какой-то грузовик с примитивными свечами и ветхими проводами. Теоретически не исключено образование под капотом своеобразной фокусировки вихревых электромагнитных полей. И ему крупно не повезло попасть в зону действия такого разрядника.

– Грузовик?

– Да. Не обязательно большой – там они не ездят, а обычный пикап в полторы-две тонны. Таких полно.

– Хорошо, остановимся на этом. Не забудьте вернуться к данному вопросу через э-э... Когда придет время.

А на беседе в комнате заседаний холдинга «Камински и

Ко» участники были единодушны – общее руководство делами вполне по силам пани Эльжбете. Для своих – Элис, никаких «Бетти». Поблагодарив, она напредила: «Стэн жив и, вполне вероятно, придет в себя через месяц. Или год. Или пять. Поэтому не расслабляйтесь, господа!»

А пока он, став беспомощным инвалидом, юридически остается владельцем всех активов, согласно гуманным американским законам ему полагаются существенные налоговые льготы... Король лежит пластом – да здравствует король!

Глава четырнадцатая

май 2016, Псков

Если вам, бредущему с утра пораньше по направлению к зубоврачебному учреждению, встретится жизнерадостный сосед, приятель или просто знакомый, лучше перейдите на другую сторону дороги – продуктивной беседы все равно не получится. Разговор сведется к одному из двух вариантов: либо, увидев ваше тоскливо-печальное лицо, он станет фальшиво сочувствовать и приговаривать что-то типа: «Ах, как жаль! Бедненький! Ну, ничего, потерпишь, зато потом все будет хорошо...» Либо совсем наоборот – встречный-поперечный с широкой улыбкой скажет вам: какая ерунда! Бояться нечего, вот он (она) с удовольствием посещает стоматолога. С детства не боится зубной боли. Мелочь, подумаешь!

И тогда смело плюйте в наглуую лживую рожу, ибо перед вами – негодяй, подлец или просто дурак, а его оскаленные здоровые зубы лучше всего вообще выбить, прямо здесь и сию секунду.

Примерно такие мысли не оставляли Леню всю дорогу до районной зубной поликлиники, где его ожидал не самый приятной час в жизни. Слава богу, сегодня последний из трех назначенных визитов наконец завершится окончательно-

ным пломбированием. Подзапустил зубки, теперь приходится мучиться. Хорошо, хоть в наше время у них, палачей, не принято ковыряться в многострадальной эмали без обезболивания.

Это лет десять назад – усадят в кресло, постучат, поковыряют и льстиво спросят: «Может быть, потерпите чуть-чуть»? Ты, дурилка, веришь гаду – на самом деле «чуть-чуть», соглашаешься, и начинается! Через час встаешь с пыточного места мокрый от пота, в глазах темно, руки-ноги трясутся... Но, сохраняя лицо, бормочешь вечное: «Спасибо, доктор!»

В этот раз его ни о чем таком не спрашивали. Тучный румяный зуболекарь поинтересовался только, нет ли аллергии на какой-то «Тру-ля-ля-каин», вколол, и все сверление проходило практически безболезненно. Неприятно, не более, и еще час-полтора щека и язык как деревянные. Ну, и ладно, это – потерпим.

Врач стоматолог-терапевт высшей категории Т.И. Гольдман работал один. В сомнительной помощи медсестры он не нуждался. Пломбировочный материал готовил сам, сам коллол, бурил, чистил, шлифовал, светил специальной лампой. Сам брал деньги. Поликлиника формально считалась бесплатной, так и написано везде, где только можно.

Надписьям вообще-то полагается верить. Например: «Не влезай – убьет!» или «Не нырять! Крокодилы!» А в остальном – не шибко. Леня по этому поводу юморил: «На сарае

– видал, чего написано? А там дрова лежат!» Поэтому, когда доктор после первичного осмотра ротовой полости молча написал на листочке и показал ему, сколько положено принести, возражать не стал. Сумма не запредельная, зато будет сделано, как надо.

Сегодня, войдя в кабинет, поздоровавшись и сев в зубо-врачебное кресло, он сразу положил на стеклянный столик конверт, и тот через пару секунд непостижимым образом исчез. Мучитель-целитель подкатил к креслу другой такой же столик, где, надо полагать, было приготовлено все необходимое, стерильное и так далее. Укрыл лицо белой пеленкой, оставив снаружи только рот, включил бестеневую лампу. И тут дверь кабинета приоткрылась.

– Теодор Исаакович, зайдите к начмеду! – женский голос звучал вежливо, но твердо.

– Но у меня пациент...

– Не убежит ваш пациент. Это на одну минуту.

– Прошу простить, я быстро. Рот пока можете закрыть.

Он, сидя в кресле, старался, как это принято у всех подвергаемых подобным пыткам, думать о чем-нибудь приятном. Показалось или по кабинету кто-то неслышно прошел? Ветерком вроде пахнуло... Или все же показалось?

– А вот и я! Не соскучились? Ну-с, сегодня закончим. Открывайте пошире, уколемся... Представляете – всего какое-то поздравление от фармацевтической фирмы. Могли бы и не торопить...

Врач привычным движением вколол заранее наполненный шприц в нужную точку, ввел раствор. Небольшая пауза, и можно начинать.

Но дальше все пошло не совсем так, как предполагалось. Сидящий в кресле почему-то напрягся всем телом, замычал, дернулся и обмяк.

– Ничего-ничего, полминутки, и начнем работать.

Стоматолог, сидя на крутящемся рабочем стульчике, отвернулся за инструментом и был несказанно удивлен поведением больного – тот подался вслед и свалился набок.

– Что такое? Ну-ка, ну-ка...

До специалиста высшей квалификации наконец дошло: вовремя пациент достал, а он успел спрятать конвертик. Еще чуть-чуть, и – плакали денежки! Пощупав и не найдя пульсации на сонной артерии, трясущийся эскулап опрометью бросился к двери и с криком заскочил в соседний кабинет:

– Шок!.. У меня!.. Реанимацию!

Стоя у окна в конце коридора, женщина, подменившая шприц на врачебном столике, наблюдала беготню и бестолковую суету людей в белых и зеленых халатах. Видела, как в кабинет вкатывали какие-то приборы и аппараты, а в завершение – длинную тележку-каталку. На ней через полчаса оттуда вывезли укрытое с головой тело. Ногами вперед.

Ничего удивительного: дозы сильнейшего средства, сохранившей в том шприце, было достаточно, чтобы заставить раз и навсегда сжаться в смертельном спазме не одно, а

десять человеческих сердец.

Красивый цветок – ландыш, запах у него приятный. Но пробовать его на вкус и уж тем более вводить в уколах сок либо синтетический аналог последнего не следует. Если не хочешь загнаться сам или убить кого-нибудь...

Все умершие в лечебных учреждениях, независимо от пола и возраста, подлежат обязательному судебномедицинскому освидетельствованию – грубо говоря, вскрытию. Процедура формально необходимая, но не слишком срочная – у патологоанатомов всего мира вечный аншлаг.

На третий день после финального визита к зубному тело «гражданина Ф», тридцати девяти лет, тоже подверглось печальной участи. Эксперт сделал все нужные разрезы и вынес очевидное заключение: причина смерти – острая сердечно-сосудистая недостаточность, явившаяся следствием тяжелого анафилактического шока.

Производивший исследование специалист поначалу немного удивился состоянию сердца умершего – оно находилось в сжатом состоянии. Сердце, с точки зрения не поэтической, а анатомо-физиологической, не содержит никаких эфиров с зефирами. Обыкновенный мышечный мешок. И его мерное «тук-тук» означает ритмичную смену сокращений и расслаблений предсердий и желудочков. Фаза сокращения, когда кровь выталкивается в артерии, называется «систолой», а расслабления, в ходе которой приток из вен «перезаряжает» желудочки – соответственно, «диастолой».

Сердце, лежащее сейчас на его ладони, остановилось в систоле, будучи сокращенным, сжатым до предела. Но в какой момент это произошло? Непосредственно перед смертью или уже в ходе попыток оживления? Поразмыслив, прозектор решил – ничего удивительного. Не стоит искать лишних загадок там, где их нет. Ведь его, сердце, били током, сжимали сперва через ребра, а потом непосредственно рукой, в него вкололи изрядную дозу адреналина... Все закономерно. И подписал заключение, не назначив дополнительного судебно-химического исследования крови трупа. Экономика и в медицине должна быть экономной.

август 2016, Санкт-Петербург

Настоящий журналист – не просто сочинитель, описатель или фиксатор событий. Летописец, так сказать. Он – прежде всего нечто вроде геолога. Мало раскопать, прежде надо найти, где копать. Иногда Борис остро сожалел о невозможности изобрести некий прибор, сродни миноискателю, а точнее, бомбоискателю. Поводил над толпой, можно с дрона, и определил: тут пахнет кое-чем интересным, бегом сюда, расспрашивай, пиши...

А ведь такой прибор есть! Биологический, встроенный в беспокойные ищущие-пишущие мозги. И не один – в мире хватает толковых служителей журналистской музыки.

Согласно классической мифологии, муз всего девять. Но это же несправедливо! Вспоминая школьные уроки рисования, Боря иногда пробовал мысленно нарисовать синтетический портрет десятой музы – музы журналистики. И не смог. Предстояло не просто объединить все присущие античному нонету черты, но и прибавить несколько специфических мазков. К Каллиоповой способности складно описывать – добавить лирику Евтерпы, пустить трагичную слезу Мельпомены. Присовокупить смешливости Талии к достоверности Клио, а куда в современности без эротики? Вот вам и Эрато... Легкость в танце пера по строчкам – от Терпсихоры, а чтобы напечатали – не обойтись без легкого славословия

в адрес властей предержажших – привет, Полигимния! Ну, и вездесущая астрология с Уранией – в каждой статье...

Сложив все эти необходимости и прибавив безмузной фантазии, он никак не мог выбрать стиль. Малевич? Нет, в его квадрате и так все это есть, только никому ни черта не видно. Шагал – слишком банально, летающей многоголовой гидрой никого не удивишь... В итоге выходило нечто совершенно несуразное, и проект сам собой прикрылся как бесперспективный. В самом деле, почему муза должна обязательно иметь внешность женщины? А если нет – результат на холст не влезет и ни в одну галерею точно не возьмут. Лучше и не пытаться.

Узнать адрес любого студента любого ВУЗа, колледжа, училища легче легкого – зайди в деканат либо его аналог, и все. В докомпьютерную эпоху секретарша покопается в картотечном шкафу, а теперь и того проще. Пощелкает по клавишам, и получите-распишитесь. С одной малюсенькой оговорочкой – учебное заведение должно работать. Существовать. Быть. А если его уже без малого два десятка лет на свете нет? На то существует архивная пыль.

Пыли как таковой в центральном городском архиве обнаружилось не так уж много. Труднее всего оказалось доказать само право рыться в ней. «Архивариус» – существование как будто мужского рода. Тем противоречивее показалась журналисту бесконечная череда женщин в одинаковых мышино-серых халатах, делавших все возможное, чтобы не

допустить его в святилище своей музыки. Какой? Пожалуй, как некое подобие музея, архив, несомненно, подчиняется прихотям Клио.

В буквальном смысле убив несколько бесполезных часов на допуски, согласования и прочие формальности, удалось обрести вожеленный пропуск. И – о счастье! Нужные документы нашлись всего за час.

Вся мушкетерская «рать» разлеглась перед пытливым репортерским глазом россыпью из пяти карточек. Итак: Дмитрий Тришин, он же «Де Тревиль» – этого можно вычеркнуть. Далее все не так просто, хотя и особых сложностей нет. Сам «капитан», по словам завуча, подбирал клички сообразно фамилиям однокурсников. Пойдем тем же путем, и получим: «Портос» – это, вероятнее всего, Семен Портнов. Артур Мисенок лучше всего подходит на роль «Арамиса»; Л, или Леонид Ферапонтов – очевидно, «граф де Ла Фер», он же «Атос».

Остается «д'Артаньян». Фамилия Гасенко на первый взгляд неподходящая. А вот «Гасконец» – другое дело. Следовательно, Петя Гасенко и есть тот самый веселый ловелас, виртуоз-фехтовальщик. Четверка определилась. Пятая – «Миледи» она же Людмила Демидова, о чем известно напрямую от осведомленного педагога. Мест жительства, по крайней мере на то время, оказалось тоже пять. И ни одного – в городе на Неве. Правильно – ведь все персонажи обитали в общаге.

При прочих равных начинать розыск лучше всего со слабого звена. Посчитав таковым слабый пол, Борис навел справки в древнем Великом Новгороде. И в результате женская ниточка опять оборвалась. Среди сотни с лишним носителей славной фамилии в городе и области женщин подходящего возраста было две, но – ни одной Людмилы. Ничего удивительного: дамам свойственно выходить замуж и менять фамилию. Мчаться за двести верст, чтобы копаться в очередном архиве, никакого желания не было. Перспективнее переключиться на поиски мужчин.

Глава пятнадцатая

2009, Нью-Йорк

Самое сокровенное женщина доверяет... Вариантов продолжения не так уж много. Первый – подушка. Безусловно, ей, промокнувшей от слез, доверено столько тайн и секретов – никому и не снилось. Второй – подружка. А вот это вряд ли. Доверяют, конечно, но – только неисправимые дуры или дуры обыкновенные. Поскольку нет исповедника хуже и вероломнее. Третий – собственно исповедник – в церкви, часове и тому подобное. Наверное, такие женщины есть, и немало. Те, кто сам ничего поправить не может или не хочет, для кого главное – выговориться, выплакаться, услышать в утешение: доверься Богу, дочь моя...

Четвертый, и главный: зеркало. Самое молчаливое, верное и подлинное сочувствие можно найти только там. Ему, единственному, можно и должно доверять. Та, за стеклом, никогда не разболтает, не посмеется, не предаст, ибо она – это ты.

В тот мягкий октябрьский вечер одинокая женщина, уже не находя в себе сил жить дальше, вошла в затейливо украшенную зимней атрибутикой дверь. Прозвенели хрустальные колокольчики, и ее окружила атмосфера детства. Тихая

музыка навевала ожидание чудес, в прохладном воздухе веяло смесью ароматов ванили, фруктов, чего-то еще непередаваемо нежного. Не яркий свет, не полумрак – нечто среднее.

Она опустилась на стул у ближайшего к двери столика, а потом, не отвечая на вопросы подошедшей официантки, пошла вглубь заведения, разглядывая картинки на стенах и чувствуя непонятную смесь грусти и облегчения. Отдых души – вот, наверное, самое верное определение ощущений, охвативших зашедшую в кафе «Айс-крим Диана». Пройди тогда мимо – вполне вероятно, ее бы на свете уже не было, ведь направлялась к Гудзону с вполне определенным намерением. А многие другие, напротив, остались бы в живых. Что лучше? Богу, конечно, известно. Расскажет? Спрашивайте, спрашивать не возбраняется, но не ждите ответа.

Она, видимо, и ушла бы так же тихо и незаметно, как пришла. Обогнула по периметру скромный зал, подышала сладостью, и все.

– Простите, мисс... Мы не берем денег за осмотр, но вы лучше присядьте...

Она не сразу обернулась на голос – глуховатый, странно знакомый. Чей? Показалось – давно умершей мамы. Или... Ее собственный?

– Если желаете, просто отдохните. Выпейте воды. Хотите? Или попробуете наше мороженое?

Она наконец обернулась. Взглянула. Опустила глаза, подняла. Зажмурилась. Глянула еще. Всмотрелась пристальнее.

Нет, это невозможно! На нее смотрела... Она сама.

Четверть часа спустя они, вдоволь наудивлявшись и немножко посмеявшись неожиданному сходству, разговаривали как лучшие подруги или сестры. Тогдашний разговор был первым, через неделю встреча повторилась, уже в пустом закрытом кафе. В тот вечер Эльжбета, она же Элис, Бетси или Бетти, как заставлял ее называть себя муж, поняла главное. Сестру – не по рождению, а по судьбе, послало ей само Провидение. А может быть, Бог, веру в которого уже почти утратила. На четвертый раз она решилась. И решилось все остальное.

– Послушай...

– Да?

– Я сейчас спрошу такое, на что ты можешь не отвечать.

– Если так, не спрашивай.

– Почему ты никогда не улыбаешься?

– Может быть, потому что я не американка? Это здесь принято всегда скалить зубы, без всяких причин...

– Ну и что? Я тоже не здесь родилась. Я не это имею в виду.

– По-моему, ты тоже... нечасто.

– Да. И я тебе сейчас расскажу, почему. И не буду от тебя ничего требовать. Соблюдения секрета... Это глупости. Просто скажи, ты одна?

– В кафе? В городе?

– В жизни.

– Да. Я – одна. Совсем одна.

– Понимаю. И в этом ведь кто-то виноват?

– Зачем ты спрашиваешь?

– Теперь точно можешь не отвечать. Тот, кто виноват...

Ты могла бы его... убить?

– Я... У меня не хватит сил. Возможностей. Денег.

– Но ты хочешь? И смогла бы?

– Честно говоря, не знаю... Да, я смогла бы. Смогу. Но это невозможно... Слишком далеко.

– То есть понадобятся деньги.

– Да. Мне таких денег не заработать и за сто лет.

– Деньги есть. Точнее, будут. Возьми меня партнершей в свое кафе.

– У тебя есть? Ты так богата?

– Я – нет. Мой муж. Но пока он жив...

– Ты хочешь его... хочешь убить? И чтобы это сделала я?

– Нет. Убивать не надо.

– Тогда что я должна сделать?

– Расскажи мне о себе. О том, из-за чего ты не улыбаешься.

– Сначала ты.

– Ладно, слушай. Но предупреждаю – будет неприятно.

Противно.

– Ничего. Еще неизвестно, чьим ушам придется терпеть сильнее...

– Я выросла католичкой. Знаешь, что это означает?

– Кто же этого не знает. Христиан много. Православные, католики, сектанты. У вас креститься следует двумя пальцами слева направо, так?

– Матка боска... Ты вообще в церковь ходила? Какая разница, как креститься? Мы, католики верим по-другому. Истинно. Без Бога нет ни нас, ни жизни как таковой... Вижу, ничего ты не понимаешь. Откуда ты родом?

– Из России.

– Я сразу поняла. По выговору. А давай по-русски? В моей семье все на этом языке говорили, я его знаю не хуже польского.

– Давай.

– Кстати, будет особая примета. Если я или ты в разговоре сказали хоть одно русское слово, означает – внимание, опасность!

– Шифр? Как у шпионов?

– Какие шпионы! Просто наш, женский язык... Слушай дальше. Тебе сколько?.. Вот как... Получается, я старшая сестра...

Девочку, родившуюся в Варшаве, назвали Эльжбетой, что означает «Божий обет». Предназначенная творцу. Если бы родилась в семнадцатом, восемнадцатом веке, с таким именем ей надлежало скорее всего пойти в монахини. А в безбожном двадцатом судьба худой, нескладной девчонки сло-

жилась иначе.

От подружек она отличалась неподходящим цветом волос – при ясно-голубых славянских глазах имела абсолютно смоляную густую копну. С появлением девочки на свет возникло и семейное предание. Якобы, впервые увидев черную головку, самая старая в роду прабабка заявила: Бог наказал за давние грехи, показал себя тот подлец! Вскрикнула: «Проклял господь семя твое!» И немедля преставилась.

Однако Элька, вопреки родовому проклятию, не болела, слушалась родителей и хорошо училась. Исправно посещала костел. Коммунистическая идеология, усиленно насаждавшаяся в стране, ко времени ее взросления ослабла и сошла на нет, а Божье влияние – усилилось. Она окончила школу на переломе – в стране, в мировоззрении, в умах, душах. Где было понять незрелому рассудку – крах это или возрождение?

И тут появился ОН. Большой, сильный, умный, красивый. Взрослый, волевой... Наверное, надо не так. Сначала – красивый, а потом все остальное. Она давно замечала его идущим за ней по улице. Давно – по девичьим меркам, а на самом деле месяца два. Провожал издали, но не подходил, не знакомился, а в тот день, после святой Пасхи, взял да и окатил водой прямо на храмовых ступенях. Это значило одно – выбрал ее. По-настоящему, свято. Навеки. У нее глаза будто раскрылись – на него. А на весь остальной мир – закрылись. Оказывается, бывает и такое.

Что ни делал с ней – все принимала, как дар Божий. Терпела. Словесные унижения, побои, потом – откровенный садизм. Начала прозревать только три года назад. Но – поздно.

– Пойми, пан Станислав... мой муж... он оказался не Божьим посланником. Совсем наоборот. Этот человек – сатана в людском обличье!

О том, что он вытворял с ней в супружеской постели, лучше не рассказывать. Стыдно. Первое время она очень хотела детей, он не позволял. Малыши появились, когда пан Стэн стал «Королем». Первым – Влад, Владислав. Чудесный ясноглазый мальчик. Через год – Ханна. Он называл иначе: сына Стас, дочь Джанин. Жена приняла, хотя звала по-своему. Когда пришло время прививок от разных детских болячек, отец воспротивился. Наотрез. Заявил – это дьяволово зелье. Он не позволит богомерзкому шприцу коснуться его детей! И не позволил. А через два года пришла беда. Вспышка распространенной и не очень опасной инфекции.

– Знаешь, от чего умер самый лучший американский президент?

– Его застрелил Освальд?

– Нет, дорогая. Кеннеди вовсе не был хорошим президентом. Об этом когда-нибудь поговорим отдельно. Франклин Рузвельт умер от полиомиелита, как и мой сын, а доченька осталась парализованной. Я в молитвах иногда спрашиваю Его, почему не забрал сразу? За что обрек невинное дитя на долгие муки?

Врачи, поставив диагноз, долго качали головами, узнав, почему дети оказались не привитыми. А у нее впервые зародилась мысль – нет, не так хорош ее муж, совсем нет.

Все мужчины взрослеют, а потом стареют. Понемногу увядают их возможности, в том числе и самые мужские. И к пану Станиславу пришло это неизбежное увядание. К нему, возможно, даже раньше других, потому что слишком спешил износить свое тело, как щеголь треплет единственный приличный костюм.

Почувствовав немочь, каждый поступает по-разному. Он выбрал свой путь. Лекарств не признавал, алкоголь уже не помогал. Стимуляция для него оказалась достижимой через наручники, ошейник и плеть.

– Теперь понимаешь, почему я одеваюсь вот так?

В нью-йоркской теплыни закрытое платье с длинным рукавом и высоким воротом действительно не самый подходящий наряд. На вопросительный взгляд собеседницы Эльжбета молча отвернула рукав, потом обнажила шею.

Подруга слушала, а перед глазами вставало совсем другое. Как легко мужская подлость перелетает моря-океаны! А может быть, она извечно есть повсюду? И стоит только появиться на свет существу под названием мужчина – уже тут как тут. Внедряется, живет в нем и ждет лишь удобного мгновения, чтобы расцвести во всей красе.

– Нет, если бы только это, я бы, наверное, продолжала терпеть. Черт с ним! – Элис перекрестилась.

После первого же приступа его здоровье ухудшилось. И телесное в целом, и в сексуальном смысле. Возможно, сыграли свою роль лекарства. Теперь ему стало мало ошейника, плети. Ассортимент расширялся. Наручники, удавки. И однажды, когда переусердствовал, у него остановилось сердце.

– Захрипел, посинел. Глаза закатились. А я, дура, вызвала помощь. Кое-как освободилась, позвонила. Его спасли.

– Образумился? Стал потише?

– О, нет! Ему поставили прибор. Вшили под кожу электронный кардиостимулятор, последней модели. Обеспечили стабильный ритм сердца на десять лет, а то и больше.

– Ну, так ему же, наверное, надо соблюдать... режим?... покой?

– Ничего подобного. Там, в рекомендациях, так и сказано: придерживайтесь обычного распорядка жизни. Он уточнил, они сказали – в том числе и половой. А у него не получалось. И он нашел еще способ стимуляции. А я... я нашла способ избавиться от этой муки. Но одна я не справлюсь.

– Ты решила его... А как же Бог? Твоя вера?

– Повторяю: нет. Не убивать. Один мой друг, тоже поляк... Нет, не смотри так, у меня с ним нет никаких... отношений. Он... видишь ли, среди мужчин есть те, кто способен понять нас, женщин. Хотя это и богопротивно.

– Гомосексуалисты?

– Да. Настоящие. Те, в ком природа ошиблась, дав им, по сути женщинам, мужской облик и тело. Некоторые меня-

ют пол, а Казимеж... Касс предпочел остаться таким, какой есть. Не буду рассказывать, как мы встретились – слишком долго. Суть не в том.

– А в чем?

– Он – гений по части электроники. И не слепой. Видит, понимает. Сочувствует.

– Не слепой... Он, наверное, работает у твоего мужа?

– Не совсем. Обслуживает компьютерные сети. Ставит программы, отлаживает. И слышал, как Стэн... Станислав хвастался: он теперь считай бессмертный.

– Но этот его кардиостимулятор, это же не бронезилет. От пули не спасет.

– Пуля мне не нужна. Не могу я брать такой грех на душу. Кого угодно, но не мужа. Мы венчаны, понимаешь?

– Нет. Но ты, наверное, права. Так чего добился твой Касс?

– Вот, посмотри. Направишь сюда, – она показала, – На одну минуту. Это надо сделать завтра. Ты умеешь водить машину?

– Конечно! А почему завтра?

– Потому что я больше не могу. Если это повторится еще хоть раз, я не смогу жить. Помоги мне, пожалуйста!

– Хорошо, я помогу. Случилось еще какое-то несчастье? С дочкой?

– Дурацкий все-таки язык этот ваш русский! «Случилось» – как бы само собой... Человек не виноват, так случи-

лось!

– Извини, я не совсем понимаю. Он обидел тебя еще сильнее?

– Видишь ли, у Станислава есть привычка. Раз в месяц играет в покер, с двумя постоянными партнерами. Спортивные ребята, лет по сорок. Сильные, веселые...

Поистине дьявол неистощим в своих ухищрениях. Кажется бы, уже до предела низости дошел избранный им донор души, а рогатый все никак не успокоится. Как это могло взбрести в голову ревностному католику?! Для игры он нашел уединенное местечко – мотель «Седьмая миля». Там они собираются, проводят вечер и ночь. Играют, пьют, нюхают...

– Денег не считают. Виски, кокаин. А после его выхода из госпиталя уже дважды туда брали и меня. Понимаешь?

– Неужели? Он... Не может быть!

– Да, у людей не может. Но он... они – не люди! – это было сказано слитно, не как отрицание человечности, а другому. НЕЛЮДИ.

Страшное слово, точнее, понятие, для слушавшей прозвучало второй раз в жизни. Впервые – из уст бабушки, очень, очень давно. Еще нестарая женщина, узнав о внучкиной беде, тогда потемнела лицом и не произнесла больше ничего.

– А они? Они же видят – это ты? Они незрячие? Или не знают, кто ты ему?

– Они не бывают в его офисе. И у нас дома не были ни

разу. И еще он заставляет меня надевать парик, маску. Как на карнавале...

– Но... Почему ты молчишь? Мы же не в джунглях! Полиция, суд...

– А Ханночка? Он сказал просто: вякнешь, и твоей маленькой курве конец. Она ведь не ходит, ножки не работают. Говорят, надежда есть, но должно пройти несколько лет... И на лечение постоянно нужны деньги. У меня просто не хватает. Своих почти нет, все на нем.

– А тебя... Если он все-таки умрет, тебя не заподозрят?

– Он не умрет. Мне тебя послал сам Бог. Ты христианка?

– Это имеет значение?

– Неважно. Наш Бог милосердный. Ударят по щеке – подставь другую. Терпи, прощай врагам твоим... Но всякому терпению есть предел. И мне Езус велит: отомсти! Стань моей рукой и мечом моим!

– Вот как... А я в Бога не верю. Так легче. Надеешься только на себя.

– Тогда тебе еще проще. Христом Богом прошу. Зверя и убить – не грех! Но, повторяю, никто не умрет. А я за все потом отвечу. За тебя и за себя сторю в огне. И сделаю для тебя все, чтобы... Чтобы ты опять смогла улыбаться. Так можешь?

– Да. А теперь послушай ты...

Глава шестнадцатая

август 2016, Санкт-Петербург

Умению втереться в доверие, подольститься, уговорить поделиться хоть крупинкой информации нигде не учат, сие искусство каждый постигает сам. Борис, исписавший не одну тонну бумаги, дошел на этом поприще до совершенства. Однако, обзвонив с десятков номеров в столице и кое-где еще, был вынужден констатировать: не все так гладко в подлунном мире.

– Алло! Здравствуйте. Вас беспокоит специальный корреспондент санкт-петербургской газеты..., – такое одновременно значительное и туманное начало обычно позволяло добиться некоторого успеха, – В связи с подготовкой материала для печати у нас возникла необходимость поговорить с ... – здесь надо назвать фамилию, имя и отчество потребного лица.

Результат, как правило, не заставлял себя ждать. Ответы, увы, оказались совсем не такими, как хотелось бы.

– Портнова? – уточнил тусклый женский голос, – Семена Михайловича? Его нет.

– А когда будет?

– Никогда, – в подмосковной квартире послышался то ли

вздых, то ли всхлип, – Мой муж умер.

– Как умер? Когда?

– Три месяца назад, – трубку положили.

Борис поднял брови. Вот как... Но перезванивать не стал. Столичный домашний номер не отвечал. В министерстве госимущества трубку сняли сразу.

– Артур Васильевич? Он у нас больше не работает. Нет его.

– Уволился? Почему? Давно?

– Нет, не уволился. Его больше нет. Ах, да, вы же не в Москве... В наших газетах были некрологи. Он умер, весной.

– Разве он болел? Или...

– Нет, никакой болезни у него не было. Он... погиб. Вернее, покончил с собой.

Еще выше поднимать брови – на лбу не осталось места. Пришлось присвистнуть. На очереди был старинный Псков.

– Ферапонтовы здесь больше не живут. Переехали.

– А Вам известен их новый телефон?

– Нет. Уточните в справочной.

– К сожалению, там дали этот. Наверное, съехали недавно?

– В этой справочной правды не найдешь... Уже месяца четыре. В мае.

– Жаль. Мне очень нужно поговорить с Леонидом Викторовичем.

– Тут Вам никакой телефон не поможет. Он умер.

– Умер? А что случилось? Когда?

– Как раз тогда. Говорят, в зубной поликлинике, от аллергии. Во лечат нас, а?

Набрав напоследок киевский номер, Борис выслушал маловразумительное сообщение: «Нумэр абонэнту, що выкль-кається, зминэний». Смысл понятен: ошибочка вышла. Безрезультатные рысканья по сетевым справкам добавили уныния. Связаться с «Гасконцем» пока не получится, но и без того почвы для размышлений оказалось более чем достаточно.

Дюма-старшему было куда как проще сочинять вторую книгу о шпагоносных вояках под названием «Двадцать лет спустя» – он-то своих героев придумывал сам, и сам же отмерял каждому положенный век.

Интересно, как среагировал бы плодовитый тревоугодник на известия, полученные питерским журналистом? Только-только вознамерился собрать отважную четверку для срочной командировки, скажем, в Англию... глядь, а посылать некого! Во всяком случае, ни графа, ни барона, ни аббата на свете нет... Именно так обстояло дело с носителями одноименных кличек из числа бывших однокурсников гиблого парашютиста.

В средневековой Франции, полной войн, чумных эпидемий и дуэлей, мужчины и то не мерли вот так, буквально пачками. Чудеса! Борис в чудеса не верил и отправился пря-

миком в кабинет главного.

– Привет великому Позору! – начальник, судя по игривому тону, был не в духе, – Что нового?

– На пару дней исчезну, с твоего позволения. Надо наведаться в первопрестольную. И окрестности. И Псков. А потом, может, и в Новгород, великий...

– Хорошо, хоть не Нижний... За каким чертом? У тебя, насколько я помню, и тут дел по горло.

– Гриша, ты помнишь, этот парашютист...

– С ним же все ясно. Я еще читать не разучился. И коллеги из ящика уже разжевали. Спору нет, методику он выбрал оригинальную. Не у каждого хватит пороху так исхитриться...

– Погоди... Ты всерьез веришь в самоубийство?

– Верю, не верю... Какая разница. Другой версии нет. И нам там писать не о чем. Или у тебя есть?

– Кое-какие крохи раскопал, пока неконкретно, но...

– Уточнишь?

– Я же говорю, пока ничего конкретного. Хочу покататься, побеседовать. Дай недельку, а?

– Хоть месяц. Но – за свой счет. Если приволочешь статью, все компенсирую. Давай, дерзай.

– Кстати, можно, я тебя перед отъездом озадачу?

– Попробуй.

– У тебя, случаем, в Киеве надежной подвязки не отыщется?

– Есть, как не быть. Миша Панько, в тамошней «Вечерке».

А что?

– Надо бы разыскать одного человечка...

июнь 2016, Одинцово, Подмосковье

Есть правила, а есть исключения из них. Без вторых, как известно, и первых не бывает. Правило без исключений уже вовсе и не правило, а какая-то иная категория – аксиома, скажем. Или догма. Юноша, достигший призывного возраста, должен служить в армии! Это догма? Или аксиома?

Любой добрый молодец, достигший упомянутого возраста, а именно восемнадцати лет, подлежит призыву. Его, сонного, забирают из родительского дома, стригут под «ноль», раздевают догола, потом одевают в неподходящую по размеру, жесткую и колючую гимнастерку, шинель-бушлат, и в строй! В руки – ложку-кружку-котелок, на ремень автомат, на голову каску-пилотку, в самом худшем случае бескозырку. И – служи, сын Отечества. Охраняй рубежи, ползай попластунски, дыши угаром в танке, тягай хвосты самолетам. В бескозырке – болтайся по морю-океану на кораблике или, не приведи господи, на подводной лодке.

О, благословенность правила всех правил! Нет правил без исключений, и это – тоже правило! Или все-таки аксиома? Служат все, кому положено, а положено – не всем. Если кое-что неположенное вовремя положено... Вложено в конверт, в нужную руку – получается: как бы не положено, но...

Как правило, немногочисленный мужской контингент колледжа на Новой Гвардейской, во исключение из обще-

го правила, в армию не призывался. Родители, имевшие достаточно средств для обучения отпрысков в «Гарварде», заблаговременно отмазывали своих чад от тягостной почетной обязанности. Но бывали исключения и из этого счастливого правила.

Семка Портнов, к полному своему разочарованию, так и не смог убедить родителя, желчного отставного майора: ему не просто не хочется – нельзя в армию! Там растеряется его музыкальный и певческий талант, устареют юридические и математические познания. Не помогло. И менее чем через полгода после выпуска из колледжа он вместо студенческой скамьи угодил на казарменную койку.

Служить, к счастью, довелось не в доблестном десанте, танковых или пограничных войсках. Попал в автомобилисты. Может, благодаря привитому с пеленок тем же родителем интересу к технике. Или приобретенному еще в подростках умению ездить на любой машине – от мопеда до «Камаза».

А может, все-таки сказалась своеобразная отцовская проекция... Но попал в автобат, где проявил себя наилучшим образом, к середине службы даже участвовал в своеобразных армейских ралли, катался на специально сконструированных вездеходах, утирая нос натовским воякам с их «Хаммерами». А к концу – подписал контракт на сверхсрочную службу и попал в школу прапорщиков.

До старшего «знаменосца», правда, не дослужился. Влип.

Горючкой и запчастями тогда торговали направо и налево все, кому не лень, и он в том числе. Потом пошли дела покрупнее – сбывали под видом списанных вполне новенькие, еще не обкатанные машины, от «Козликов» до «Уралов», в розницу и оптом.

Когда крупную компанию сослуживцев, а на языке юристов «организованную преступную группу», накрыли, самого молодого участника спасло только чистосердечное признание и хорошо подвешенный язык наряду с такой же хорошей памятью. Настолько виртуозного «пения» со сдачей всех без исключения подельников, от лейтенантов до полковников, армейским дознавателям слышать давненько не доводилось. Солист рассчитывал не на аплодисменты, его вполне устроил условный срок. Не сдал одного генерала, и то лишь по незнанию. Самое удивительное в тривиальной криминальной истории – армейский суд счел: конфисковать у «салаги» нечего, и простоватому на вид пареньку удалось сохранить практически все несправедливо нажитое. Ушлый прапор стремительно женился, и новобрачная через неделю после свадьбы уже имела достаточно средств для начала небольшого авторемонтного бизнеса.

Так состоялось начало. Теперь, по прошествии полутора десятков лет, компания «Порт» располагала сетью заправок, станций техобслуживания и автомоек. Муж владелицы юридически по-прежнему ничем особенным не владел, но всем распоряжался и прекрасно себя чувствовал. При росте метр

семьдесят пять вес имел за сто десять. Пешком не ходил. Водил мастерски, а еще приобрел прямо-таки патологическую законопослушность – пьяным, даже лишь «с душком», за руль не садился. А поскольку принять чуть-чуть любил, частенько оставался ночевать на своей «базе», как называл самую первую и любимую из эстэошных «точек». И иногда не один, а в приятной компании.

С развитием автодела в стране появилось множество рулящих дам, а им наравне с мужским полом требовались ремонтные услуги, со всеми вытекающими. Цену мастер варьировал в зависимости от внешних данных шофера в юбке. Разумеется, принималась к сведению и готовность эту самую юбочку приподнять...

Откровенно говоря, щепетильность в соблюдении правил дорожного движения у Семы появилась одновременно с привычкой ночевать вне дома, поскольку в постели законной, но порядком опостылевшей жены он старался бывать как можно реже.

Будучи классным автодиагностом и ремонтником, хозяин «Порта» в последние годы увлекся еще и процессом окраски. Несведущим может показаться: покрасить машину легко – открыл банку, окунул кисточку или валик, и вперед. Можно взять пульверизатор, с тем же эффектом, то есть ничего хорошего не выйдет – обязательно будут разводы, потеки, шероховатости. Мало-мальски грамотный спец мигом заметит огрехи и догадается: предлагаемое по солидной цене авто –

битое, рихтованное и перекрашенное.

Поэтому Семен подошел к делу серьезно. Приобрел, отладил и усовершенствовал установку, позволяющую добиваться идеального результата при минимуме затрат. Достигнув высшего пилотажа, иногда по спецзаказу не красил помятый и исцарапанный кузов целиком. Безупречно подобрать колер на отдельной детали весьма непросто, а его работу отличить от заводской было не под силу лучшим знатокам. В итоге и на этом поприще Портнов приобрел вполне заслуженный авторитет и популярность.

В тот вечер толстяк ничуть не удивился, когда к воротам «базы» подкатила новенькая «Тойота» редкого пурпурно-серебристого цвета, и выпорхнувшая оттуда пышная белокурая красотка направилась прямо к нему.

– Добрый вечер! Вы – Сема... Простите, Семен Михайлович? Я не ошиблась?

– Здравствуйте. Да, я. Проблемы?

– Мне Вас рекомендовали. Только Вы, больше никто не справится. Спасите!

– Вы что, тонете?

– Хуже. Если он... муж... увидит... узнает... Мне конец!

– Да в чем дело-то?

– Взгляните, и все поймете!

Он взглянул. Да, все понятно. На левой передней двери красовалась переходящая на крыло надпись, выведенная гвоздем, а может, шилом: «Блядь!» Надо закрасить, но не

просто так – требуется точно подобрать тон, чтобы пятно свежей краски не бросилось в глаза. Мужик – не баба. Если замазать абы как, садясь за руль, обязательно глянет на свою «ласточку» и поймет, сделает выводы. Н-да, попала мадам...

– Пожалуйста, помогите мне. Я отблагодарю, обещаю... Деньги, все, что угодно...

– Что угодно, говорите... Тут потребуется часа три, минимум.

– Сделайте, пожалуйста!

– Но уже вечер, а по ночам работать... Одному...

– Я побуду с Вами, если можно. Можно?

– Так, парни, – теперь Сема обращался к двум работагам-ремонтникам, которым до окончания рабочего дня оставалось четверть часа, – На сегодня у вас все. Завтра чтоб без опозданий. Свободны!

– Но, шеф... – «парни» переглянулись. Да, клиенточка хороша! Немудрено, что у хозяина крышу сносит, – Завтра же...

– А, да, пардоньте. До понедельника!

Он сел за руль, с идеальной точностью загнал машину в бокс, остановив в метре от скользящей двери любимого детища – герметичной окрасочно-сушильной камеры. Ее сделал фактически своими руками и очень этим гордился. В ней при необходимости можно перекрасить хоть танк. Ну, пусть не танк, но любую легковушку – легко.

– Ой, а что это у вас? Как красиво! Можно посмотреть? –

блондинка, уютно устроившаяся на диване в «спальном» отделении мастерской, оторвалась от модного журнала, предназначенного специально для таких вот куколок, кокетливо одернула юбку и направилась к нему.

– Да пожалуйста!

– А как это работает?

– Работаю я. Техника только помогает.

– А это пульт? Да?

Клиентка стояла к нему вплотную, он чувствовал легкий аромат духов, глаза и губы были совсем рядом... Сема не удержался, потянулся к ней. Она на мгновение прижалась всем телом, но тут же отпрянула.

– Какой вы... большой... Ну, сделайте сначала, хорошо? – и вдруг посмотрела куда-то ему за спину, – Кто это?

– Где? – Сема тяжеломерно развернулся, всматриваясь в темный угол, где никого и ничего постороннего не было.

Раздался короткий треск, в воздухе запахло озоном. В наступившей тишине глухой шум упавшего тела показался оглушительно громким.

– Где-где... У тебя на бороде!

Поздняя заказчица прошла к воротам, выглянула, плотно закрыла их и задвинула массивный засов. Вернулась к лежащему мужчине, взялась за ноги и быстро, с неожиданной в женском теле силой втащила его в камеру. Чем-то смочив подобранную с пола тряпку, аккуратно накрыла рот и нос несостоявшегося ухажера. Потом надела тонкие перчатки...

«Где я?.. Почему так жарко?.. Компрессор гудит... воняет противно ... Спать хочется... я что, выпил?»

Сознание вернулось первым. А потом и память. Он лежит на кафельном полу камеры. Жарко – потому что идет нагрев. Судя по быстрому росту температуры, максимальный режим. Гудит калорифер. Их четыре, и работают, очевидно, все. Неэкономно! А воняет... И голова кружится, тошнит... Растворитель. Это значит – включена подача краски. Спать, спать...

Мужчине, чтобы стать неузнаваемым, приходится долго гримироваться, а женщине достаточно убрать макияж. Яркая блондинка, поглядывая в автомобильное зеркало, сняла идеально подобранный парик и стала обычной шатенкой. Потом аккуратно отделила накладные ресницы, удалила одну и наложила другую помаду. Вынула силиконовые вкладыши из-под губ. Стерла бородавку, немного портившую линию правой брови. Бесстыдно расстегнувшись и высоко подняв юбку, вынула кое-что из бюстгальтера и корсета – фигуру женщины мужской глаз запоминает даже лучше цвета глаз.

Судя по темпу перевоплощения, смена внешности была ей не в новинку. Журнал бросила в салон. Напоследок достала из ящичка для перчаток аэрозольный баллончик и с расстояния около тридцати сантиметров прошлась струей эмали по царапине, послужившей причиной сеанса лако-красочных работ. Подождав две минуты, потерла свежее пятно ку-

сочком замши. Повторила процесс. Не идеально, но вполне приемлемо.

А мужа у нее и в помине не было, да и машины скоро не будет – оставленная на соседней улице незапертой и с ключом в замке зажигания, она не простоит там и часа. Так было бы в любом пригороде Нью-Йорка, Амстердама, Парижа, Пекина. Почему в Подмосковье должно быть иначе?

Овдоветь надо вовремя. И ей это удалось. С чего вдруг Сема решил так глупо и неожиданно свести счеты с жизнью, его жена, а с сегодняшнего дня вдова Ирина Портнова не понимала. Когда ей сообщили сперва по телефону Родик с Пашкой, а потом и явившийся лично старший лейтенант, представившийся Семеном Михайловичем, она не поверила. Ошибка, ошибка, не может быть! Следовательно, по имени-отчеству полный тезка ушедшего в иной мир мастера покраски, был немногословен.

– Старший лейтенант Автухов. Тело вашего мужа обнаружено сегодня утром в принадлежащем Вам помещении станции техобслуживания без признаков жизни. Признаков насильственного воздействия на теле не обнаружено, – протокольное «масло масляное» служителя закона совершенно не смущало, – Вам следует прибыть в отделение полиции по адресу.... для опознания тела.

Она прибыла. Ее проводили в морг, где «опознала» Сему. По словам полицейских, он пролежал на полу своей люби-

мой «базы» двое с половиной суток. Смерть для себя выбрал страшную. Принял стакан коньяка, половина бутылки осталась на столике у дивана. Зачем в ремонтном боксе диван, ей было известно давно со слов работяг-доносчиков. Включил нагрев камеры, подачу краски, вошел внутрь, задвинул дверь, лег и заснул, чтобы уже не проснуться. Мало того что задохнулся – сварился заживо. С ума сойти!

– А может, его... убили?

– Его смерть выгодна только вам, уважаемая. И то – отчасти. Ведь он формально ничем не владел, кроме автомобиля. «Форд-фокус», я не ошибаюсь?

– Нет, все правильно. Он не хотел... Ну, вы понимаете... В молодости у него были неприятности с законом. Напугался...

– И, на случай, чтоб, если опять попадетсЯ, у него нечего было конфисковать, все записывал на вас. Доверял?

– Да. Доверял, – она с вызовом посмотрела в глаза следователя, – Это запрещено? Мы женаты скоро двадцать лет!

– Если быть точнее, шестнадцать. И Вы старше на три года. А какое-либо еще имущество у него имеется?

– Нет. Все на мне. Он не захотел. Почему – не знаю. Это имеет значение?

– Нет, лично мне это неинтересно. Каждый живет, как ему нравится.

– Мне незачем было убивать Сему. У нас сын. Как ему теперь, без отца?

– Сколько лет парню?

– Шестнадцать. Десятый класс.

– Уже взрослый. Сходите к психологу.

– Это окончательно? Насчет Семы? Что он... сам?

– Если вскрытие покажет что-то необычное, мы сообщим.

– И все-таки... Может, надо проверить... конкурентов, мало ли?

– В помещении не обнаружено ничего постороннего. Отпечатки пальцев – только его и рабочих. Повторяю, если что-то появится, вам сообщат. Тело для погребения сможете забрать, я полагаю, дня через три. У судебно-медицинской экспертизы, как всегда, перегрузка. Вам сообщат.

Павел Юрченко и Родион Свирид, наблюдавшие в пятницу вечером как раз нечто «постороннее», дружно решили никому ничего не говорить. Длинный язык никогда до добра не доводил – как только начинает болтаться, непременно возникают желающие его укоротить. Чем трепаться-щебетать, лучше в тряпочку молчать...

Глава семнадцатая

2009, Нью-Йорк

Томас Эдисон, Никола Тесла, Элиу Томсон... Джордж Вестингауз, а может, просто Леонардо? С кем его будут сравнивать благодарные потомки? Казимеж Гуревич не обидится, если его имя когда-нибудь зазвучит в этом достойном ряду. Не первым, вторым или десятым – хватит и местечка поскромнее.

Слава к нему придет, придет несомненно, и лучше при жизни. Ибо денег, добываемых на тернистой стезе электроники, различного рода коммуникационных сетей и технологий вкупе с хакерством, внедрением и защитой от вирусов, установкой охранных систем и взломом таковых, катастрофически не хватало. И не могло хватить – это известно каждому, ступающему на дорожку, по которой Казик, он же Касс, уверенно шел шестой год. Любой начинающий наркоман обязательно говорит себе: я ненадолго! Еще один разок, и все! Нет у меня никакой зависимости! Ну, хочется, но я же всегда могу отказаться! Голос рассудка так же неизбежно, но, к сожалению, очень тихо возражает: нет, ты здесь навсегда. Не раз, не два – бесконечно! Да, зависимости нет – есть пристрастие. И ты уже не откажешься никогда!

Его путь в бездну начался как у всех, с безобидной травки, просто как дополнения к хорошему алкоголю и табаку. Потом – чуть-чуть кокаина, время от времени, чтобы голова работала яснее и не хотелось спать. Следом – марка-другая кислоты... А вот и он, крэк. И, уже третий месяц, как закономерный итог – героин. Ну, отказывайся! Не-е, потом. Еще разок...

Пока никто не замечал, никто. Ни те, для кого выполнял разовые заказы, ни те, с кем работал постоянно. Даже он, главный человек в его жизни. Хотя он при встрече в их любимом баре взглянул как-то по-особенному пристально:

– Касс, мне кажется или ты последнее время какой-то дерганый? На иглу сел?

Друга удалось убедить – нет, все в порядке, он ошибается. Но точки от уколов никуда не делись. Сегодня не заметил – завтра заметит обязательно. О последствиях думать не хотелось. Касс ведь уже не молоденький, скоро тридцатник.

Весь вчерашний день и всю ночь он работал, доводил до совершенства новую охранную программу. Ни есть, ни пить не мог – не лезло. Уколоться бы, но нечем. Взял понюшку, прилег. В полузабытье сквозь путаницу мыслей в ушах доносился мешающий, зудящий писк. Может, встать, нюхнуть еще немножко? Прогоняя навязчивый звук, натянул на голову одеяло и только тогда понял: в дверь звонят.

– Привет, Касс.

Она, как всегда элегантная, прошла в комнату, брезгливо

оглядела смятую постель, немытую посуду, раскиданные повсюду электронные причиндалы, полную пепельницу перед темным монитором. Он водил глазами вслед за ее взглядом, понимая – впечатление у давней знакомой складывается еще то. Правильное, в общем, впечатление.

– Принесла?

– Да, как договаривались. За аппарат – три тысячи, – гостя бросила на стол пачку банкнот, поморщилась, – Давно не моешься?

– С чего ты взяла? – и Касс с ужасом осознал: она права! В душе не был сегодня точно. А вчера? И вчера... Надо же!

– Чему ты лыбишься, кретин? Или не понимаешь, куда тебя затягивает?!

– Да никуда... Ты думаешь... Брось, все под контролем...

– Под контролем, говоришь... что ж, давай выпьем и решим кое-какие проблемы, – она поставила на стол бутылку.

– Скотч? Ты же знаешь, я виски не пью.

– Разуй глаза! «Равиньян», как ты любишь.

– О... Целую ручки вельможной пани! Наливай, у меня сегодня настрой как раз питейный.

– Куда? Принеси чистые стаканы, ... пан!

Когда он появился с более-менее чистой посудой, Эльжбета сидела в кресле, сбросив на пол груды сваленной там одежды, и снова критически оглядела его с ног до головы.

– Имей в виду, больше я твою наркоту спонсировать не намерена.

– За аппарат... – он, проклиная себя, не смог сдержать ехидный вопрос, – А за эффект? Все же получилось, как ты хотела? Был муж, а стал корзина груш...

– Об этом – после курса лечения. Я уже договорилась, от тебя только и надо – неделю продержаться без тяжелого – героина, кокса. Траву – можно, понемножку, она снова брезгливо сморщила нос, – Сходи хоть зубы почисти, рожу сполосни...

Когда хозяин грязной квартирki вышел в крохотную ванную и послышался шум воды, гостья быстро влила в его арманьяк содержимое маленького флакончика.

– Ну, пани, – Касс поднял свой стакан, звякнул о ее, – За успех! За свободу. И за новую хозяйку королевства!

Он вдохнул волшебный аромат, отпил, покатал по языку приятно обжигающий напиток, проглотил. И увидел, как из ее глаз полились слезы. Не каплями – потекли, как струи дождя по оконному стеклу.

– Эля, ты что? Не плачь, все наладится, ты сильная, со всем справишься! И доченька поправится, вот увидишь! А я... Я буду лечиться, клянусь Девой Марией!..

Через две недели наряд полиции взломал дверь. Соседям показался странным запах, исходивший из закрытой квартиры. А хозяин? Его давненько не видно. Там, за дверью, периодически звонит телефон. Нет, он ни в чем таком не замечен. Тихий, в общем. Нет, женщин не водил. Наоборот, как

бы это сказать....

Офицер понимающе кивнул, принялся и махнул напарнику: «Ну, разом!» После второго совместного напора дверь хрустнула и подалась. В нос ударил тяжелый смрад. Труп сидел, нет, скорее лежал в кресле. На полу у свисающей левой руки – пустой шприц. Причина смерти ни у кого не вызвала сомнений. От чего умирают наркоманы? Разумеется, от передозировки. А этот – еще и «голубой». Так им всем и надо!

август 2016, Москва

Скучая в стерильно-комфортном салоне «Сапсана», несущегося из Петербурга в Москву по рельсам с самолетной скоростью, Борис всю дорогу жалел: послушал Гришу, взял самый «быстрый» билет. Спору нет, сидеть удобно. Наливают. А курить-то нельзя! То ли дело старая добрая «Красная стрела».

– Я не знаю, почему муж решил... уйти из жизни. У него не было причин. В нашей семье все шло хорошо. И на его работе – тоже.

Красивая, ухоженная женщина выглядела никак не старше тридцати, хотя Борис знал: вдова «Арамиса» – ровесница мужа. Стало быть, тридцать девять. Видимых признаков тяжелого горя в ее внешности цепкий репортерский взгляд не отметил. Одетая не для приема либо театра, но подчеркнута аккуратно. Идеально уложенная прическа, легкий макияж, маникюр... Совсем не переживает или умело скрывает?

– Может, он был... нездоров? – репортер недвусмысленно повращал пальцами.

– Вы полагаете, я стала бы рожать детей от психически ненормального?

– У вас?..

– Двое, сын в шестом классе. Дочь на год старше.

– Они восприняли...

– Не надо об этом. Надеюсь, в вашей газете не принято подсаживать тексты детскими слезами?

– А как он относился к алкоголю?

– Артур практически не пил. Мог за бокалом вина просидеть всю новогоднюю ночь, поэтому к нам в гости ходить особенно не любили. Некомпанейский, понимаете? И вообще, здесь, дома причин для его... поступка нет. Разве только на работе. Вам лучше поговорить с моим отцом.

– Готов согласиться, но, подозреваю, журналисту попасть к нему будет непросто.

– Я сейчас позвоню, он найдет для вас несколько минут.

– Молодой человек, сразу предупреждаю: у меня практически нет времени, – солидный седой мужчина в обширном кабинете нажал клавишу селектора, – Рита, ни с кем не соединяй... Спрашивайте по существу.

– Вы по должности курировали работу отдела...

– Да. И фактически делал за моего бестолкового зятя всю его работу. О чем искренне сожалею.

– Боюсь, я не совсем понял...

– Не бойтесь. Я его, дурня, устроил в министерство. Думал, под контролем ему будет легче, а мне – спокойнее. А он, подлец, вон чего натворил!

– Вы считаете самоубийство преступлением?

– Слушайте, Позоров... или как вас там по-настоящему...

– Можно просто Борис.

– Так вот. Ты, я вижу, в полиции не был. И правильно. Я сам расскажу. Этот... зятек мой... умудрился хапнуть.

– Ему дали взятку?

– Именно. Ума не приложу, кому такое могло прийти в голову – он же ничего не решал. Схватил от жадности. Глянул, а бумажки-то фальшивые. Запаниковал, решил – с минуты на минуту за ним придут. И – в окно. Болван.

– Может быть, ему не хватало денег? Законных?

– А кому их хватает? Только братья тоже надо уметь. Учти, это не для печати. А не умеешь – не бери!

– Интересная трактовка, – и Борис, понимая: из заместителя министра больше ничего не выжмешь, отправился поглядеть на окошко, откуда выпал неумелый взяточник.

– Никого не слушайте. Артур Васильевич отлично справлялся с работой! – секретарша покончившего с собой начальника отдела, едва услышав, о чем пойдет речь, рьяно вступилась за покойника.

– А замминистра сказал...

– Ах, оставьте! Он просто очень расстроился из-за зятя. Сами понимаете, ему скоро на пенсию. Год, два... И хотелось вырастить себе преемника. Но тут ничего не вышло. Артур Васильевич слишком порядочный человек... был. И предельно трудолюбивый. По несколько дней в неделю оставался после шести, все старался довести до совершенства.

– Ну а что Вы скажете о деньгах?

– По-моему, это чья-то гнусная провокация! Подсунули, а потом, может, еще и пригрозили. А он слабый, не нашел другого выхода...

Все было понятно. Кроме одного – с какой стати бросаться в пропасть, если даже будучи пойманным за руку, мелкий чиновник вряд ли попал бы за решетку. Разве только на денек-другой. Всесильный тесть вытащил бы. Наорать, обматерить, отпустить затрещину – это старый волчара мог. Но сдать – нет. Дело не в чести мундира и не в родственных чувствах. Зачем ему живое напоминание: «коли зять любит взять, как тут тестю доверять?» Отсюда убрал бы, а после пристроил еще на какое-нибудь теплое местечко. Значит, и вправду болван?

Найти преступника – дело нелегкое. Недаром большая часть всей земной бумаги расходуется на печатание детективных романов пополам с криминальными новостями. Этим же заняты все без исключения телеканалы, интернет-ресурсы и прочая, прочая. Комиссары, инспекторы, следователи и опера всех стран и народов непрерывно днем и ночью ищут, ищут...

Как ни парадоксально, отыскать самого ищущего порой не легче. Подкрепленный звонками из «Коммерсанта» и «Голстушки», Борис отправился в Драгомиловский райотдел, наивно полагая – через полчаса выйдет оттуда свободным и счастливым, а его блокнот распухнет от версий, одна другой

краше и таинственней. Но войти в полицию с пустыми руками оказалось значительно проще, чем выйти оттуда, причем с аналогичной ношей.

Между тем начало не предвещало особых затруднений. За контакты с общественностью в отделе отвечала майор Мария Алексеевна Серебрякова, милостиво разрешившая называть себя Машей. Мило улыбаясь, она как раз полчаса читала Борису лекцию о трудностях, сложностях и особенностях. Не обошла вниманием угрозы и опасности. Когда журналист, теряя терпение, спросил прямо, долго ли еще его будут водить за нос, Маша вздохнула и призналась: нужный человек утром был, а сейчас выехал «на место», и когда будет, неизвестно. Придется подождать.

– Так я пойду погуляю?

– Гуляйте прямо здесь.

– На улице лучше...

– Да пожалуйста. Только потом придется оформлять новый пропуск, а это – уже завтра. Пойдете?

Ожидание оправдывается результатом, но, к сожалению, не в данном конкретном случае – три часа коту под хвост. Ничего нового угрюмый потный следователь заезжему спецкору не сообщил. Стопроцентный суицид. Причина? Мелкого чиновника провоцируют, запугивают, он не выдерживает...

– Ты-то сам веришь в эту ху... чепуху? – поинтересовался Борис.

– Верят в бога, Иисуса, Магомета. Этого, Будду... У меня – вот, результаты осмотра места происшествия, показания, отпечатки... Самоубийство – единственная правдоподобная версия.

– А деньги?

– Какие деньги? А, эти... На складе. То есть в хранилище вещдоков.

– Можно взглянуть?

– Зачем? Ты супер-эксперт?

– Извини, я имел в виду, по ним экспертиза была? На результаты глянуть можно?

– А как же! Вот, заключение: все представленные купюры содержат признаки поддельности... Перечислить?

– Не стоит. А откуда взялись... Нет, где сделаны? Об этом не говорится?

– Нет. Минутку, – капитан набрал номер, – Сергей Сергеевич? – и Борису: – Повезло тебе... Нет, Серый, это я не тебе... Есть секунда? Поговори со спецкором.

Эксперт оказался на месте, но на этом везение кончилось. Фальшивки могли быть изготовлены где угодно. Специалист по «художественным промыслам» уверенно исключил лишь Турцию и Китай. По его словам, там делали лучше. Наиболее вероятны – Чечня, Ближний Восток. Возможно, Финляндия, Польша... Англия? Ни в коем случае. Вообще из остальной Европы – только наши бывшие соратники по соцлагерю. Штаты? Может быть, может быть... А Мексика? Та-

мошних пока не попадалось, но чем черт не шутит...

От прямо-таки полынного разочарования Борису даже расхотелось язвить на тему точности экспертных выводов. Изобилие с таким разбросом хуже, чем ничего. Англо-американский след, значит, практически исключен? Интересно...

Глава восемнадцатая

2010, Нью-Йорк

Джордж Мерфи считал себя вполне уважаемым джентльменом. И был им, во всяком случае в глазах всех соседей по тихой улочке – никто и никогда не смог бы сказать о нем ничего плохого. Когда он, овдовев к пятидесяти годам, вторично женился и привел в фамильный особняк новую жену, это восприняли как должное – мужик же еще молод, крепок, жизнь продолжается.

Вместе с женой появилась и ее двенадцатилетняя дочь. Все шло прекрасно, тихо и достойно. И она вела себя спокойно. Пусть бы попробовала пошуметь – удавил бы. Он ей так и сказал, и маленькая дрянь все прекрасно поняла. И понимала все годы, прожитые вместе с ним и матерью – безропотной, вечно чем-то опечаленной, богобоязненной, болезненной женщиной.

Понимала и молчала. Когда впервые пришел к ней в спальню. Когда его визиты стали чаще. Когда по необходимости, в шестнадцать лет свозил ее к хорошо знакомому молчаливому врачу. И когда возил еще дважды.

А потом она выросла и сбежала. Но к тому времени у отца уже не было в ней такой насущной необходимости.

Узнав о поступлении приемной дочери в учебное заведение, готовившее бортопроводниц для пассажирских авиалиний, он зло посмеялся. Все они там шлюхи, как и она. Туда ей и дорога! Главное – молчит. Это правильно. Чем хвастаться? Да и кто ей поверит?

Мистер Мерфи регулярно посещал премьерные спектакли в Карнеги-холле. Выбирал престижные, по-настоящему знаменитые постановки. Приходилось, конечно, брать с собой эту мышь. Жену. Ну да ладно. Два часа настоящего, ни с чем несравнимого наслаждения, а потом можно три-четыре месяца жить воспоминанием. Еще одно прикосновение к прекрасному.

Жаль, нельзя после театрального вечера, дав супруге валиум, зайти в спальню к малышке Сью, побаловать себя еще и этим. Память, память... И здесь осталась лишь память. В конце концов – что есть наша жизнь, как не череда бесконечных воспоминаний? Ими и живем...

На сегодняшней премьере он, придя как всегда заранее, был слегка раздражен. Места взял посередине ряда, до начала пять минут, а соседей все нет. С его стороны пустое кресло, и рядом с женой та же картина. Соизволили появиться к самому занавесу.

Две дамы, довольно молодые. Обе стройные, темноволосые, коротко стриженные. Внешне похожие. Сестры? А может, лесбиянки? Это поветрие нынче популярно. А почему садятся не вместе? Странно...

Та, чье место справа от него, держала в руках сумочку. Ридикюль. Нечто оригинальное по форме – наподобие сундучка. И усаживаясь, пребольно ткнула его углом этого уродства в бедро.

– О, господи! Нельзя ли поаккуратнее, мээм?! У вас там гвозди?

– Извините, я, право, нечаянно...

Жена, как всегда некстати, всполошилась.

– Джордж? Все в порядке? Нога? Наступили? Очень больно?

– Ничего особенного. Ерунда. Бабы есть бабы!

Спектакль шел, публика реагировала довольно оживленно. Еще бы! Такие артисты на сцене, такие голоса... Миссис Мерфи давно не удивлялась способности мужа, мнящего себя занятым театралом, засыпать посередине представления. Порой он мог даже всхрапнуть. Сегодня Джордж уже в начале первого действия «поплыл» и невежливо привалился к соседке справа. Та, без тени возмущения, аккуратно вернула его в кресло.

В антракте обе соседки четы Мерфи встали и покинули зал. Муж продолжал сидеть неподвижно. И лишь перед началом второго акта «Набукко», когда стали гаснуть огромные люстры, это показалось ей необычным. Почему супруг не сходил выпить традиционный двойной виски? Она осторожно коснулась его плеча. Заглянула в лицо. И поняла: нет, он не спит. Он мертв.

Пронзительный женский вопль никак не соответствовал чопорной атмосфере вечера. Свет в зале включили вновь. Лишней суеты не устраивали. Женщина-администратор вежливо попросила зрителей из половины десятого ряда несколько минут постоять в проходе. Тело выносили в сидячем положении, дабы не создавать ненужной паники.

В этом зале видывали всякое. Публика в основном возрастная, неприятностями со здоровьем никого не удивишь... Второй акт начался с опозданием, антракт продлился вдвое против обычного. Некоторая часть зрителей, к сожалению, ожидать не захотела и ушла. Обстоятельства непредвиденной задержки оказались из серии «форс-мажорных», и администрация любезно согласилась вернуть желающим половину стоимости билетов.

Но среди множества обратившихся за компенсацией ни вдовы Мерфи, ни женщин, сидевших по соседству, не оказалось. Ей было не до того, а им? Кто знает...

Причиной печального инцидента, согласно заключению коронара, стала внезапная остановка сердца на фоне болезни века – распространенного атеросклероза. Что к ней привело? Возраст, нервы, алкоголь, никотин... Мало ли...

сентябрь 2016, Подмосковье

Технический прогресс сам по себе ничего не значит. Какая, скажем, польза австралийскому аборигену с его бумерангом или вооруженному копьём бушмену-африканцу от системы джи-пи-эс навигации? И в амазонских джунглях обычный компас пригодится больше. Ну, а в бетонные заросли большого города без спутникового поводыря лучше не соваться. Особенно после заката.

Остановив выдавший виды «мерс» с шашечками на боку, Борис назвал адрес: «Одинцово, Кольцова, двадцать». В ответ с характерным гортанным выговором прозвучало:

– Адин цова, два цова... Хоть три! А колецов сразу двадцать? Садись, поехали.

– А навигатор не будете включать? – поинтересовался пассажир, углядевший в углу приборной панели модный квадратик.

– Зачем навигатор? У нас с тобой глаза есть, да? У меня на родине, там, конечно...

– Почему? Мне кажется, наоборот, на родине все знакомо.

– Знакомо... Я там тридцать лет не был. Уже горы, наверно, все местами поменялись. Повернешь не туда...

– Ну, не туда повернуть и здесь можно.

– Зачем повернуть? На указатели смотри! Видишь, вон – твой Одинцово... Совсем прямо, двадцать километров, и

будет колецов.

– Колецова.

– Я и говорю...

– А Вы какие горы имеете в виду? Наверно, Арарат?

– Арарат-марарат... Разве других нет? Ты, пока молодой, съезди, посмотри. Потом всю жизнь будут сниться, как мне. Ару посмотри, Хуступ, Ахтасар. На Ишханасар зайди, рыбку скушай... Эх...

– Почему сами не ездите?

– Не могу. Тяжело.

– Денег не хватает?

– Какие деньги? Зачем мне твои деньги? Некуда мне ехать. И не к кому.

– Из-за войны?

– Нет. Спитак – слышал? Хотя где тебе...

– Слышал.

– Меня тогда бабушка заставила в Москву поехать. Отец не хотел. А она как чувствовала – будет беда. Дом упал, и все. Я один остался.

– Там же восстановили?

– Построили, да. А их не построишь... Ну, гляди, где твой Колецов?

Лишь после третьей неудачной попытки интуитивно выехать на нужную улицу Борису удалось уговорить упрямого горца включить-таки спутниковый подсказчик. Некоторое время поругавшись с приятным женским голосом из экран-

чика, шофер свернул еще дважды и резюмировал:

– Вот и все. А ты загрустил уже... Вон твой Кольцова, двадцать. Она говорит, сто метров. Думает, я не вижу – здесь только пятьдесят! Ближе не выйдет – заставили этими джипами...

На третьей сотне шагов по отмеренным опытным шоферским глазом «пятидесяти метрам» журналист вспомнил старинную песенку таксомоторщика: «Еду я, и снова не знаю я, куда приведет, куда, дорога моя...»

Порядком уставший, голодный и злой, он сразу узнал голос открывшей дверь женщины в стеганом атласном халате. Это она сказала по телефону: «Мужа не будет никогда».

Просторная кухня, где приняла позднего гостя «баронесса» Портнова, позволяла в одночасье усадить и накормить добрый десяток едоков.

– Проходите. На кухне удобнее... Хотя я не понимаю, какое дело питерской газете до моего муженька, чтоб его...

– Видите ли...

– Вижу, вижу... Ненавижу!

Тут до него дошло: вдова «Портоса» пьяна. Неряшливая прическа, синюшно-багровый оттенок рыхлого лица и алкогольный душок, пробивающийся сквозь смесь дезодоранта с мятной жвачкой.

– Может, я завтра зайду?

– Нет уж, давайте сразу. Как, говорите, называется ваша сплетница? «Кошмарная ночь»? И сюжеты подбираете под

стать? Тогда угадали. Мой придурок как раз для вас.

– Ирина Петровна, прошу Вас, успокойтесь...

– Да я спокойна. С чего мне нервничать? Подумаешь, муж вместо машины решил сам покраситься... Понадежнее, горячим способом. Скотина! Садись. Куришь?

– Спасибо, у меня свои...

– Выпьешь?

– Нет, благодарю... Я за рулем.

– Ага, ври больше. За рулем он... из Питера. Так я и поверила! Скажи прямо – противно. Так?

– Нет, я...

– Ладно, как хочешь. А я выпью.

Портнова извлекла из холодильника початую водку, налила себе до краев в обыкновенную старорежимную граненую стопку. Нагнула бутылку в его сторону. Борис покачал головой. Она выпила залпом, по-мужицки. Закусывать не стала, проигнорировав кое-как разложенные в блюдах огурцы, сало и хлеб. И подняла на корреспондента неожиданно трезвые глаза.

– Так в чем дело? Давай без сказок. Чай сделать?

– Не надо. Понимаете, меня это... происшествие интересует не само по себе. Случился целый ряд самоубийств бывших однокурсников...

– Да ты что?

Ирина ничего не знала о юношеском прошлом мужа. «Портос»? Менее подходящей клички для этого труса при-

думать невозможно! Нет, никто ему не угрожал. Конкуренты? Вряд ли. Все давно поделено, без проблем. Женщины? Сколько угодно. Кто ревновал? Я ревновала?! Не смейся! Сто лет как отревновала. В тот вечер... У мужа, насколько помнится, не было никаких особенных планов. Не пришел домой? Ха, да он дома реже ночевал, чем на своих «базах»! У кого спросить? Да вон, пожалуйста, Родя с Пашкой. Они у меня и сейчас работают, жопу рвут, стараются. Знают: буду сокращать бизнес – их первыми на хер! Как почему? Не потяну. Ремонт оставляю, краску отдам. С руками оторвут... Эти козлы? Ну, их же менты допрашивали. Они ушли, он остался. И все... Ну да, тогда, в пятницу... Где искать? Первая промзона, прямо у въезда. А, ты ж нездешний. Таксиста спроси, проще всего. С десяти, раньше смысла нет. Не заблудишься, там на крыше «жук» торчит, Сема сам заволок... Заночуешь?.. Ну, как знаешь...»

Выходя из огромной, судя по размеру кухни, квартиры, Борис произвольно глубоко вздохнул. Хотелось прогнать из легких атмосферу запустения, бедственности, царившую в осиротевшей обители. За все время беседы с вдовой признаков чьего-либо еще присутствия он не заметил. И о сыне решил не спрашивать.

Глава девятнадцатая

2010, предместье Нью-Йорка

Звонок в участке раздался в двадцать два шестнадцать. Взволнованная женщина сообщила: стрельба в мотеле «Седьмая миля», двенадцатый номер. Дежурный, приняв информацию, не теряя ни секунды, направил по указанному адресу ближайший патруль. Наряд возглавлял многоопытный сержант, за рулем – его давний напарник, тоже не новичок. Со стрельбой не шутят, и спустя пять минут их «Форд», визжа тормозами, подлетел к месту происшествия.

За стойкой, пялясь в телевизор, сидел сонный мужчина лет двадцати латиноамериканской наружности с наушниками на голове.

– Полиция! Где стреляли? Кто звонил? – сержанту пришлось прокричать вопрос трижды, пока телезритель наконец понял: ребята в форме обращаются именно к нему.

– Стреляли?.. Звонили? – парень явно был либо пьян, либо малость обкурен. Все понятно, от него помощи не дождешься.

– Двенадцатый где?

И, не успела опуститься указавшая путь рука, служители порядка оказались перед дверью с алюминиевой дюжиной на

крашеной филенке. Тренированные полицейские носы ощутили знакомый запах. Пороховая гарь! И пара синхронно извлекла из кобур табельное оружие.

– Откройте! Полиция! – не дожидаясь ответа, сержант покрутил ручку.

Заперто. Но внутри кто-то есть – оттуда послышалось ругательство... Переглянувшись, напарники отступили на шаг и одновременно ударили в область замка коваными ботинками. Хлипкая дверь послушно распахнулась, и взорам ворвавшихся предстало нехорошее.

В помещении оказалось двое мужчин. Один полулежал в кресле в дальнем углу, на его светлой рубашке расплылось красное пятно. Но большего внимания заслуживал другой – этот стоял посреди комнаты и смотрел на свою правую руку. А в ней находился пистолет.

– Бросай пушку! Ложись! На пол! Живо!!!

Убийца, в чем полисмены не сомневались, и не подумал подчиниться. Вместо этого он зачем-то потряс оружие, потом взял его обеими руками и начал поднимать.

В таких случаях медлить нельзя. Револьверы детективов пальнули одновременно. Обе пули попали в цель, мужчина опрокинулся навзничь и задержался в агонии, но пистолет по-прежнему держал в руке. Тогда сержант, шагнув вперед, с силой выбил вороненое железо из цепких пальцев.

Том и Джерри – в штатах имена нарицательные. Но эту па-

рочку так никто не называл – чревато. Джереми Мастерсон и Томас Уилби не любили шуток в свой адрес. Они дружили давно, хотя пересекались не так чтобы часто – у каждого своя семья, свой дом, свой бизнес. Познакомились случайно, за покером, стали партнерами и время от времени совместно проводили уик-энды. Оба примерно одного роста и возраста, типичные успешные американцы – мускулистые, подтянутые, хотя спортом как таковым занимался только Том, и то в далеком прошлом, пока не порвал связки. Джерри, окончив университет, вскоре облысел. А Том, напротив, до сих пор мог похвастать роскошной шевелюрой. Именно Том познакомил приятеля с толстым старым поляком. Тогда шла неплохая партия, они оба оказались с изрядным барышом, выпили. Так появился пан Стэн.

Джереми не воспринял жирного зазнайку всерьез, но Том дал знак: не спешит. Выяснилось – выходец из Европы не прочь поиграть, денег не считает, охотно раскошеливается на выпивку... подходит, в общем. Его взяли в компанию. Польский магнат не скупился, а они с удовольствием пользовались.

Собирались, играли, пили, понемножку нюхали. Не отказывались и кое от чего еще. Если предлагают девочек – зачем отнекиваться? Пару раз возникала интересная особа, о ней друзья даже поспорили. Том говорил – нет, не профессионалка, Джерри возражал: корчит недотрогу, а сама оч-чень даже ничего, хотя и не юна. В том и смак, мой друг... И вдруг

чередa наслаждений прервалась. Старик надорвался, попал в больницу. Подробностей они не знали, а по информации прессы с паном произошел инсульт. Жаль! Встречаться стали реже, веселья поубавилось... Платить-то приходилось самим.

Поэтому звонок из панского офиса восприняли с объяснимым энтузиазмом. Приятный женский голос сообщил: король Станислав успешно преодолевает недуг, пришел в сознание и помнит о друзьях-товарищах. И в ознаменование его грядущего возвращения приглашает парочку отпраздновать сие событие в том самом мотеле, в том самом номере, с тем самым угощением. Но пока без него. В ближайший уик-энд им удобно? О да, отвечали Том и Джерри. И пятничным вечером, как сговорившись, одновременно подкатили к «Седьмой миле».

В «дюжине» их встретили накрытый для игры и выпивки стол и кое-что еще. Точнее, кое-кто. Приятели были очень, очень приятно удивлены, когда им открыли дверь две очаровательные особы в одинаковых полупрозрачных фартучках поверх коротких юбок. Вид за шифоном впечатлял. Из прочей одежды на красотках присутствовали украшенные блестящей мишурой бумажные маски-очки, на одной белые, на другой – черные.

Обращала на себя внимание и еще одна разница. В черных очках была белокожая, уже знакомая женщина. Та самая, о которой шел спор. А в белых... Изумительный колер ее кожи

напоминал крепко заваренный кофе с молоком. Том едва не застонал от вожделения и подергал казавшегося на его фоне старшим партнера за рукав:

– Папа!.. Папочка! Хочу шоколадку...

– О'кей, сынок, – принял подачу Джерри, – Тогда я начну с молочка, а потом поменяемся.

Мужчин всего мира роднит одно: никто из них ни при каких обстоятельствах не откажется от халявной выпивки, особенно в ситуации, предвещающей дармовое угощение еще и дамскими прелестями. Том, не откладывая в долгий ящик, по-хозяйски расположился за столом, взял неоткрытую бутылку, оценил. Старый добрый двенадцатилетний «Баннистер». Налил себе, приятелю. Оба успели сделать по глотку.

В креслах храпели «партнеры». Женщины аккуратно убрали из номера следы своего пребывания. Потом мулатка рукой в резиновой перчатке достала из сумочки «кольт» с глушителем, с ненавистью взглянула на откинувшегося пышноволового «сыночка».

– Шоколадку тебе, скотина? Получай! – и дважды выстрелила ему в грудь.

Глушитель отвинтили, рукоятку пистолета и правую ладонь невредимого «папочки» смазали сиропом с лежавших в блюде на столе пончиков. Не забыли и немножко моментального клея. Сироп слегка подсох, пистолет вложили в безвольную кисть и плотно сжали пальцы. Хотел бы бросить, а

не выйдет!.. Оставалось позвонить в полицию и ввести лысому антидот...

За своевременные и правильные действия, приведшие к ликвидации опасного преступника, оба участника патруля были представлены к наградам. Примчавшиеся криминалисты все осмотрели, изучили и пришли к выводу: картина ясна. Двое собрались поиграть, выпили, нюхнули. Один сжульничал, второй засек. Он, по всей видимости, как раз угощался пончиком. Схватил пистолет... Остальное – в полицейском рапорте.

сентябрь 2016, Одинцово

Облупленный кран загудел, завибрировал. Стих. Вместо ожидаемой холодной струи чуть капнуло, а потом потянулось нечто кисельно-студенистое. В полной тишине на трубе надулся приличных размеров растянутый шар. Звонко чмокнув, образование шлепнулось в раковину, покаталось туда-сюда и вдруг произнесло:

– Йййооаеииидыддлльпшшсмок!

– Здравствуйте! – машинально ответил Борис, – Как дела?

– Ну вот, – удовлетворенно и вполне по-русски произнесло существо?... вещество?... словом, нечто или некто, усаживаясь поудобнее. Во всяком случае, приваливаясь округлым боком к краю фаянсовой чаши, – В кои-то веки можно поговорить по-человечески!

– А вы откуда? Или надо по-современному, сразу на «ты»?

– На «ты»... А еще с высшим... Отдельное «Я» для нашего сообщества неопределимо, – фразы и слова то и дело прерывались бульканьем и всплесками, звучали глухо, как из-под воды, – Наконец повезло, собрались... Существоем. А то все больше поврозь. Чуть зазеваемся – мигом через сито, винтами всякими. С Архимеда еще.

Вопреки всем образовательным табу из лабиринта извилин выглянуло детство: «Чудеса! Есть чудеса на белом свете... Три желания, и немедленно!»

– Ну, давай первое, – предсказуемо-недовольно прошлепал слизистый.

– Так это... получается, можно молча? – и, пока разум пытался воспользоваться счастливой оказией, в мозгу стихийно сформировалось глубинно-мужское: «А как насчет пузыря водки?»

– И ты, Брут... – булькнуло из раковины, – На!

Обернувшись, ошеломленный репортер увидел на прикроватной тумбочке прозрачную колышущуюся округлость никак не менее литра объемом с винтовым горлышком и недвусмысленной этикеткой «Столичная».

– Ни хрена себе! – от резкого разворота в глазах поплыло.

Борис попытался устоять, схватился за умывальник, задев призрачного гостя. Тот съехал к стоку и со стоном исчез.

«Толкователей снов пруд пруди. Где б найти толкователя бреда?» Риторический вопрос спросонья адресовался комковатой гостиничной подушке. Никакой выпивки на тумбочке, естественно, не наблюдалось. Тем не менее в ушах плескалось, хлюпало...

Окончательно придя в себя, невыспавшийся искатель сенсаций сообразил: источник безобразия – в прохудившемся туалетном бачке. Накануне перед сном он, сняв крышку, безуспешно попытался устранить течь, а под утро потревоженный агрегат жестоко отомстил.

В дворницкой нерадивости можно найти нечто положительное, даже красивое. Приятно шагать по усыпанной

первой желтой листвою улочке... Озираясь в поисках такси, Шацкий-Позоров под впечатлением рассветного видения твердо решил внести соответствующее рацпредложение главному редактору. Отдел оккультизма существует, а спрос на штатного ведуна будет, будет обязательно. Первый клиент – вот, собственной персоной!

С учетом столичного урока, в Подмосковье начинать следовало с райотдела, а то и здесь следователь сбежит, снова жди-дожди. Подождать все-таки пришлось, ибо тезка здешнего покойника на работу не спешил. Появившись на полчаса позже должных восьми ноль-ноль, мужчина с серьезно-озабоченным казенным лицом при виде корреспондента радости не выказал.

– Специальный? Из Санкт-Петербурга? Удостоверение позвольте...

Внимательнейшим образом изучив Борину картонку, районный сыщик тяжело вздохнул.

– Не понимаю. Ежели по каждому самогубному случаю спецкоров посылать, это ж сколько денег зазря...

– Простите, Семен Михайлович, мне кажется, обсуждение редакционного бюджета как-то не вписывается в нашу с вами компетенцию, – ссориться с досужим следчим не хотелось, но и желания тратить время на пустые разглагольствования у Бориса тоже не было, – Если Вас не затруднит...

– Не затруднит. Я хорошо помню это дело. Явный суицид.

– Но способ...

– Слушайте... способ как способ. Несколько необычно, да. Пуля, петля обывателю ближе. Наш решил в термокамере... Да, причудливо. А с другой стороны – лишать себя жизни, по-моему, для человека вообще нетипично.

– Предсмертной записки не было?

– Нет. Так ее в половине самоубийств не бывает.

– И никаких посторонних следов?

– Как раз этого добра сколько угодно. Поймите, это же эстэ-о! Там каждый день по три десятка машин оборачивается, с владельцами вместе.

– А как он умудрился сам включить эту... как вы сказали, «термокамеру»?

– Тут вопросов нет. Автоматика... На пульте управления его отпечатки. И на бутылке с остатками коньяка, кстати, тоже. И на стакане. Все понятно. Сам, сам, лично я несколько не сомневаюсь.

– Может быть, конкуренты в бизнесе? «Крыша»?

– Относительно конкуренции – здесь никто не заинтересован. Он, Портнов, такие дела у нас начинал первым, никому на хвост не наступал. С местными братками проблем не имел. И потом, если бы кто-то его... того, уж будьте спокойны – заказчик давно бы засветился. А нашей вдовушке приходится самой искать, кому пристроить хлопотное дельце.

– Может, она сама... того?

– Вы ее видели? То-то. Я тоже. Не тянет на леди Макбет-Измайлову... Да и уезд у нас не Мценский. И алиби со

счетов не спишешь. Она тот день и вечер провела в Москве. Подтверждено.

– Он же работал не один? Свидетели... то есть его рабочие, должны были заметить... ну, настроение, предрасположенность?

– Конечно, мы допросили помощников. В поведении жертвы ничего необычного, по их словам, не было. Скрыл, значит. Оба в один голос говорят: ровно в шесть ушли, а он остался. Один. Они оттуда подались в баню. Там подтвердили – мылись-парились примерно с шести двадцати до полдевятого. Соответствует. Еще вопросы?

Вопросов больше не было.

сентябрь 2016, Одинцово

Водруженный на крышу кирпичного, с двухэтажный дом, «бокса» ярко-красный кузов средневекового «фольксвагена» был заметен издалека. На подходе Борис посетовал: рановато. Без четверти десять.

Сквозь открытые, однакоже, ворота доносился прерывистый визг фрезы – стало быть, прилежные ремонтники на месте. Оказалось, усердствовал всего один. Невысокий щуплый сутуловатый мужичонка в замасленной спецовке вопрошительно обратил к визитеру блеклые глаза. А при виде красной обложки редакционного пропуска в них метнулся откровенный испуг. Есть! Вот оно, слабое звено. В атаку, рыцари пера! Быстрота и натиск!

Стремительно зажав в угол опознанного по вдовьему описанию тщедушного Родю, Борис воспользовался суворовским заветом.

– Ты Свирид? Родя... Родион Гаврилович? Не отворачиваться! В глаза!

– Я...

– Почему соврал? Ты был с хозяином в вечер убийства?

– Я не... Убийства?! Мы ушли...

– Кто? Кто приходил тогда?! Женщина? Брюнетка? Худенькая?

– Какая? Почему брюнетка? Наоборот... Полненькая... Я

ничего... Она...

– Не смей отворачиваться! Правду и ничего, кроме правды! Она осталась с Семеном одна? Блондинка? Ну? – репортер крепко держал готового расплакаться слабака за брезентовый рукав, а где-то вдалеке уже слышались победные фанфары.

Ах, как жаль! Чуть-чуть бы еще... Из глубины помещения донесся бурный шум унитазного слива, и диалог прервался.

– Э-э, ты че?! Какого?! А ну!.. – между дрожащей жертвой и агрессором возникла мощная квадратная фигура, – Проблемы? Где тачка?

– Паша, это корреспондент...

– Чего?!

Борис едва успел спасти драгоценное удостоверение от стремительного хвата мазутно-черной пятерни.

– А менты в курсе?

– Я из Санкт-Петербурга. Газета...

– Да хоть из Парижжа, блин! Мы следакам все рассказали, у них вопросов нет. Вызовут, если надо. Вали, корреспондент, отсюда, пока капот не отрихтовали!

Отодвигая Борю к дверям, шумно и ароматно дышащий Паша мимоходом прихватил с верстака массивный инструмент, и конструктивного продолжения беседы не последовало. Поле брани осталось за супостатом. Фанфары смолкли.

Глава двадцатая

сентябрь 2016, Псков

Стоматологическая поликлиника – учреждение особенное, идти туда по своей воле не хочется никому. Если уж припрет – тогда, конечно... Поэтому Борис ощутил жалость к унылым посетителям, молча ожидавшим на стульях вдоль стен пропахшего специфическими ароматами коридора, и некоторый мандраж. Как будто ему самому предстояло сесть в клеенчатое кресло, зажмуриться, широко раскрыть рот и терпеть, терпеть под противное зудение бормашины и неискрынные уговоры: «Ну, это же не больно... чуть-чуть... еще немножко, и все...»

– Теодор Исаакович? Можно к Вам?

– Да, заходите. Вам назначено? По записи у меня на сегодня прием окончен.

– Нет, я не на прием. Вот мое удостоверение... – при этом слове розовый толстячок заметно вздрогнул, – Я не из полиции.

– А откуда? Чем обязан?

Понадобилось пять минут объяснений, чтобы стоматолог унял дрожь в пальцах и голосе. Борис предложил побеседовать на нейтральной территории, и они, устроившись на ска-

мейке в ближайшем сквере, немного посидели молча. Журналист угостил нервного доктора сигаретой.

– Вообще-то я не курю... почти, шестой год. Но после того случая...

– По-моему, успокаивает.

– Успокаивает... Ерунда! Давайте лучше вот, – из врачебного портфеля возникла плоская фляжка, – По глотку коньяка. Действительно помогает.

Отказывать в подобных случаях не принято. Борис пригубил.

– Нет, вы не думайте, у меня это не система. Так вы аж из Питера прикатили? Интересно... Ну, слушайте. Спрашивать будете потом. Так сказать, исповедь убийцы в белом халате. Вам приходилось слышать утверждение, шуточное, разумеется: медицина – по точности вторая наука? После богословия... Я с этим категорически не согласен. В отношении всяких инфекций, вирусов, дел сердечных и мозговых – может быть. Но никак не в моей специальности. Уж поверьте, за три десятка лет навидался всякого. Тогда в Союзе, и то умели многое. А сейчас я могу с абсолютной точностью сказать, как следует поступать в том или ином случае, какая нужна методика, материалы и тому подобное. Касательно зубов. Зубы на этом съел, извините за каламбур. А какие сейчас анестетики! Вот если я вам сейчас, к примеру, уколою...

– Не надо!

– Нет, я в переносном смысле. Ульттракаин форте – су-

пер-препарат. Действие почти мгновенное, длительность более часа... Мечта! И надо же было такому случиться... До сих пор не верится! Так не бывает, не могло быть! Но случилось. И именно со мной. Ужас.

– Разве аллергия – такая уж редкость? Я читал...

– Засуньте эти книжки знаете куда? – зубной дока снова достал фляжку, покачал, убрал назад, – Читать надо умеючи... Конечно, не редкость. Не в редкости дело. Слушайте сюда. Меня потом вызывали, спрашивали... Я их сам спросил: вот вы там, спецы посмертные, уверены в аллергии? А я – не уверен! Почему тогда эта реакция проявилась не сразу, а только на третий день? А?! Они говорят – атипично... Им-то виднее, ага... Если бы типично, я не на этой лавочке сидел бы, а совсем даже на другой, пожестче... Или на корточках, под дверью поликлиники, на скрипочке пиликал.

– Вы играете на скрипке?

– Молодой человек! Посмотрите на меня внимательно. Я похож на музыканта?

– Ну, вам бы фрак...

– И консерваторию в анамнезе? Нет, папа с мамой и не пытались ничего такого от меня добиться. Не умею. И не хочу, поверьте на слово.

– А если не аллергия? Что тогда?

– Да черт его знает! Может, какое окисление произошло...

– Окисление? Почему?

– Нет, это я так, не слушайте. Сам виноват, только я. Теперь всегда, каждый раз при обезболивании перед уколом делаю пробу. Микрограммчик на губе подслизисто введу, жду пять минут. Понимаю – глупо, а ничего поделать не могу. Как вспомню... И, между прочим, у одной дамы обнаружилось...

– То же самое? Шок?

– Типун вам на язык! Извините... Покраснело, вздулось. Отправил к аллергологу. Благодарила потом...

Журналист по примеру кающегося «убийцы» повертел в пальцах сигарету, сунул в пачку. Решил зайти с другой стороны.

– Тогда, с Ферапонтовым этим, – (доктора снова передернуло), – Было же вскрытие, исследование...

– Само собой. Все было, как надо. Подтвердили – аллергия, шок. Моей вины нет. Так и напишите.

– Спасибо. Так и напишу.

Если напишу, мысленно добавил Борис, садясь за руль. Писать-то пока нечего. Нечего, будь оно все проклято!

2014, Атлантика, сто миль северо-восточнее острова Антигуа

На круизном лайнере хорошо. Чтобы получить максимум удовольствия и комфорта за достаточно короткий срок, совсем не обязательно выбирать самый большой и новый из двух с лишним сотен шикарных красавцев, бороздящих все моря и океаны, за исключением Северного ледовитого. И каюта может быть без балкона, даже без окна. Внутренние не менее комфортабельны, огромный видеозэкран вполне заменит иллюминатор – они все равно не открываются, глотка свежего морского воздуха оттуда не дождешься. А баров с ресторанами хватает на всех палубах.

Крупный мужчина, сидящий у стойки одного из заведений на корме «Мелодии морей», прислушался к своим ощущениям. На сегодня, пожалуй, достаточно. А женщина, устроившаяся за столиком неподалеку, с пониманием взглянула на его допитый стакан и чуть заметно кивнула, указав глазами на дверь. Так-так. Кажется, вечер обещает продолжиться еще интереснее... Он встал и, стараясь не шататься, направился к выходу на пустынную в полночный час палубу.

В предпоследний круизный вечер публика заполнила концертные залы, где предлагались на выбор огненно-змеиное шоу и конкурс «Мисс и Мистер Круиз». В барах остались немногочисленные стойкие поклонники Бахуса. Краем гла-

за увидел – она оставила свою выпивку и идет вслед. Отлично! Подойдя к остекленному борту, подвыпивший пассажир оглянулся. Соседка приблизилась, взглянула в глаза.

– Ты в какой каюте?

– Инсайд, – он, боясь разочаровать явно клюнувшую дамочку, добавил, – Зато совсем рядом, и...

– Нет-нет, пойдем ко мне. Моя с балконом, старичок расщедрился...

Впустив его, женщина вошла следом и направилась прямо к роскошной широченной кровати.

– Закуришь? – ее рука легла на сумочку, будто собираясь ее открыть.

– Давай.

Но угостили его не сигаретой. От резкого и точного удара под ложечку дыхание перехватило. И все же не даром он многие годы тренировал подростков в зале бокса, а заодно поддерживал форму сам. Скрытый салом брюшной пресс сработал автоматически, сознания пьяный донжуан не потерял. Вместо этого внезапно протрезвел, отступил на шаг и принял стойку, готовясь достойно наказать обидчицу. Ах, тварь!

Но вмешалась появившаяся за спиной другая дама, такая же стройная и внешне очень похожая на хозяйку каюты. Видя: нокаут не состоялся, она без затей воспользовалась электрошокером, стилизованным под длинный фонарик. После разряда стало ясно – хотя боксерские навыки против миллиона вольт бессильны, масса и здесь сыграла на руку здо-

ровяку. Он все еще стоял, тряся головой и хрипло рыча. Тогда вторая, привстав на цыпочки и не по-спортивному широко размахнувшись, что было силы шарахнула его шоке-ром по темечку. И для верности повторила удар. Громозд-кий «шкаф» обрушился на кровать. Соучастницы перегля-нулись, одновременно покачав головами. Упав он на пол, грохот мог привлечь чье-либо внимание. Повезло.

Неожиданная жизнестойкость верзилы вызвала необходи-мость подстраховки, и дамы, не теряя времени, для верно-сти крепко скрутили толстые запястья поверженного его соб-ственным ремнем. Очистив карманы незадачливого ухаже-ра, женщины выволокли массивное тело на балкон, убеди-лись в отсутствии нежелательных зрителей по соседству и ак-куратно перевалили через борт. Балконы пустовали по слу-чаю шоу и ветреной погоды, мига падения не видел никто. И шума никто не услышал – ведь на лайнере не стихает музыка, а в открытом море всегда так романтично плещут волны... Исковерканный после нештатного применения электропри-бор отправился вслед.

Оказавшись в воде, он мгновенно пришел в сознание. Не будь руки связаны, еще поборолся бы, но... Больше всего на свете хотелось вдохнуть. Воздуха, воздуха! Один глоточек! За неимением воздуха в горло попала горько-соленая мор-ская влага, и одним туристом на свете стало меньше. В оке-ане есть кому быстро позаботиться о человеке за бортом – акулы, кальмары, птицы...

Стюард, приписанный к каюте ночного гуляки, утром обнаружил на двери табличку «не беспокоить» и отложил уборку помещения. А на следующий день судно вернулось в Майами – начальный и конечный пункт маршрута. Круизную ключ-карту утопленника в обмен на водительские права сдала старшему стюарду красивая молодая дама.

– А где сам мистер?.. – ненавязчиво поинтересовался контролер.

– Он отдыхает, – томно улыбнулась мадам, – Позвать?

– Главное, не забудьте этот чемодан в каюте! – как ему казалось, удачно пошутил моряк, возвращая документ.

Пассажиры покинули корабль, персонал занялся наведением порядка, запретительной таблички на двери уже не было. Стюард, войдя, обнаружил обычную картину – смятую постель, грязь в ванной, забытый несвежий носок у шкафа... Об остальных вещах пьяницы-утопленника позаботились те же, кто отправил его на корм рыбам. На борту никого из туристов не осталось. Жалоб не поступило, повреждений не обнаружилось...

В свою холостяцкую квартиру мужчина не вернулся. Немногочисленные приятели решили – просто уехал. Он не отличался общительностью, бывал груб и несдержан. О бывшей жене никто не знал ничего определенного. Судя по его рассказам – редкая стерва, изменявшая на каждом шагу. Змея, как и все рыжие. Воспитывал как мог, говорил он, демонстрируя пудовые кулачищи, пока не надоело. Может, еще

встречу как-нибудь, сверну шею. Давно бы надо, вот развод помешал. Собутельники слушали, завидовали: да он может. Силен.

Некоторое время о нем вспоминали воспитанники – мальчишки, занимавшиеся в зале бокса, где пропавший турист вел их к чемпионским высотам. Его сменил другой тренер, придерживавшийся иной методики. Он не показывал хитрых и жестоких приемов, не говорил: «На ринге, если подвернется случай, надо убить, но победить!» Новый наставник склонялся к джентльменским подходам – побеждать, мол, надо честно. А это не всегда нравится молодежи.

сентябрь 2016, Санкт-Петербург

Как обычно безуспешно попытавшись выклянчить у начальства аванс, Борис собирался в путь-дорогу за свой счет. Предстояло посетить мать городов русских. Сборы скрашивал воспоминаниями о давних спорах отца-коммуниста с беспартийной бабкой.

Меткие выражения, фразы и определения, относящиеся к так называемой народной мудрости, по старинке полагается искать в пословицах-поговорках. Годятся мемуары великих деятелей и мыслителей, помогает и интернет. Шацкий при необходимости обращался по большей части к собственной памяти, а именно – тем уголкам, где хранились впечатления от общения с бабушкой.

Ему частенько доводилось коротать время в пути и, само собой, опаздывать на самые разные виды транспорта. Поэтому век живи – век учись: лучше прийти на вокзал за полчаса до прибытия поезда, чем на полминуты после его отправления. Как-то он, мальчуган-первоклассник, по поручению отца спросил у прародительницы: «Бабушка, а зачем нам на вокзал к пол-второму? Отправление же в три?» И услышал: «Поезда полагается ждать, а не догонять. Мне уже не к лицу бегать по шпалам с чемоданами наперевес. И ладно бы бегать, так я же его все равно не догоню!»

Еще один запомнившийся разговор шел в поезде, следо-

вавшем от топко-мшистых невских берегов через бесплодные северные перелески и скудные болотистые белорусские равнины. На третьи сутки за вагонным окном засияло щедрое солнце, потекли бесконечные изобильные черноземы всесоюзной житницы. Завершение вояжа семейства планировалось во всесоюзной же здравнице, на берегу благословенного Черного моря.

Тогда, помнится, бабушка категорически не приняла убежденность сына: все прекрасно! Партия всегда права, учение Ленина непобедимо, поскольку оно верно. Коллективное руководство... и так далее. А она с грустью наблюдала смену пейзажей: «Жаль, ах как жаль. Порвут на куски, разграбят, распродадут!» Маленький Борька даже расстроился за компанию, хотя и не понял причины тоски.

Отцу с его неутомимым оптимизмом хотелось верить больше. Тот, отчасти под воздействием отпускной свободы, отчасти – кое-каких напитков, рьяно напирал на незыблемость устоев социализма, в том числе в национальном вопросе. Отсталая женщина поясняла партийному сыночку: «Царь был прав. Губернии, края, провинции, области – назовите как угодно. Но – никакого национального окраса! А эти, недоучившиеся юристы-семинаристы, нарезали бывшую империю на «республики». Пока при власти дурачки вроде тебя, продержится. Но, помяни мое слово, как только дряхлеющая партия (при этих словах отец непроизвольно оглянулся) окончательно развалится, вслед сразу развалят и страну».

Возражения типа: «Каждая нация имеет право на самоопределение, но наш великий союз навсегда, ибо вместе мы – сила!» она парировала примером: «Представь себе Германию. Представил? А теперь прикинь: саксонцы, вюртембержцы, вестфальцы, баварцы и прочие... сколько их там? Все захотели самостоятельности. И получили. Где будет эта ваша неметчина со всеми немцами? Не знаешь? Я тебе скажу по секрету: в жопе!» Финальное слово накрепко засело в детской памяти и всплывало в самые неожиданные моменты, вызывая дурацкую улыбку во время серьезных политических дискуссий.

Сегодня репортер, укладывая сменную рубашку, трусы и носки, по-новому осмыслил старушкину грусть. Казалось бы, езды всего ничего, а придется, как союзникам в далекую войну, использовать «аэродром подскока». Это – лишний день, а то и сутки. Поезда вообще нет... И в самостоятельную иначе как через незалежную – не попасть.

Глава двадцать первая

2015, штат Мичиган

Профессор обожал свой охотничий домик, выстроенный в классическом адирондакском стиле. Чистое смолистое дерево, чистый воздух, чистая озерная вода. Чистые мысли, чистая еда, чистые простыни. Здесь не хотелось думать ни о чем, ничто не смущало и не отвлекало. Жаль, пока нельзя остаться здесь навсегда, приходится возвращаться, проводить долгую неделю в трудах и общении с набившими оскомину людьми. Ничего, уже скоро. Не зря все заработанное, добытое, отвоеванное вложено сюда, в эти первозданные бревна, плахи пола и крыши. Ограда, грамотно оформленный участок своей, только своей земли. Прочная, надежная дверь, камин с идеальной тягой...

Через год, не позже, будет завершен и наконец опубликован главный труд жизни. Двухтомная монография. Тема несколько не вяжется с его основной специальностью: «Бытовое насилие как гарантия семейного взаимопонимания. Случайности и закономерности. От казуса к необходимости». Здесь, в просторном каминном зале, он будет праздновать долгожданный триумф – принимать журналистов, восторженных поклонников. И поклонниц, разумеется. Ответе

чать на критику, вести дискуссии и устраивать демонстрации. Перспективы вдохновляли.

Он приехал, как всегда не торопясь развел огонь, дождал яркого, ровного пламени и только потом уселся в любимое кресло, тоже сделанное из массивного дерева, на совесть. Укрыл ноги пледом, налил виски, отпил. Ему пятьдесят, напиток десять, дому пять. Приятная кратность. Хорошо!

И тут в дверь постучали. Кого там черт принес?! Ближайшие соседи за шесть миль... Сухощавый, подтянутый мужчина нехотя поднялся, подошел к двери, глянул в узкое, как бойница, окошко. На крыльце, переминаясь с ноги на ногу, тряслась от холода молодая женщина.

– Чего надо? – не собираясь изображать джентльмена, поинтересовался хозяин.

– Откройте, пожалуйста... Я прошу извинить, я очень виновата, но так уж случилось...

– Случилось? С кем?

– Я, право, нечаянно... Машину занесло, а ваша стоит на дороге... Повреждения небольшие, я все оплачу...

– Что-о?! Какие повреждения? Вы задели мою машину? – он, вне себя от ярости, распахнул дверь и выскочил наружу.

В подобной ситуации человек, теряющий голову, беззащитен. Мгновение спустя его, потерявшего и сознание, внесли обратно в дом уже две женщины. Аккуратно поместили в кресло у камина, к лицу поднесли пахнувший хлороформом

платок. Потом нос и рот плотно закрыла маска.

Потребовалось несколько минут, чтобы кровь мужчины насытилась окисью углерода из небольшого баллона. Иначе этот газ называется угарным. Женщины убедились: дыхание и сердцебиение прекратились. Убрали маску и баллон в прочную сумку. Придав телу в кресле естественную позу спящего, прикрыли вьюшку, позволив дыму понемногу проникать в помещение. И ушли.

Неповрежденная машина профессора простояла на своем месте четверо суток. Она никому не мешала. Оснований для беспокойства ни за нее, ни за ее хозяина у изредка проезжавших поблизости здешних жителей не возникало.

В Мичиганском университете, где он руководил факультетом, хватились во вторник. В понедельник студенты, не обнаружив лектора в аудитории, шума поднимать не стали, даже порадовались представившейся возможности прогулять денек. А вот когда он не пришел на заседание ученого совета, коллеги встревожились. По телефонам никто не отвечал, и на закате к охотничьему «домику», огромному двухэтажному бревенчатому сооружению, подъехал помощник шерифа.

Полчаса спустя сюда уже катила кавалькада машин – полиция, пожарные, медики... Пресса, телевидение, декан и преподаватели. Живущей в Нью-Джерси дочери дали знать о несчастье по электронной почте. Жены пять лет не было на свете, профессор повторно не женился, жил один.

Войти в дом, правда, удалось не всем: полиция воспрепят-

ствовала. Репортерам разрешили сделать снимки, а прочим зевакам – незачем. Шериф, осмотрев труп, камин, стакан и плед, пришел к выводу, позже подтвержденному пожарником, коронером и озвученному представителями средств массовой информации: профессор напился виски и элементарно угорел, как обычный лесоруб.

При всей кажущейся простоте живой огонь требует к себе внимательного и осторожного отношения. Городская небрежность в таких делах недопустима.

сентябрь 2016, Киев

– Здоровэньки буллы! – почему-то с двумя «Л» возвестил Боря, входя в кабинет главного редактора газеты «Вэчерный Кыйив». Во всяком случае, именно так он для себя озвучил транскрипцию златолитерной вывески при входе.

– Булы, булы. Здорово, – невысокий мужчина со знакомо-усталым газетным лицом привстал из-за обширного стола, протянул руку для приветствия, – Проходите, будь ласка. И, Бога ради, не ломай язык и не уродуй мову, говори порусски. Мы не на трибуне, всем все понятно. Чацкий?

– Он самый. Шацкий, – Борис с облегчением уселся в удобное кресло, – Вам должен был...

– Да, Гришка звонил. Я в курсе. Ваш человек умер. Этот, как его... Гостенко?

– Гасенко.

– Да, Гасенко Петр Никитович. Между прочим, давненько уже. Скоро год.

– Ага, главред мне сказал. Что значит – умер? В сорок лет так просто не умирают... Рак? Авария? Откуда известно?

– Рак – проблема не наша. Авария – ближе к истине. Откуда... Вопрос интересный... Сказал бы – из-под земли, но это было бы не совсем точно. У нас, в отличие от вашего питерского, метро двухуровневое. Он попал под метropоезд как раз на стыке подземки с надземкой. С чего тебе взбрело

этим интересоваться?

– А Гриша не говорил?

– Нет. Попросил помочь, без уточнений.

– Я тоже пока ничего конкретного сказать не могу. Так, сомнения...

– Раз сомнения, лезть не буду. У нас по этой части Шурка... Саша Богдан. Заместитель мой.

– А где его искать?

– Его? – киевский газетчик почему-то хихикнул, – Ага... третья дверь справа по коридору. Не промахнешься.

Нужный кабинет нашелся без труда. Высокая, как и все в здании, доставшемся «Вечерке» по наследству от компартийного «Киевского рабочего», дверь обозначалась картонной табличкой «Видповидальный редактор», с допиской от руки «Богдан А.И.» и была слегка приоткрыта. В обширной комнате помещались два письменных стола – по центру солидный двухтумбовый, сбоку другой, попроще, несколько разнокалиберных стульев, журнальный столик и диван.

Стол различался и степенью заваленности. Центральный, кроме бумажных стопок, украшался суперсовременным компьютерным монитором с лазерной мышью и клавиатурой. В воздухе чувствовался табачный привкус, а на диване, шелкая по клавишам ноутбука, восседала шуплая растрепанная девчонка.

Гость, по неписаному газетному правилу «не заперто – не церемонься» вошедший без стука и спроса, воззрился на си-

дящую.

– Богдан тута обитает?

– Здравствуйте, – вежливо ответили с дивана.

– Да-да, привет. Так я не ошибся? Здесь?

– Тута. Заходи.

– А он, – Борис указал на солидный стол, – Надолго ушел?

Скоро будет?

– Ушел? – диванная сиделица потянулась, извлекла откуда-то сигарету, – Будет, а как же...

Приезжий машинально поднес огоньку. Ну и порядочки... достал свою пачку.

– А у него можно курить? Ничего, если я тоже?

– Валяй. Никто не возражает. Так что у тебя за дело?

– Я же только ему... – визитер почему-то начинал чувствовать себя дураком.

– Долго ждать собираешься?

– Кого?

– Ну, того, к кому тебе надо?

– Богдана...

– А.И.?

– Ну... да...

– Тогда давай, вперед.

– Как – вперед? Он же придет?

– Нет.

– Почему?

– А еще говорят, все блондинки – дуры... Брюнетки тоже,

оказывается. Богдан – это я.

– Шура?!

– Александра Игнатъевна. Саша. Кое для кого и Шура. Закрой рот и излагай.

– С закрытым ртом?

– Можешь телепатировать...

– Вот так, – Александра погасила очередную сигарету, – Она мне толком и не объяснила, в чем отличие ее сна от яви. Все твердила – его, Петю этого, столкнула под поезд какая-то баба. Я не поленилась, покрутила ментов. Не начальника – с него проку никакого. Скользящий, как налим, намыленный к тому же. Нашла тех, кто дежурил, выезжал по вызову. Все как сговорились: сам.

– А камеры? Там же должны быть камеры?

– Да. Как раз на этой станции есть уже и новые, с записью. Мне дали посмотреть. Там видно: стоит толпа, подходит поезд, все подаются к краю. И вдруг из гущи вылетает один, и – на рельсы. Я сколько разглядывала – ничего подозрительного. Если кто из стоявших рядом его и... помог, там не видно.

– Значит, еще один камикадзе...

– Почему еще один?

– Так, ерунда. Не обращай внимания.

– Да, и мне показалось – точно сам.

– Показалось?

– Глаза. У него, если увеличить, глаза были какие-то су-

масшедшие. Прямо на лоб вылезли. Псих, точно.

– А эта женщина... С ней можно встретиться? Адрес, телефон?

– Да по мне – хоть сто порций. А почему обязательно с ней? Я вот тоже вечером вполне свободна... Ладно-ладно, шутка.

сентябрь 2016, Киев

– Получилось, зря я старалась, – пышнотелая молодая женщина еще раз с некоторым сомнением оглядела долговязого визави, – Не вышло у меня завоевать Петю. А потом... а потом его убили.

– Вы полагаете, это действительно было убийство?

– Нет, ну почему, почему мне никто не верит?

– Я Вам верю. Честное слово.

– Толку мне с вашего слова, – устало вздохнула неудачливая завоевательница, – Вы же сами сказали – из Петербурга. А здесь – никто, даже в газете.

– Им тоже многое неизвестно. Кстати... Вам о чем-то говорит такая кличка – д'Артаньян?

– Конечно! «Три мушкетера». Книжка, кино...

– Нет, в отношении Гасенко? Петра?

– Откуда? Какой из него д'Артаньян? Шутите?

– Хорошо... То есть, извините, еще несколько вопросов.

Скажите, там, на платформе... Вы успели рассмотреть этого человека? Женщину?

– До того... До падения Пети – нет, я ее даже не видела, только руку у него на спине. А после она пошла прямо на меня. И я потеряла сознание.

– Просто так? От волнения?

– Да, наверное... Нет, теперь я вспомнила! Она ударила

меня! Вот сюда, – Перегуд показала на живот, – Или толкнула...

– И Вы упали?

– Да, говорят, так.

– Говорят? Сами так не вспомнили?

– Мне все время кажется... это как в тумане... плывет. То яснее, то еле видно.

– А ее приметы – рост, волосы, лицо? Хоть что-нибудь запомнили?

– Да. Но мне не верят. Говорят – это сон. А это я так вспомнила, во сне. Она невеличка, – дама ростом с Бориса показала себе по плечо, – Худая. Чернявая. Стриженная. Очи – як васильки. И ось туточки, – ее палец лег на правую щеку, – Родимка. Та не едина, а две зараз.

Видимо, от волнения Оксана перешла на украинский.

– Родимое пятно?

– Самэ тэ. То есть да, именно. Вот такая, – и Оксана сложила указательные пальцы полукольцами, изобразив подобие восточного символа «инь-ян».

Глава двадцать вторая

сентябрь 2016, остров Котлин

Итак, на выходе ноль. Не абсолютный, азот бы не замерз, но кашу сварить точно не получится. Неужели интуиция все же подвела?

Из так называемой творческой командировки, как с рыбалки, хорошо возвращаться плотно нагруженным. Не набравшись по самые брови и пошатываясь под алкогольным бременем, а сгибаясь от тяжести улова. Помнится, редакторское напутствие гласило: «Без рыбы не возвращайся, а то шиш тебе, а не командировочные...» Ну, или примерно так. Рыба как таковая журналисту ни к чему – возиться с ней, чистить, жарить либо ладить уху Боря не любил никогда. Применительно к пишущей братии сей термин означает набросок статьи, скелет сенсации, а вот с этим пока туговато.

Идти налегке приятно вечерком по Невскому, весело на-свистывая, поглядывая на встречных девушек и ловя ответные взоры. Девушки девушками, а свистеть, говорят, вредно – денег не будет. Позорову вспомнилось, как пару лет назад, на очередной Татьянин день один из бывших однокашников, зав отделом в мэрии, покровительственно похлопал спецкора по плечу:

– Ну, пиши, пиши, соси шиши... Как надоест босиком ходить, звони, пристрою к себе. Думаешь, не знаю, какой у тебя доход? А у меня будешь как сыр в масле. Строчки считать не надо. Отсидел сэ и до, а окладик капает... Думай, пока я добрый.

Борька тогда подумал: может, твой чиновный кусок и пожирнее, а мой репортерский – слаще! Не дождешься... И все же из экспедиции полагается везти результат, иначе как-то не свистится.

Путь от аэропорта до центра града на Неве не столь уж и далек, но времени на тягостные раздумья хватило с лихвой. Основная мысль была посвящена высшей справедливости распределения, в данном случае – трудовых обязанностей. Вот он, Борис, услышав от репортера: грядет могучий материал, способный привлечь миллион читателей, тут же выдал бы требуемый аванс... А на выходе – ноль.

Взыскать уже истраченные денежки с провинившегося неудачника не выйдет, пришлось бы списать. А Гриша, мудрый скупердяй, никогда вперед ни копейки не даст, и правильно. Поэтому волею судеб он, Борька, как и прочие трудяги пера, носится, ходит-бегает, ездит-ползает, роет-копает... Потом – пишет, оформляет, украшает, пудрит и подаст готовый материал ему, первому после Бога. Главному редактору.

А Григорий, сам неплохой, в общем, репортер, тут же начинает резать, портить, снимать пену и раскраску. Но, как

ни странно, на выходе проявляется во всей прелести та самая драгоценная жемчужинка, ради которой трое суток шагало, не спалось и так далее – пресловутые несколько строчек в газете...

Бездумно катя по кольцевой, Боря не заметил, как оказался на Острове. Оказывается, своеобразный автопилот вел его к аэродрому... зачем?.. не иначе, узнать – вдруг да всплыл хотя бы один из пропавших парашютов. На повороте к крепости машина устало вздохнула и заглохла. Путник удосужился оглядеть приборы... так и есть. Бак сухой, приехали. Вслух «возблагодарив» свое вечное авторазгильдяйство, журналист извлек из багажника такую же сухую дежурную канистру и отправился к заправке.

Водители редких машин проносились мимо, упорно не замечая поднятой с виноватым видом емкости. Можно было попросить о помощи родную полицию, но не хотелось по пустякам отрывать доблестных стражей порядка от опасно-трудной службы, проще прошагать несколько километров, подышать ароматами близкого залива вперемешку с пылью и асфальтом. До ночи далеко, спешить некуда.

Пешая прогулка обычно полезна для мозговой активности. О чем там говорил заместитель покойного прыгуна? Ценное воспоминание заставило руку дрогнуть, и часть бензина вместо бака оказалось в пыли обочины. Итак, у его сторожа, по совместительству бывшего моряка, ныне бомжа по прозвищу «Белый», аккурат тогда объявился гость

с приметными зубами. Миша-участковый, организовавший поиск, утверждал – тот самый Коля-Блесна может оказаться полезным. Где-то тут был его шалашик...

В сгущающихся сумерках Боре ни за что бы не найти нужную тропку, но, судя по доносящемуся из кустов дымку с аппетитным печено-картофельным запахом, на сей раз искомый экземпляр никуда не сошел.

Непрошеного вечернего визитера ждал сюрприз: у весело потрескивающего костерка виднелась не одна фигура, а целых две. А шалаша – не было! На его месте стояла палатка. С виду вполне обычная, она тем не менее сразу бросилась в глаза, ибо отличалась изумительным, прямо-таки светящимся в полумраке ярко-желтым цветом...

– Добрейший вечерок честной компании! – вежливо поздоровался Боря.

– Здорово, коли не шутишь, – сдержанно ответил мужчина, отразив свет костра золотистым содержимым ротовой полости.

– Здравствуйте вам, – присоединилась сидящая с ним рядом женщина, одетая в телогрейку, где вполне могла поместиться еще одна такая же.

– А скажи мне, друг Блесна..., – решив не церемониться, сразу попытался Боря взять быка за рога.

– Кому друг, а кому по шее вдруг... – обладатель приметного прикуса явно был настроен не совсем доброжелательно, – Лезешь тут, обзываешься... У меня, может, фамилия

совсем другая?

– Так и быть, Николай, можно и по-другому. Давай прямо сейчас пригласим тебя, вот ее и Белого для компании к моему дружку, капитану Стеклову. И он спросит, зачем ты в Ижору тягался... Пошли?

– Э-э, ты че? Сразу к капитану... Ну, ходил я туда, было дело...

– А палаточку из чего соорудил?

– Это не он, – вскочив на ноги, вступила в перепалку дама, – Это я сшила. Вот этими руками... Нельзя? Мы ничего не украли!

– Эх, бабы... – зубастый с размаху хлопнул телогрейку пониже спины, – Ну кто тебя просит лезть!

Такой удачи репортер не ожидал. По-свойски подошел, пощупал ткань, оценил качество швов. Вот и проверим, насколько лезть эффективнее угроз...

– Да вы, мадам, настоящий мастер! Руками? Неужели без машинки?

– Да, простой иглой, – расцвела умелица, – Правда, хорошо вышло? А как трудно было выкроить!

Блесна, почуявший неизбежность разоблачения, сел и взялся за голову. А репортер почуял явственный запах жареного.

– Почему трудно? Парашюта вроде вполне должно хватить?

– Да ведь он-то весь слипшийся был!

– Как слипшийся? Грязью?

– Нет, Саша сказал – клеем каким-то цианистым...

– Цианоакрилатом? Суперклеем?!

– Ну да...

– Коля, теперь ты. Где взял? Правду говори!

– Ага. А ты палаточку заберешь... Типа вещдока?

– Я не следователь. Мне твой райский шалаш ни к чему.

– А кто? Откуда все знаешь? Участковый у тебя в корешах...

– Пресса, брат, знает побольше всех ментов. Я спецкор. Давай, колись. Если купол был склеенный – значит, сам прыгун его не отрезал. Получается – ты. Уже на земле. Мертвому все равно... Так?

– Ну, так...

Ну, вот пока и все. Считай месяц поисков – и толком ни шиша. Нет, написать, конечно, можно, может получится даже некая интрига с экскурсом в прошлое. А зацепиться больше не за что.

Портрет Блесны с его портнихой на фоне желтой палатки будет смотреться о-очень живописно. И подпись: «Роковое полотнище в новом амплуа». Гриша не напечатает, а словесную оценку даст. Типа, и на старушку бывает понюшка. И нос сморщит, как над клозетной кучей...

Возразить главному нечем. И дать по большому счету нечего. Давай посчитаем. Трупов – пять, все – молодые му-

жики. Впечатляет. Примерно за год. Уже хуже. Все в разных городах. Тоже не слишком... В далекой юности были связаны чем-то сомнительным. Ну и что? А ничего. Официально все они – самоубийцы, начиная с шестой, вернее, исторически первой – девчонки два десятка лет назад.

Все, кроме одного – в компанию камикадзе затесалась жертва зубной боли, точнее, аллергии на зубное обезболивающее. Реально – ни одного свидетеля. Склеенный парашют? Ну-ну... Кто его видел? Три бомжа... Клей давно сторел в печке. Да, есть еще киевская «амазонка-завоевательница», спящая красавица. Сама говорит – ни черта не помнит, а увидела во сне... Класс! Да, давненько не видал такой непрухи...

Напоследок посоветовав островным жителям для неузнаваемости измазать верх палатки болотной тиной и помалкивать, Боря вернулся на дорогу, сел за руль, завел мотор. А если?.. Вот балда! А как же первое правило, в данном случае забытое напрочь? Женщину-то я и не поискал! Он развернулся и, не заезжая ни домой, ни в редакцию, отправился прямиком в новгородский городской архив.

сентябрь 2016, Новгородская область

Объезжая окрестности древнего некогда Великого Новгорода, Борис для успокоения нервов непрерывно изобретал афоризмы. «Скорей найдешь иглу в стогу, чем девицу на лугу...» Каково? «Не станем деву задирать, нам ее бы повидать...» И еще пяток тому подобных перлов, равно бездарных и бесполезных.

Как разыскать обыкновенного, живого человека, и не помышляющего ни от кого прятаться? Вот работают менты, ищут и находят – спрятавшихся, тех, кто виноват. А кто не виноват? Найдем, найдем... С покойниками все намного проще – готовые списки, реестры, кладбищенские камни-плиты, наконец. Могилы всегда подписаны более-менее разборчиво, даже братские, елки-палки! Мертвецы, в отличие от живых, неподвижны – не только физически, но и мнестически. Они запечатлены в учетных книгах, надгробных надписях, эпитафиях.

Поймав себя на тавтологии, он очередной раз проглотил дорожную пыль. Приехали. Бурьяново. Красивое название... То? Или опять не то? Улица Ленина окончилась, а перекрестка все не было... А Феликс? Где же он, непременно спутник?! Ага, вот – два домика. На первом – гордая табличка «ул. Ф. Дзержинского». Улица... Еще бы проспектом обозвали! Откуда след чекиста в здешней деревеньке? Бог

весть... Может, и захаживал когда.

Лицо увязанной платком по-старушечьи крест-накрест пожилой женщины ничем не напоминало фото на выпускной фотографии «политехникума». Лишь присмотревшись, Борис не без труда узнал в ней Людмилу Демидову. Непросто в неполных сорок выглядеть на все шестьдесят, но, если постараться...

– Оресова? А почему я обязана о ней помнить? И вам говорить?.. Напишите потом какую-нибудь ерунду...

– Не Оресова, а Арестова, Дина Арестова. Без вашего разрешения не напишу ни строчки, честное слово.

– Толку мне с вашего слова... – процитировала невзрачная новгородка дородную киевлянку, – Да, я жила с ней в одной комнате. Да, она утопилась. А я при чем?

– Вы были последней, кто ее видел.

– Почему это – последней? Последним всех видит Бог. Он, когда надо, посылает ангела, чтоб охранить, убереечь. А если его не слушают – их вина.

– Бросьте, Людмила. Или как вас тогда звали – Миледи.

Вздрогнув, как от удара, бывшая Демидова оглянулась по сторонам, перекрестилась.

– Откуда вы?.. этого никто...

– Мне известно многое. И о вашей учебе, и о друзьях-«мушкетерах», – журналист решил брать нахрапом, – А они все умерли. Их нет, понимаете? В милиции считают – покончили с собой. И единственный человек, который мо-

жет пролить свет на причину их гибели – это вы!

– С какой стати на их гибель надо проливать свет? Если человек сам лишает себя жизни, он недостоин даже похорон по-человечески. Такого всегда закапывали, как собаку, – она опять перекрестилась, – За оградой погоста. Даже имени на могиле не писали.

– Почему вы сразу верите в самоубийство? А если нет? Если их кто-то убил? Как Вы сказали, лишил жизни, но не себя, а другого человека. Разве бог будет против, если мы поможем найти виновников смерти?

– Я знаю. Знаю, и все. Они просто не смогли больше нести на себе это бремя. Душа есть у каждого, как бы глубоко до поры ни пряталась. Рано или поздно тяжесть свершенного раздавит скорлупу лжи, и она вылезет, – Людмила словно твердила вызубренный урок, – Душе станет невмоготу, она попросится – на небо или в чистилище. Наверх с таким грузом не дотянуться. Тогда дьявол не упустит своего, поймает, стянет к себе. Самый тяжкий грех – самоубийство.

Борис слушал, сомневаясь, наяву ли это. В наши времена, когда у большинства людей, по крайней мере, моложе семи десятков лет, полным-полно знаний... Когда для веры почти не осталось места и преобладает влияние единого храма – интернета. Чтобы вот так наглядно вылезло бесформенное нагромождение дремучих суеверий, прикрываемых божьим именем... А проповедь продолжалась.

– Единственный, кто проливает свет – это Бог. И все в его

руке. Мне надо идти.

– Пойдите. Буквально несколько минут. Я понимаю, есть неприятные воспоминания. Но припомнить, рассказать – значит облегчить душу, разве нет? Расскажите мне, пожалуйста.

– А вы кто, Бог?

– Я не бог. И не священник. Но, в сущности, бог ведь – в людях? И если вы откроетесь людям, до Бога тоже все дойдет. Вы только начните, дальше – легче, поверьте.

– Может, и так. А только вам ничего не скажу. От Бога мне скрывать нечего. Я за свои грехи отвечаю сама.

– И все же, расскажите. Я уверен, Вам много известно.

– А я не уверена. Это никому знать не надо. Умерли они – значит, Богу так угодно. Есть там чья-то вина, нет ли – не нам судить. Бог все видит.

– Если вина есть, надо это открыть... Помочь найти, наказать виновных.

– Кого надо – Бог накажет. Меня он уже наказал. Поэтому ничего не скажу.

– Ладно, ни о ком конкретно не говорите. А о самой школе... колледже? Это – можно?

– Что помню – расскажу. Только не записывайте ничего.

Она показала ему на обшарпанный табурет у стола, покрытого выцветшей скатертью, сама осталась стоять.

– В той школе все было гнилое. Они радовались – учат хорошо, кормежка, жилье. А по вечерам, ночами власть бы-

ла у «мушкетеров», они всеми командовали, могли в любую комнату зайти. Заставляли пить вино, петь, придуриваться. Учителя как бы не видели всех этих гадостей.

Слушатель принял единственно правильное решение. Ни словом, ни звуком не нарушая течение мысли и речи, подался к ней, лишь иногда согласно кивая, с виду полный сочувствия и сопереживания. Ловушка сработала, слово за слово – потекло...

– У них за главного был директорский сынок, ему все сходило. А я... А мне без него свет стал не мил. Я к ним пришла, говорю: вы – мушкетеры, а я у вас буду – миледи. Он посмотрел вот так, – Людмила прищурилась, глянула искоса-свысока, – Посмеялся. Пойдем, миледи. Тогда я и стала... женщиной. И с тех пор за ним – как собачка. «Балы» устраивали. Выбирали девчонок посмазливее. Назначали «королеву», а мне надо было ее уговорить. Я и уговаривала. Если надо, платье свое одалживала. Это же бал, понимаете? Обязательно длинное, широкое платье – оно в танце красиво так развеивается. Только они с ними не танцевали. Делали «луковку». Знаете, что это такое?

– Что-то горькое... злое? Доводили до слез?

– Не притворяйтесь. Все пацаны знают. Подол на голову, руки там завязать... А меня выставляли, им свидетели были не нужны. Я, дура, однажды не ушла, умудрилась в щелочку посмотреть. Как раз когда с ней... Теперь думаю – это и было мне Господнее испытание. А я не выдержала....

– Почему испытание? Вы считаете себя наказанной за это?

– А как иначе? Смолчала, не подняла шум, не помешала...

Славик же мой родился вполне нормальным, хорошим мальчиком. Я после лежу в палате, думаю: вот счастье, вырастет – скажу: будь всегда добрым, умным, не обижай никого...

Наутро новорожденного принесли для первого кормления. Молоденькая мама была преисполнена чудного, неизведанного счастья. А когда санитарка откинула пеленку и ей предстало безобразное, раздутое, страшное чудище с выпученными глазами и чмокающим ртом, она громко, дико закричала.

– Доктора, врачи эти, акушеры... не просекли. Перед родами делали УЗИ, было заключение о возможности такого вот... развития. А никто и не посмотрел. Оказывается, это бывает... раньше вообще не лечили, а сейчас – запросто, ну, для нейрохирургов. Там, в голове, какая-то жидкость не перетекает. За сутки все стало необратимым, головку раздуло. А мозги раздавило. И мой Славик – живой труп.

По щекам рассказчицы потекли слезы, но она не попыталась их вытереть и только тихонько шмыгала носом.

– Он красивый, потом сделали операцию, все нормально перетекает, но мозговой коры уже нет и не будет никогда. Ему шестнадцать, а он говорит только «ма». Второго «ма» не получается. Не ходит. И не пойдет. Когда на коляску посажу, покатаю – радуется. Хороший, добрый. Он сейчас в приюте, при Варлааме, наш отец-настоятель помог. И я там почитай

каждый день, помогаю. После поста совсем пойду. Вы – первый и последний. Больше никому ничего не расскажу.

– Славик... – очевидное дошло до журналиста только сейчас, – Ваш сын – ребенок Тревиля?... Тришина? Дмитрия?

– Ну да, от кого же еще. Приехал, после своего Лондона... Я сама к нему пришла. Погуляли по Летнему, по набережным, зашли в «Пушкаря». Выпили немного. Как стало темнеть, повел назад, в сад. И там, на полянке... Я говорю – ты что, люди же кругом! А он – да кому ты нужна! В общем, чуть не силой. А потом молча оделся и ушел. И все. Я звонила, а он ни разу даже к телефону не подошел. Родители трубку снимут, я спрашиваю, в ответ – «его нет». Однажды мне показалось... Когда уже знала о беременности... показалось, он у телефона. Молчал, но по дыханию... Я расплакалась, заорала – у меня в животе ребенок твой, сволочь! Короткие гудки.

– Тогда вы и уехали сюда, в Новгород?

– Я здесь всегда жила, родилась и выросла. В Питере только училась.

– А фамилию когда изменили?

– Вот именно тогда. За мной же бегали тут вовсю. И я, как поняла: с ним не светит, быстренько выскочила за Алешку. Все ему рассказала... почти. Он сказал – будешь моя, ничего не знаю и знать не хочу. И ребенок – мой.

– Муж все-таки оставил вас? Ушел? Из-за болезни ребенка?

– Я сама ушла. Открестилась от него, фактически прогнала. Это не болезнь – Божья кара. Мне за мои грехи, а ему – через меня всю жизнь страдать?! Пила здорово. Неделями ползала, как свинья дохлая. Только когда Славику десять исполнилось, мимо храма проходила, и осенило меня. Снизло просветление. Месяц вот еще в послушницах осталось, и приму наконец постриг. А теперь все, уходите.

– Еще минуту, пожалуйста! Скажите, может быть, у вас осталась какая-нибудь фотография... Ее, Дины.

– Да будь она проклята! Ох, прости, Господи, – послушница отвернулась к иконе в углу, несколько минут беззвучно шевелила губами, – Ладно, раз вы здесь, значит, Ему так угодно. Поищу.

Искать пришлось ему – она просто вывалила на стол груды старых снимков, и он четверть часа копался, выбирая среди разновременных фото те, где были лица девушек. Показал ей. На шестом задержала взгляд, ткнула пальцем.

– Вот. Тут мы вчетвером стоим, ржем над чем-то. Она со мной, посередине, черная.

– Можно взять? На время, я отсканирую и через полчаса верну.

– Забирайте насовсем. Мне они без надобности.

– Спасибо.

– Не поминай имени Господа всуе...

– Простите, не понял?

– Вы сказали – Спаси Бог. Так говорить не следует, это

неверное слово, суетное.

– Тогда – премного благодарен. Так нормально?

– Все, прощайте! Мне надо в храм.

– Ну, бог Вам помощник и судья. Наверное, это он нас за благо вознаграждать не спешит, а за грехи карает, – пробормотал Борис, едва сдержавшись, чтоб не ляпнуть: «Зато твой выблядок, он-то уж точно никого не изнасилует!»

Уже от двери корреспондент обернулся.

– Людмила, Вы сказали – те... герои... Балов этих так называемых – было несколько? Может, вы помните фамилии других?

– Кого – других?

– Тех девочек, смазливых... Кому довелось тоже это пережить?

– Не сильно они и переживали, между нами. Недаром говорится: «одной девке слезы, другой просто смех». Топиться-вешаться не спешили...

– И все же... – неожиданный цинизм ярой богомолицы слегка покоробил, – Помните?

– Трех помню. Тех, кого при мне... приглашали. Надька Самохвалова, Терехова Ольга. Софа еще, Соня Рицан. Их фотографий нет, я с ними особо не общалась. Выпускные альбомы разыщите, если надо. Теперь все?

– Все. До свидания.

– Прощайте, – Людмила сгребла фотографии, снова взглянула на верхнюю, – Постойте! Сонька – она же здесь, справа.

Вот, боком стоит.

Глава двадцать третья

сентябрь 2016, Санкт-Петербург, Смоленск

На этот раз в центральном архиве Бориса приняли как родного. Видимо, у здешних работников профессионально хорошая память на лица, и две дамы в сером с неожиданным энтузиазмом взялись ему помогать. В результате обошлось без пыли и длительных поисков, следы всех трех выпускниц бывшего «Гарварда» нашлись на раз. И выпускные снимки. Увы, легкое начало далеко не всегда означает столь же безоблачное продолжение. «Королевы» в юную пору проживали кто где, но вполне в пределах доступности – Надя в Петрозаводске, Оля – в Смоленске, Соня – в белорусском Полоцке. А время все изменило.

Женские судьбы переменчивы. Адресные базы всеильной Сети ничего не дали, кроме твердой уверенности: все вроде бы живы, и одна из двух оставшихся на своей фамилии укатила. Куда? За недалекое море, в Землю обетованную?.. близок локоть, да не укусишь. Увы, неукусимое оказалось еще дальше – за океаном, в Америке. Фамилия Софьи на момент отъезда в дефолтном девяносто восьмом оставалась

прежней, а сейчас? Поди угадай.

Оттуда получить какие-либо сведения не представлялось возможным. Не дадут. Тамошние спецслужбы не поощряют праздный интерес к своим соотечественникам, пытаться раздобыть разрешение – себе дороже. Придется ограничиться местными. Борис, скрепя сердце и скрипя зубами, отправился к главному.

– Ты, полагаю, числишь себя в бессрочном отпуске? – Григорий великодушно предложил сесть, угостил сигаретой, – А мы, стало быть, обязаны твою долю черствого газетного хлеба сами жрать?

– Гриша, прости лоботряса! Позарез надо еще отлучиться. Отбатрачу, гадом буду!

– Ладно, не зарекайся. Денег будешь просить?

– Все равно ж не дашь...

– Не дам. Но есть вариант. Вот, – редактор пододвинул прозрачную папочку с парой листков и фотографий, – Глянь.

– Ага... Работенка левая, на недельку всего...

– Тебе, по-моему, хватит вечера. Тут один банк...

– Который лопнул?

– Видишь, ты уже ухватил самую суть. Лопнул как-то больно тихо, ни рубля не осталось. Копни. Получится – двойная ставка. А?

– Давай...

– Приступай. А потом – кати хоть во Владик.

Главный редактор и не подозревал, насколько провидче-

ской окажется его напутственная фраза. С якобы лопнувшим, а на самом деле хитро прикарманенным банком Боря действительно разобрался быстро. Вечер не вечер, но в двое суток уложился.

Кто в детстве не пускал мыльные пузыри? И не ощущал мельчайших брызг на руках и лице, когда радужный шарик лопнет поблизости? В природе любой лопающийся, разлетающийся вдребезги объект оставляет подобные микрочастицы, капельки от своей оболочки и содержимого.

Но бывают парадоксальные исключения, и в первую очередь это касается финансовых структур, особенно банков. Те спадаются как бы внутрь, без шума и пыли, подобно космическим черным дырам: сегодня был, светил огнями, привлекал перспективой неслыханных процентов по вкладам, а завтра... Темные окна, наглухо запертые двери, разбитая кем-то из обманутых клиентов вывеска. Скромное объявление «закрыто». А в газетах и на информационном стенде ближайшего отделения полиции – портреты в профиль и анфас с пометкой «разыскивается».

Находят далеко не всех. Абсолютное большинство некогда благополучных финансистов успешно переживают и свои банки, и дальнейшие жизненные неурядицы. Как правило, они всю оставшуюся жизнь лечатся от стресса где-нибудь в теплых краях. От сих недугов, как известно, лучше всего помогают морской воздух, инсоляция, равномерная качка стофтовой яхты. Неплохи также умеренная физическая актив-

ность в виде гольфа и верховой езды наряду со сбалансированной диетой.

Главное – успеть. Успеть набить карман, чемодан, саквояж успевают все. А вот убежать достаточно далеко и быстро – как повезет. Очередного беглеца подвела память – не его собственная, с ней все было в порядке. Подвела несчастного практически абсолютная зрительная память «кошмарного» спецкора. Незадолго до злосчастного парашютного прыжка на Острове Борис фотографировал в порту некоторые причалы и кораблики, имевшие отношение к проникновению в отчизну неких психотропных веществ. Ему тогда удалась приличная резонансная статья.

Еще в кабинете главного журналист зацепился глазом за нечто знакомое на одном из предложенных к разработке фотоизображений. Оказалось – лицо бывшего банкира имеется и на портовом снимке, там красавец мужчина беседовал о чем-то с таким же веселым собеседником на палубе яхты под вполне подходящим названием «Золотая рыбка».

Дальше все пошло кому как. Вертолетчикам – как обычно: взлетели, отыскали на неширокой финско-заливной акватории потребное суденышко, навели пограничный катер. Полиции – приятно: сами ни хрена не делали, а премии огребли. Газете – читательский успех, Грише – скромная похвала общественности. А репортеру – обещанный гонорар, восхищение коллег и нехорошие пожелания от субъекта, поневоле ставшего героем публикации. Самому субъекту – как решит

суд...

Два дня спустя в три часа пополудни Боря мчался по федеральной трассе, приближаясь к первой из намеченных целей – западному российскому форпосту, Смоленску. На его могучих крепостных стенах получал по зубам не один агрессор. По ним, зубам – всегда неприятно. Да что зубы – и обычный щелчок в нос вместо ожидаемого успеха тоже бывает весьма болезнен. Именно это ощущение оказалось для досужего репортера самым запоминающимся.

Дверь открылась, едва оторвал палец от кнопки звонка, будто его ждали. На пороге стояла невысокая полная женщина с веснушчатым круглым лицом и шапкой курчавых каштановых волос.

– Здравствуйте! Это я Вам звонил. Специальный корреспондент Шацкий, из петербургской газеты...

– Здравствуйте... Чем могу быть полезна?

– Вы – Ольга Терехова? Точнее, такая фамилия была у Вас в девяносто пятом?

– Да, это я. Фамилия какая была, такая и осталась, у нас это не редкость. А что? – в круглых глазах за круглыми очками читалось неподдельное изумление.

Сам журналист был удивлен не меньше. Неужели память на этот раз подкачала? Судя по давней фотографии, ожидал увидеть светловолосую голубоглазую красавицу, а никак не рыжую коротышку.

– У вас – это у кого? В роду?

– Скорее в сословии. У врачей. Меняешь фамилию – тут же заморочки с дипломом, печатью... Осталась на своей. Муж не против.

– А Вы...

– Да, я врач. Стоматолог. Окончила наш мединститут. И, кстати, в вашей Северной Пальмире сроду не бывала. Откуда там про меня узнали?

– Простите, давайте по порядку...

– Нет, давайте пройдем в дом, а там и поговорим. Я чувствую, тут надо разобраться. На крыльце – как-то не по-русски...

Крыльца на седьмом этаже Боря не видел, но пройти в квартиру не отказался. Его угостили чаем, домашней выпечкой.

– Вот теперь давайте по порядку.

– Ага. Спасибо, очень вкусно. Сами печете?

– Ну, а кто же еще? Мужчины мои, слава богу, в этом отношении традиционалисты. Больше насчет поесть. Так какое у вас ко мне дело?

– Я подозреваю, вышла обычная ошибка. Итак: Вы – Терехова Ольга Маратовна?

– Ха-ха-ха! Вот в чем дело! Федот, да не тот... Я Терехова, Ольга. Только не Маратовна, а Марковна. Вы, не иначе, по телефону спрашивали? Не письменно?

– Да, именно так. Извините, Бога ради! Тогда я пошел?

– Не за что Вам извиняться. Не спешите. Угощайтесь, а потом я свяжусь с одной хорошей знакомой, пациенткой. Из ЗАГСа. Уверена, она поможет найти мою бывшую однофамилицу.

– И тезку, и ровесницу.

– Да. Надо же! Такое совпадение, прямо не верится...

Она оказалась права. Для опытной служащей храма подушного учета не составило труда разузнать: искомая особа давным-давно уехала. В неблизкий свет, в сердце Сибири, Красноярск. И не одна, а с двухлетним сыном. Терехову Алексею Олеговичу в этом году должно исполниться двадцать.

Волка ноги кормят. Волка, но никак не репортера! У человека думающего для этого есть голова... Ног Борис никогда не жалел, голову ругал на чем свет стоит, а вот машину было жалко. По пустой прихоти отмахать пять часов туда-обратно – никакой железяке не позавидуешь. «Ну, ничего, вот приедем, отдохнешь, – мысленно утешал «Гольфика» Боря, – Крыльев у тебя все равно нету, а без них мне туда не добраться...»

С Петрозаводском повезло намного больше. Не мудрствуя, репортер нагло воспользовался именем газеты и влез в базу местной администрации. Оказалось, Надежда уже не Самохвалова, а Куприянова. И созерцает водную гладь не Онежского чудо-озера и даже не Невы с крейсером «Аврора», а Баренцева моря. С ледоколом «Ленин» на вечной му-

зейной стоянке в порту. Учитывая относительную близость северного маршрута, Борис решил начать от противного. В смысле далекого. Сибирского.

сентябрь 2016, Красноярск

Нахальство – второе счастье. А для журналиста порой единственное. Не выходя из уютного гостиничного номера в центре «сибирской столицы», Борис в течение часа узнал все необходимое. Оставалось договориться о встрече, а с этим могли возникнуть некоторые трудности. Бывшая смолянка и воспитанница петербургского колледжа оказалась в городе и крае далеко не последним человеком – женой местного деятеля серьезного масштаба.

Таковых принято именовать нуворишами. Или олигархами. Она, стало быть, нуворишиха? Или олигархиня? Немаленький город, да и весь край на добрую четверть принадлежал семейству Просольцевых. Куда ни глянь, наткнешься на знакомое наречие. «Просто лес», «Просто мебель», «Просто банк», даже «Просто золото». Аббревиатура элементарная: первая часть – понятно, от фамилии. Вторая оказалась составленной из имен – Тимур и Ольга.

На сайте холдинга нашлись и семейные фото: красивая голубоглазая блондинка и плотный, заметно ниже ее ростом, носатый лысоватый брюнет. Две очаровательные девчушки, одна беленькая, другая – черненькая. Особняком – светловолосый юноша, показавшийся журналисту смутно знакомым.

Едва трубка после очередного справочного звонка легла на рычаг, как аппарат затрещал снова. Его хотят видеть, ма-

шина внизу. Ну и ну...

По-деловому строго одетая женщина, сидящая за столом посередине огромного кабинета с окном во всю стену, откуда открывался вид на пол-Сибири, с приветливой улыбкой поднялась навстречу.

– Здравствуйте, Борис. Рада видеть в нашем захолустье звезду центральной прессы.

– Здравствуйте, Ольга Маратовна! Я рад не меньше. Не знаю, правда, чем обязан столь скорому приему... С доставкой.

– Ой-ой-ой... Да вы там, на Неве, всерьез считаете нас, кто восточнее Ладоги, полными лапотниками? Прилетели на моем самолете, поселились в моем отеле...

– Что, и самолет ваш? – Борис невольно глянул на свои ноги, чтобы убедиться – он пока не в лаптях, – Серьезно?.. И аэропорт? Отель – по вывеске «Енисей», больше ничего. Билет мне вроде бы «Аэрофлот» продавал...

– Аэропорт... Ну, не целиком... Хотя доля в перевозках у нас есть, довольно приличная. А отель... Неужто не разглядели в самом низу проспектика, мелким шрифтом: «Просто жильё»?

– Надо полагать, и местные средства массовой информации...

– Разумеется. К сожалению, по части популярности до столичных им пока далеко.

– Пока – звучит обнадеживающе. А подслушивать теле-

фонные разговоры все же как-то... И следить за постояльцами... Или здешние правоохранители тоже «упростились»?

– Бог с Вами! Никто не следил и не подслушивал. Однако посудите сами: приезжий газетный репортер ни с то ни с сего начинает в открытую наводить обо мне справки. В моих же вотчинах... Я все-таки женщина, мне стало любопытно – какой такой залеточка мой характер выдает? Давайте уж, спрашивайте. Полчаса у меня есть.

– Скажите, Ольга...

– Да-да, давайте без отчества. Сэкономим время.

– О'кей. Вы когда-то учились в Санкт-Петербургском колледже...

– Да. Три года. Вас занимают все бывшие студенты или только я?

– В настоящий момент – только Вы.

– Откуда такой интерес? Ваше издание, судя по названию, несколько специфично... Газету интригует моя карьера?

– Да, отчасти. Читатели любознательны. Истории, подобные вашей... Золушка и принц...

– Ничего сказочного в нашем знакомстве не было. Будущий муж учился в Москве, приехал на экскурсию в мой город. Случайно встретились, познакомились... Я тогда подрабатывала гидом, вот и все чудеса.

– А как Вас приняла его родня?

– На удивление душевно.

– Их не смутило, что у Вас уже был ребенок?

– Нет, нисколько. Тимур оказался настоящим мужчиной. В жены меня выбрал он, а не родня. И не разочаровался. Мы – счастливая семья. Сомневаетесь?

– Ни в коем случае. Но я хотел бы спросить не об этом.

– О бизнесе? Пожалуйста: я полноправный партнер мужа во всех делах. Половина активов принадлежит мне. По-моему, справляюсь. Кстати, начинать было совсем непросто, извините за двусмысленность.

– Почему? Ведь Тимур Тимурович – единственный наследник вполне обеспеченного рода?

– Семейный бизнес свекра как раз тогда пошел под уклон. Мы начинали с нуля. Я далеко не всегда одевалась вот так, – она непринужденно указала на свой наряд, – Довелось носить и ватник, и косуху.

– То есть принимать участие в разборках?

– «Спина к спине у мачты?» Ну, не так серьезно. Нам удалось избежать, как бы поделикатнее... крайних мер. Прорвались, выплыли.

– Стрелять не умеете?

– На спор? Пойдемте в тир.

– А я не умею. Разве что сигаретку...

– Угощайтесь.

– Спасибо, – Борис с удовольствием закурил, ловя себя на мысли – не может, не получается у него перейти к больной для собеседницы теме.

Она неожиданно сама пришла на помощь.

– Выкладывайте. Вы ведь прилетели за пять тысяч верст не о бухгалтерии беседовать?

– Нет, мне хочется узнать о более далеком прошлом. Можно?

– Попробуйте.

– Тот колледж, так называемый «Гарвард»...

– Мне казалось, его давно не существует.

– Да, Вы правы. Так вот, пятеро его выпускников, одного с Вами курса...

По опыту Борис знал: задавая вопросы, журналист почти всегда способен предвидеть ответ. Руки собеседницы застыли на столе, глаза потемнели. Ничего он здесь не услышит. А вдруг?

– Практически никого не помню.

– Я назову фамилии: Гасенко, Портнов, Феррапонтов, Мисенок... Тришин.

Сибирская владычица поднялась, подошла к окну, постояла, глядя вдаль. Вернулась, села. Взяла сигарету, помяла в пальцах, положила в пепельницу.

– Нет, о них ничего не могу сказать.

– Они еще называли себя «мушкетерами»... Устраивали некие балы...

– Не усложняйте. Я в подобных развлечениях не участвовала.

– Дело в том, что все они мертвы. Их...

– Вот как? По возрасту рановато... Но ведь бывает всякое,

не так ли?

– Я подозреваю...

– Вы – следователь?

– Нет, но... Мне кажется...

– Креститься не пробовали?

– Я собираю материал для статьи...

– Собирают ягоды. Грибы. Черемшу, орехи в тайге. Вы, вероятно, пишете?

– Нет, именно собираю. По-моему, Вы можете иметь отношение...

– С какой стати?

– Но ведь тогда, в девяносто пятом...

– Ох, боюсь, не вспомню.

– Вы были в числе девушек, подвергшихся...

– Стоп. Я, находясь в здравом уме и трезвой памяти, заявляю... можете записать дословно. Итак: ни к чему, происшедшему в том учебном заведении и не касавшемся непосредственно учебы, я никакого отношения не имею. Это все.

– Но...

– Никаких «но».

– Ваш сын...

– О, молодой человек, вас, похоже, не слишком хорошо воспитали. Или учили на вашем журфаке. Понятие «личное» – не забыли?

В эту секунду Борис понял, почему ему показался знакомым оттенок голубизны глаз собеседницы. Такой он ви-

дел в музее, в оружейной палате. Именно так сверкал остро отточенный булат – закаленные кованые клинки. Ими можно проткнуть любую кирасу, побриться, а при желании в несколько ударов перерубить трамвайный рельс.

– Я хотел спросить, его отчество...

– Это есть в открытом доступе. Он – Алексей Тимурович Просольцев. Сейчас учится на третьем курсе Новосибирского университета.

– Экономика?

– Нет. Наш сын решил устремиться в цифровое будущее человечества. Физмат.

– А год его рождения...

– Отнимите двадцать от текущего.

– Я побывал в Смоленске. Он при регистрации получил отчество...

– Олегович. Я помню.

– Я должен спросить... Мальчик внешне походит на...

– Хватит. Скажите, вам нравится работать в вашей газете?

– Да, конечно. Но какое отношение имеет моя...

– Самое прямое. Газету вы называете «вашей», хотя вам она не принадлежит. Как и вашим коллегам-репортерам, всей вашей редакции вместе с главным... Григорием Ильичом, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь.

– Вот. Я сейчас, не вставая с этого стула, в течение пяти минут могу все кардинально изменить, верите?

– Хотите сказать, меня уволят?

– Нет, зачем же. Я тут прикинула, – она бросила взгляд в раскрытый ежедневник, – Все ваше «кошмарное» хозяйство потянет максимум на треть загрузки одного лесовоза. А они у меня из Игарки в навигацию уходят через день.

– Родные березки в Японию гоните? – попытался съязвить потенциальный безработный, – А как же дым отечества?

– Тем слаще и приятней. Продолжу. На десятой минуте «Ночной кошмар» станет, скажем, «Рассветным гламуром». И писать вам, Боря, придется уже под псевдонимом не Позоров, а Лосьенов... Устраивает?

– То есть интервью закончено?

– Скажите спасибо.

– Ни слова не сказали, напугали до полусмерти, а я – «спасибо»?

– Видите ли, я успела отговорить мужа принять вас лично...

Борис подобрал ноги, готовясь встать и расшаркаться.

– Сын... Он у Вас один? – чтобы не завершать разговор полным отрицанием, поинтересовался приезжий.

Не замечая очевидной глупости вопроса, деловая женщина снова подошла к окну.

– Трое. Девочки – одна в третьем, другая первоклашка. А у Вас?

– Пока никого. Вот женюсь, тогда...

– Не откладывайте. И еще. Постарайтесь уяснить: для ме-

ня не существует тех лет и тех людей. Вычеркнуты, понимаете?

– Годы вычеркнуть несложно, а людей?

– Не буквально. Из памяти. Не знаю и знать не хочу, куда они там подевались.

– Они...

– Нет, молчите. Не желаю слышать. Но, хотите верьте, хотите нет: я никого не убивала сама и никому не поручала. Удовлетворены?

– Да. До свидания.

– В аэропорт вас отвезут. Или в отель?

– Спасибо, лучше прямо в Мурманск... После отеля – там мои вещички.

– А почему не в град Петров?

– Я же специальный... Захотелось вот на «Ленина» взглянуть.

– Так мавзолеей же – в Москве? Или его тайком от электората...

– Я имею в виду ледокол. Он там теперь музеем.

– Зайдете – привет передавайте, от Севморпути.

– Обязательно... – и не только ему, подумал Борис, выходя за дверь.

Спускаясь по лестнице под бдительным оком плечистых парней, доставивших его из «Енисея» и, судя по всему, получивших задание проводить обратно, а после – к трапу самолета, репортер подпустил шпильку.

– Ну, у вас и хозяйка, ребята!

– Нам нравится.

– Я и говорю – просто замечательная!

– А у нас здесь все «Просто», – буркнул один из сопровождающих, открывая перед гостем заднюю дверцу.

сентябрь 2016, Красноярск- Санкт-Петербург

Получать от ворот поворот – не самое приятное занятие. Это с одной стороны. С другой, убраться подобру-поздорову – далеко не худший вариант. Главное – поздорову. При своих интересах, ногах, руках и голове.

Приятно удивило расписание: ближайший и кратчайший по времени рейс из центра Сибири до Мурманска предполагает пересадку в родном городе. Удивительно, но факт: чтобы попасть в самый северный порт страны, сперва надо оказаться в едва не самом западном. Тщетно пытаюсь скрутить из нижних конечностей подобие кукиша, Борис подумал: рановато упразднили инквизицию. Некуда применить новоизобретенные орудия пыток. «Ведьмин стул» в сочетании с «испанским сапожком» на фоне сегодняшнего стандартного самолетного сиденья показались бы вполне безобидными.

Между прочим, изобретатели всем известной школьной парты отлично владели древним знанием: чем неудобнее сидеть, тем лучше усваивается урок. Парадоксально, но истинно... Страдая в тесноте и узости просторного с виду лайнера, корреспондент постарался извлечь максимум пользы из минимума удобств. Короче говоря, подумать.

Она утверждает... Да мало ли чего она утверждает. Говорит, сообщает... Факты фактами, но у него – свое видение и

своя оценка, и от фактов никуда не убежишь. Она была там, в злосчастном «Гарварде»? Была. Ее «приглашали»? Приглашали. И сын, двадцати лет от роду, удивительно похож на кого? Да на него, подлеца, того самого «Тревиля», будь он неладен. Хотя куда уж неладнее... Все перечисленное вместе имеет вполне определенное название: мотив. Не «ламца-дрица, гоп-ца-ца», а причина, побуждение к свершению конкретного деяния. Мести. Почему не сразу? Зачем было столько ждать? Элементарно, Ватсон! Спешка тут ни к чему. Надо собраться с силами, поднакопить денег, все хорошо подготовить, организовать, чтобы комар носа не подточил.

Наша Ольга заявляет, «в уме и памяти» – ни сном, ни духом... Свежо предание... у нее есть главное – воля, силы и средства. Во-первых, она богата. По-настоящему, всерьез. Ее средств вполне достаточно для покупки средних размеров города со всей промышленностью, транспортом и газетами, отправки на орбиту небольшого спутника. А заткнуть рот любому прокурору, телевизору и радио – еще легче. Репортеру... «Рассветный гламур», надо же!

Хватило бы их, этих самых средств, на организацию серии несчастных случаев вместе с самоубийствами? Более чем. Но – сделала она это или нет? Личное участие исключается – все жертвы знали ее лично и могли вспомнить в самый неподходящий момент. Да и зачем ей самой куда-то ехать, толкать под поезд, прыгать с парашютом? Есть подготовленные, тренированные люди. Заплати – и все. Встает еще во-

прос молчания исполнителей... Тоже преодолимо – у них своя этика. А уж воля... Этого качества его новой знакомой за глаза хватит на десяток мужиков.

Получается – нашел? Получается, так. А доказательства? Их как не было, так и нет. Кроме, того, один нюансик все-таки не укладывается: как быть с «героиней Моэма»? Дамочка-парашютистка, назвавшаяся Джулией Ламберт, англичанка или американка, в чисто отечественную схему не вписывается... А может, так и задумано? В расчете на чересчур умного то ли опера, то ли иного следопыта? Вот тебе, дружок, импортный следок... А импортный он лишь внешне.

Ищи, Джульбарс!.. Шарик, ату, фас, взять! Гав-гав-гав, побежали... Куда бежим, ребята? Гав-гав, все равно куда, лишь бы побыстрее! Куда она, якобы иностранная исследовательница сокровищ Эрмитажа, подевалась? Кстати, в Эрмитаже о ней и не слышали...

Итого, на сей момент мы имеем вполне вероятного организатора годичной эстафеты с выбыванием. Успешно завершённой – выбыли все участники, до единого. Нет, до единой. Как раз ее, единую, никто не тронул. Почему? Она, «Миледи», непосредственного участия в тех «танцах» не принимала. А снабженческий аспект? Кто, как не она, вводил жертву в заблуждение, подталкивая к последней черте? И ее – не тронули. Или – пока не тронули? Вот задачка, елки-палки! Голову сломаешь...

Пулково, как и положено осенью, принял неласково. Унылый дождь не прекращался ни на минуту, и Борис мигом продрог и промок до нитки. Никакой порт заодно с музейным ледоколом в такую погоду не привлекали, а предстояло еще пересаживаться, опять корчиться на эконом-сиденье... И тут запиликал мобильник.

– Здорово, жаба-путешественница! – бодро поприветствовал главный, – Добрался уже до своего Мурманска?

– Никакой он не мой. Он общий, – шутить почему-то совсем не хотелось, – И почему это я жаба?

– Видишь ли, Боря, я хоть тоже учился понемногу, но, видать, не доучился. Мужской род к «жабе» подобрать не могу.

– Его просто нет. Даля почитай.

– Почитать следует, отрок, земли родной святыни! Мать, отца... Короче, сдавай билет.

– Умеешь ты, Гриша, завернуть подарочек! Какого?

– Ты у нас законопослушный, да? Телефончик в полете выключаешь?

– А как же! Он у меня там и не берет, вообще-то...

– Ну вот. Тебе звонили, из Мурманска. Нет там твоей желанной.

– Нет? Как это – нет? И почему желанной?

– Всех желаннее на свете нам Надежда лишь одна... Просили сильно извиниться. Мадам Григорович, бывшая Самохвалова, она же Кучеренко, давным-давно вернулась в родную столицу автономно-независимой Карелии. Заезжай, по-

калякаем...

«Калякал», разумеется, главный, а журналисту пришлось выслушать не самые приятные выражения. Гриша был непривычно категоричен: «Хочешь работать нормально – работай. Не хочешь – гоняйся дальше за своими синими птичками, но предварительно давай сюда заявление: прошу, мол, предоставить... и так далее. Ты у нас, конечно, звезда и все такое, а мы, лапти калужские, до небес не дотягиваем. Дружный коллектив спонсоров дал понять – куда-то ты уж слишком круто вляпался. Не обессудь. Крылья резать не буду, удостоверение остается при тебе, но газета мне дороже».

Так, понятно. Значит, все-таки она. Царица Сибири, бывшая «королева бала».

– А в Петрозаводск съездить можно?

– Я ж говорил – хоть на Камчатку. Катись, глаза б мои тебя не видели...

Глава двадцать четвертая

сентябрь 2016, Петрозаводск

Трижды сменившая фамилию Надя отыскалась до смешного легко. Во втором по величине граде Петра швейных заведений оказалось немного, и лишь одно из них носило гордое имя «Надежда». Как и следовало ожидать, владела и заведовала сим предприятием именно искомая дама. Борис без излишних церемоний и предварительных звонков отправился по выданному службой справок адресу, на перекресток улиц двух вождей, вечных на постсоветском пространстве – Вовы Ульянова (Ленина) и Сережи Кострикова (Кирова).

По пути в кабинет директора Григорович Н.С. не встретилось ни охраны, ни вахты. Постучал и вошел. В кабинете, декором скорее напоминающем светелку рукодельницы-кружевницы, о чем-то оживленно щебетали три женщины в синих фартуках.

– Разрешите?

– Заходите, заходите, – отозвалась одна из швей, – Вы ко мне?

– Если Вы – Надежда Прокофьевна, то к Вам.

– Хотите сшить костюм? Для вашей фигуры есть отличные варианты. О цене не волнуйтесь, договоримся...

– Нет, я не по поводу одежды.

– Жаль. А по какому тогда?

– Простите, можно с Вами поговорить, как бы это...

– Наедине? – она посмотрела внимательнее, – Можно, конечно. Минутку подождите в коридоре, хорошо?

Собеседницы хозяйки «Надежды», выходя из начальственного кабинетика, откровенно смерили визитера взглядами и хором притворно вздохнули. Весело работают девушки! Даже завидно.

– Ну, какие новости? – заметив недоумение гостя, костюмная мастерица спохватилась, – Разве вы не от Гарика... Игоря?

– Нет, я сам по себе. Я с ним незнаком, но он, наверное, мог бы и без гонца сообщить о новостях. Позвонить, или по скайпу, эс-эм-эс...

– Так вы не в курсе?

– Абсолютно! Игорь – это кто?

– А вы кто такой? Шить не хотите... Что вам тогда понадобилось в швейном ателье?

– Извините, не имел возможности, – Борис наконец представился.

– Газета? Петербург... Странно. Будьте добры, поподробнее...

Излагать подробности корреспонденту не полагается, о чем он вежливо проинформировал «желанную». Услыхать таковые – наоборот, и побольше.

– Речь идет о нескольких загадочных происшествиях с вашими бывшими однокашниками.

– По университету? У нас в этом году как раз была встреча выпускников, все живы-здоровы... Никаких загадок.

– Нет, чуть раньше. Вы ведь до того учились в колледже? В Питере, на Новой Гвардейской? Его еще называли «Гарвард?»

– Д-да... – она нахмурилась, – Было дело... Я уже и не помню никого оттуда...

– А мне почему-то кажется, должны помнить, – и репортер мысленно сравнил свою настырность с упорством хирурга, вскрывающего гнойник. Без боли не обойтись, – Я назову фамилии: Тришин, Портнов, Гасенко...

– Нет! Не продолжайте.

Надежда встала, сложив руки на груди. Гримаса, искажившая красивое лицо, выражала то ли ненависть, то ли презрение пополам с брезгливостью.

«Ага, задело! Помнишь, все помнишь...» Но радости от находки искатель не испытал.

– Вы... Вам лучше уйти.

– Простите, не могу. Я недорассказал. Причина моего приезда не в прошлом. Вас тогда обидели, об этом не будем. Понимаете, эти... с ними кое-что произошло. Они, все пятеро, мертвы.

– Как? Все сразу?! – ее удивление показалось совершенно искренним. Швея снова села, глядя на него широко раскры-

тыми глазами.

– Ну, не сразу... Скорее по очереди. В течение года.

– Их... Они...

– Хотите спросить, их убили? По-моему, да. А Вы знаете, кто мог это сделать?

– Но этого не может быть!... Игорь...

К слезам журналистам не привыкать, жилетка должна быть всегда наготове. Жилетов Боря не носил, а вот пара носовых платков пришлась кстати, ибо собственный кружевной лоскуток хозяйки промок мгновенно.

Игорь Самохвалов, Надин старший брат, первый срок получил в далеком девяносто третьем. «Он хороший, честное слово. В школе учился на «четыре и пять». Ну, почти. В армии не служил. Из-за слабого здоровья. (Скорее, имели место нелады с законом, – прикинул журналист). Боевой был, задиристый. Подерется, а потом отец ходит, просит забрать заявление из милиции. Забирали. Но не все. Одному мальчику очки разбил, глаза пострадали. Тот сам виноват, зазнайка... А после перестройки связался с плохой компанией. Он рано научился ездить на машине, и в спортзале всегда занимался. Тогда спекулянты начали гонять иномарки, у нас в Карелии было два финских перехода. Они с друзьями на «Лютте» караулили машины получше, тормозили, уговаривали отдать. Нет, никого не избивали, нет-нет. Сами соглашались. Ребята крепкие, с цепями, могли и ножик пока-

зять. На испуг брали. И попались, конечно. Ему дали меньше всех. Он смеялся: сразу стал блатным, кличку определили, «фонарь». При задержании хотел вырваться, ну и получил в глаз. Как в камеру зашел, тут же окрестили. Эй, говорят, «фонарь», посвети, а то темновато... Освободился как раз перед моим выпуском из колледжа. Эти, «мушкетеры»... да Вы, наверно, и так все знаете. Я домой приехала на выходные, сама не своя. Он спросил: «В чем проблема, сестренка?» Я не выдержала, расплакалась. Рассказала. Он фото, где меня... увидел, забрал. Они дали: «Смотри, если пикнешь, на весь свет прославишься!» Я и молчала... Только ему. Игорь сказал, ладно. Мочить не буду, по-другому разберемся. Хочешь в Москве учиться? Выбирай универ, любой. На платном, обеспечу. Через месяц, в середине лета, денег дал. Пять тысяч. Да, долларов. Он зовет «зелень». Хватило. И потом, пока училась, каждый месяц давал, когда триста, когда четыреста. Говорил, стипендия. Родители бы не осилили. А сам? Учиться с судимостью никуда не брали, а работать? То же самое. В общем, опять взялся за свое. И его... Взяли. На пять лет. Деньги? Да, еще приносил, когда отсидел, вышел. Четыре года, мне давал по пять сотен в месяц. Я отказывалась – уже замужем была, все в порядке. Нет, говорит, бери. Потом как отрезало. Пришел серый весь, расстроенный. Соскочил, говорит, сука! Ну, еще поглядим. Но он не мог, понимаете? Убить – нет, никогда! Да и вообще, вы сами сказали, с ними на протяжении года? А у него же,

как это, алиби! Он в колонии, в первой, в Навоицах!.. Я и подумала – вы от него весточку принесли... Там строго... Третий год. Семь дали. Теперь раньше не выпустят, у него статья за фальшивые деньги. От финнов как-то переправлял. И наши, и эту, «зелень»... Шантаж?! Какой шантаж? Это же преступление! Да, он брал деньги. Скорее всего, у кого-то из них... Но они ведь виноваты, разве нет? А мне кажется, он правильно делал! Да не знаю я, где они живут... Да, жили, извините. И знать не хочу. Для меня того... вечера танцев как не было. Я забыла, забыла, ясно вам?! И не надо меня мучить, пожалуйста. И прошу вас, не пишите обо мне ничего! Я не разрешаю! Это мое право, разве нет? Извините, я не могу больше говорить. Уходите».

сентябрь 2016, Карелия

Итак, шантаж – преступление, а вымогательство у богатого преступника денег за содеянное зло – категория иная, деяние допустимое, нравственное и полезное. «Разве нет?» Действительно, точка зрения способна изменить мир до неузнаваемости.

Борис вспомнил собственный опыт подобного преобразования. В возрасте неполных пяти лет он, прослушав «Волшебника изумрудного города» в бабушкином ролевом прочтении, взял тайком ее же очки, покрасил зеленкой... Эффект превзошел все ожидания. Сказались и нешуточные диоптрии – окружающее предстало одновременно чудесным и пугающим, контуры предметов размылись, расстояния исказились. Часа два мальчик бродил по дому, натываясь на мебель и восхищено шепча наиболее запомнившиеся сказочные имена: «дровосек», «страшила», «гудвин»... Волшебство закончилось слезами – вернувшаяся с работы мать очки отняла и на совесть отшлепала фантазера.

Оказывается, и вполне взрослые люди способны придумать себе нечто вроде таких вот очков. Интересно, как на эти вещи смотрит сам исполнитель, разбойник и благодетель в одном лице?

Попасть в учреждения, стыдливо именующиеся «исправительными», можно двояко. Первый путь – самому натво-

ритель нечто, подпадающее под юрисдикцию пенитенциарной системы, быстренько сознаться, получить срок и место на нарах – Бориса не устраивал. Кроме очевидных неудобств, вряд ли угодишь туда же, где «чалится» потребный субъект – осужденный номер такой-то, статья и так далее. «Зон» великое множество, а до права выбора места заключения борцы за свободу личности пока не додумались. Значит, надо идти другим путем, более трудным, зато более верным.

Обе попытки проникнуть в карельскую колонию номер один, воспользовавшись нахальством и репортерским доверием, закончились плачевно. В первый раз журналиста вежливо попросили выйти за дверь. А во второй... Дежурный офицер, ни слова не говоря, нажал какую-то кнопку. Через сорок пять секунд Борис уже попал, куда хотел, только горько пожалел об этом. Его крепко обняли, руки завели за спину, надели наручники. Заветную картонку изъяли, заодно с телефоном, фотоаппаратом, диктофоном и записной книжкой. Запальчивые речи с элементами угроз сами собой иссякли при виде пары увесистых кулаков и продолговатых резиновых предметов под названием «РП», иначе говоря, дубинок.

Его поместили в комнату без окон, где из мебели имелась лишь неширокая скамья. Удобства предоставлялись регулярно, в сопровождении явно глухонемого конвоира.

Как мало нужно человеку для прояснения сознания! Сутки в прохладном помещении – и мысль течет ровно, пра-

вильно и законопослушно. Ровно через двадцать четыре часа усмиренного бунтаря вывели на волю, вернули отнятое и спросили: «Все еще хотите к нам прямо сейчас?»

Машина, как оказалось, была задержана одновременно с хозяином. Ее Борис нашел на охраняемой стоянке в километре от ворот заветной зоны, у берега пресловутого Беломорканала. И покатил в родные пенаты.

сентябрь 2016, Санкт-Петербург, Карелия

Лесть действует на полицейских начальников абсолютно так же, как и на безработных портних без определенного места жительства. Секретарша важного Бориса Брониславовича, узнав о цели нового репортерского визита, ничем не вызвала удивления – сняла трубку, задала вопрос, зашла в кабинет, через минуту вышла и молча кивнула: проходите.

– Здорово, здорово, писатель! Не можете без нас, грешных... Ладно, попробую помочь. Садись, отдохни.

Листая справочник и набирая номер, БиБиСи с удовольствием оглядел аккуратно причесанного свежевыбритого журналиста, на сей раз одетого в приличный костюм. И ботиночки блестят, и галстук в тон. Умеют, когда захотят!

– А ловко ты его раскусил, молодец! Надо же, «Золотая рыбка»! Прямо старик и море... Порыбачить он, вишь ты, собрался... У границ Финляндии... а может, Швеции... или Дании. Ничего, на нарах дорыбачишь... А тебя, стало быть, в колонию не пустили? А тебе не терпится? Хочешь, устрою годика на полтора? Шучу, шучу... Алло!... Ростик, это я. Узнал? Долго буду? Ну, твои бы слова...

Неприступные стены колонии, официально именуемой «УЖ .../...» видывали многое и многих. Гордых и покор-

ных, наглых и униженных. Но чтобы изгнанный сегодня с позором завтра триумфально возвращался – такого им видеть пока не доводилось.

«Их тут, не иначе, клонируют...» – подумал Борис, когда его встретил у ворот серьезный мужчина в форме, внешне неотличимый от такого же неразговорчивого стража, накануне выгнавшего настырного репортера взашей. И еще одного, днем ранее определившего «на постой» или «на сиделки» – как ни назови, а вспоминать неприятно.

На сей раз посетителя проводили по пустынному коридору и впустили в комнату, отличавшуюся от давешнего приюта наличием зарешеченного окна и разнообразием мебели. Здесь стояли две табуретки со столом посередке, а также стул со спинкой у двери, на котором с относительным комфортом разместился Борин провожатый. Украшением стола служила не ваза с осенними запоздалыми цветами, а плоская консервная банка, очевидно предназначенная на роль пепельницы.

Минут пять прошли в полной тишине, изредка нарушаемой безответными журналистскими вопросами на тему колониального житья-бытья, температуры воды в канале, остроконечных сосен ресниц над голубыми глазами озер и тому подобного. Потом дверь открылась, и в сопровождении очередного клона возник объект газетного интереса.

Борис ожидал увидеть колоритного, сплошь татуированного, развязно ухмыляющегося тертого зэка. А вошел муж-

чина совершенно обычного вида, одетый в расстегнутый серый ватник поверх серой же рубашки, аккуратно заправленной в брюки аналогичного цвета. Среднего роста, коротко стриженный, довольно гладко выбритый...

«А разве бритвы у них не отнимают?..» – подумал журналист, как будто больше думать было не о чем. Никакого сходства с сестрой в сидельце не наблюдалось.

– Сорок пять минут! – провозгласил близнец со стула, – Меньше можно, больше – нет.

Второй, как по команде, вышел за дверь.

– Здравствуйте, Игорь Прокофьевич... Я, – почему-то робея, начал Борис.

Самохвалов-старший, не отвечая, прошел к столу, уселся на табурет и без улыбки посмотрел в глаза.

– Знакомиться мне с тобой без надобности. Давай, рассказывай, зачем явился. Газетчик, значит? С вашим братом пока не пересекался. Ну?.. Ах, вон оно что! Предания давно минувших дней... Прошное ворошить не годится, но раз уж приехал, и не для печати... слушай, да куревом снабжать не забывай. Сестренка попала в беду, было такое. Рассказала, а как же. Правильно сказала. Брату, не мамке с папкой. Те подняли бы бучу, а толку? Там же все схвачено, никому ничего не докажешь, зато ославят на весь свет. Опозорят дуру, в бляди запишут. Не отмоешься. Нет, никому не угрожал. За каким хером? Вымогать? Ты, фраер, за кого меня держишь? Счас я вот прямо тут себе еще одну статью примерю... День-

ги? Какие деньги? А, Надьке на учебу... Так он сам давал. В займы, типа одолжал. Я отдам, зуб даю. Когда? Ну вот, как с ним договаривались. Не сразу, понятно. А ты сам ни у кого не одалживал? Не, ты не думай, я его не кидал. Как только смогу, сразу и отдам. Какие расписки? У нас по-честному, на слове. Кто сказал – соскочил? Почему – сука? Я такого не говорил. Она сказала? Выдумывает. Баба – она баба и есть. Какая им вера? А с ним давно никаких дел. Как с кем? Ты не знаешь? Ну и не надо... Какие пять тысяч? Долларов? Финских?! Ну, ты придумал! У них же евро, не забыл? А, этих... Так бы и сказал – блины. Не знаю, я их не делал. Ну, возил, в приговоре все есть, почитай. В Москве? Пять тонн? Да ну, не гони. Я и не знаю оттуда никого. Там своя епархия, мне туда ходу нет. Ладно, давай вернемся...

– Послушайте, Игорь... Гарик... Я понимаю, называть те ваши действия... твои дела шантажом не следует. Тем более за давностью...

– Повторять не буду. Мне довески ни к чему.

– Получается, деньги вам... тебе давал один человек, – и тут Бориса осенило, – Это Тришин? Владимир Егорович? Отец? Ну, конечно...

– Сразу не допер? Эх, ты, дурилка... А еще газетчик!

– А если бы не дал, ты слил бы... обнародовал фотографии?

– Да там всего одна и была. А сливать – какой прок? На понт взял, он и обосрался. Он же делега, с мэром ручкался,

в депутаты метил.

– А потом, когда ты повторно освободился, он уже никуда не метил... После второго инфаркта? Все изменилось, и он бояться перестал.

– Складно. Ну, давай дальше, я сказки люблю...

– Ты пошел к сыну, а тот отказался? Так?

– Никуда я не ходил. С тем петушком дел не имел. Не надо шить по-пустому.

– Значит, не знаешь, кто их... Почему они...

– Не знаю? Не знаю и знать не хочу. Пошли они... А ты это о чем?

– Видишь ли, – сказать, не сказать? А, была не была! Вдруг проговорится? – Видишь ли, они все покончили с собой. Суицид. Ну, самоубийство.

– Ни фига себе! Ну, братан, порадовал! Что, сразу чохом?! Сами? Есть Бог на свете!

– Нет, по одному. За год.

– Неважно. Во как бывает... Не врешь? Поклянись!

– Гадом буду! – не зная, какие клятвы приняты в уголовной среде, Борис выбрал наиболее, с его точки зрения, подходящую, – А ты точно не знал?

– Век воли не видать! – продемонстрировал эрудицию собеседник, – Так вот откуда ты нарисовался... Ментам подработать решил. Думал, Фонарь тут раззвонится...

– Нет, никому помогать я не собираюсь. Мне самому надо, для статьи... Понимаешь, если они не сами... если их кто-

то...

– Прижмурил? И знал бы я – думаешь, тебе бы напел?

– Но если это убийство... – при этом слове глаза и уши скучающего у двери стража как бы сами собой сфокусировались на беседующей парочке, – То нельзя же...

– Ну, ты ж сам сказал – о мочилове там речи нет. А коли и так – от меня тому кенту большой респект и уважение. А ты хочешь его найти, зарисовать и сдать? Эх, ты... Да ему спасибо сказать надо!

Надзиратель слегка кашлянул и выразительно посмотрел на часы.

– Все, поговорили, – заключенный поднялся, – Будь здоров, писатель. Махры подсыпь, за прослушку сказок.

– Спасибо, – Борис достал нераспечатанную пачку, но, краем глаза заметив отрицательное покачивание охранной фуражки, высыпал ее содержимое на стол.

Зэк аккуратно убрал сигареты в карман и, не прощаясь, пошел к двери. Серая фигура могла бы дышать достоинством; впечатление слегка портили скрещенные за спиной руки.

Фонарь шел по зоне, как по пустыне. Земля жгла ноги, воздух драл глотку. В голове стучало, в груди будто кол торчал. Умение не выдать чувства, стерпеть – одно из главных, чему учит тюрьма, срок. Дойти до шконки, лечь и расслабиться. Хотелось петь и плакать одновременно. Есть, есть

Бог на свете.

Тогда, щенком выйдя с первой отсидки, он был как громом – да какое громом – самым страшным снарядом поражен. Надюху, его маленькую сестренку, какие-то подонки взяли на хор, изгадили... Первая мысль была – сразу, сей же час поехать, найти и задавить, порвать на куски. Всех. По одному, начиная с их главного сучонка, «Тревиля».

Надо же, какое погоняло придумал себе, пидорок. Да он бы пидором и стал, окажись не то на зоне – в любой малолетней крытке. Таких дырявят в первые полчаса, опускают ниже параша, без вазелина. Только кто ж его посадит? Хоть сто раз разопнись перед мусорами – ни черта не выйдет... Да и кто он, Фонарь, тогда был? Меньше пустого места. Сейчас – куда ни шло. Не коронован пока, но вполне в законе. На зоне уважают. Не за слова – за дело.

То, далекое, вспоминать не хотелось. Пошел по-мелкому, себя не обдуришь. А вообще-то, все путем. Взял жирного кабана за сальный бок, чуток припугнул – и ништяк. Шантаж? Дурак ты, газетчик. Он сам рад был отдать хоть миллион, лишь бы ничего не выплыло. Его пащенок с подельниками – мелочь пузатая, с них и взять нечего.

А этот, пахан, деловой был. Он, Фонарь, знал бы, больше раскрутил. У самого пороху было – кот наплакал. Думал, десять тонн баксов сорву, зашибись! Половину Надюхе дал, а как же. Мочалку не починишь, так пусть хоть выучится, человеком станет. Она, правда, не подвела. У сестры все по

жизни нормально, и то хорошо. Дальше шло как надо, пока не замели по третьему разу. Старый платил исправно, не кочевряжился. А тут Гарик откинулся, и к нему: давай, как обычно, с премией... Облом, блин! Я, говорит, уже не при делах. На пенсии, все. Не понял? Так сын-то, фирма сейчас на нем, пусть сам с тобой и разбирается. Ты на него катишь? Ну так и кати, он таперича за рулевого. Телефон знаешь. Давай, звони. А я и так скоро помру, прости-прощай...

Вспоминая сволочный разговор, Фонарь опять заскрипел зубами от бессильной злобы. Он нашел автомат в тихом месте, позвонил, изложил суть. Десять тысяч сразу, по одной каждый следующий месяц. В ответ послышался ехидный смешок.

– Ты, чудило, когда родился? – лениво растягивая слова, спросил бесстрастный голос, – Фотки у тебя? Открой интернет, загляни. Там таких на каждом порнушном сайте миллион, с оралом, аналом, группухой... На любой вкус. Хочешь совет? Иди домой, достань свои картинки, подрочи и успокойся.

А потом ему добавили. Говоривший, похоже, забавлялся: «Так тебе денег надо? Ну, залупил, братан... А-а-а, так ты, наверно, братан и есть? Муж – исключено... Для папашки – голос у тебя молодой... Куз-э-эн... Которой, если не секрет?... Молчишь? Скажи, не томи. Я припоминаю, там у нас и правда не все сиротки были... Не, не помню. Так не скажешь? Жаль. Ну да ладно, будь по-твоему. Тебе, правда, не

дам, а ей – очень может быть. Пусть приходит, поработает... Она ж, скорей всего, не забыла, чему ее обучили? И заплачу, по таксе. Сотка в час – устроит?.. Нет, многовато. Ей же сколько? А, ну да, как мне, значит, бэушная... От выработки, иначе никак. Не устраивает? А ты чего скромный такой? По телефону, даже не с мобилы, с автомата... Сцышь? Давай, подходи, испугай меня. Поглядим, у кого яйца круче... Заодно хуями померимся!»

Тогда и возникла мысль – мочить, мочить уroda! Фонарь пару раз вертелся у склада, офиса, даже к дому на Васильевском подруливал. А подойти, как захотелось в горячке, глянуть в подлые zenки, ткнуть шилом – духу не хватило. Признаваться не хотелось даже самому себе, но кишка оказалась тонка.

И теперь, узнав от журналиста – кто-то отомстил за сестру, покончил со всеми разом, испытывал двойственное чувство. Радость, облегчение боролись со стыдом от давней слабости. Как он сказал? Покончили с собой? Это вряд ли. Надо понимать – убили. Всех. Значит, и этого, наглого козла. Кто же сподобился? По Надькиным словам, ее не одну тогда... Значит, и мстить есть кому, кроме него. Да... Узнать бы – в ножки упасть, и только. Ничего-ничего. Мир тесен, может, и свидимся когда. Если не на этом свете, на том – точно.

А касательно финских зеленых «блинов»... Типа, там всплыло пять тонн похожего товара... Ну, газета, насмешил! Чтобы Фонарь вот так, за здорово живешь, сболтнул про

свои московские каналы?! И вертухай сидит, мотает на ус... Держи карман шире, пригодится ветер ловить. И все же – откуда? Жаль, не расспросил подробнее о всплывших в столице фальшивках. Точно финские? А вдруг подельники распознали, вырыли заветную заначку?

У Фонаря, на голубом глазу отрицавшего всякую связь с московскими корешами, имелась там надежно законспирированная нычка, где дожидалось две заранее изготовленных «куклы». Каждая по пять тысяч, с настоящими бумажками по краям. Неужто какая-то крыса откопала? Спрашивать нельзя, и Надюха тут не подмога. Вот падла! Теперь придется все оставшиеся годы сидеть с этой занозой в жопе...

Еще об одном бывалому зэку думать не хотелось. Начни он по прошествии стольких лет заниматься планированием и осуществлением акта возмездия, одному такое не потянуть. Придется искать помощников, да не по родным краям, где все и все знакомы, а черт-те в каких селах-городах. Станешь налаживать связи, тут и поднимется вопрос, вполне закономерный. Он сам точно бы спросил: а с какого перепугу тебе, братуха, эта обида только сейчас зачесалась? Два десятка лет терпел, и наконец созрел? Подозрительно... А узнай кто: он вместо крови с паскудников деньгами брал – век не отмоешься. Надо же, Фонарь-то наш каков! Учудил так учудил – сестрой торговать!.. Тогда не корону – петлю впору примерять... Значит, надо молчать и дальше.

сентябрь 2016, остров Котлин

Без толку намотанные на кардан километры не способствуют хорошему настроению. Только-только поймал зацепку – вот, кажется, потянешь, размотаешь клубочек... Ан нет, опять обрыв, опять все сначала. Конечно, целиком и полностью верить словам матерого уголовника не годится. И все же ясно главное: не он. И не она, в смысле – не Надежда, его сестра. Если кто-то действительно продуманно, скрупулезно организовал убийство бывших «мушкетеров», то семейство Самохваловых тут ни при чем.

Имело место многолетнее вымогательство, и злобу после непредвиденной ликвидации сего предприятия тоже не вычеркнешь, но и только. Разумеется, при желании и некоторых материальных затратах Фонарь теоретически смог бы устроить нечто подобное, но на деле – вряд ли. Ибо сам факт бывшего шантажа ставил зэка в весьма двусмысленное положение, в первую очередь в глазах уголовной шати. Если бы воровскому сообществу стал известен истинный расклад и роль заботливого братца, такая «отсрочка» мести могла выйти боком самому мстителю. Да, эти отпадают. Значит, предпочтение надо отдавать сибирячке... А ее – не ухватить. Получается – все, приехали. Ничего существенного из этой истории больше не выкрутишь, надо подчищать концы, рисовать туманный сюжет. А всего разумнее – послушать Гришу,

бросить дохлое дело и заняться чем-то более животрепещущим.

Мобильник ожил как всегда неожиданно.

– Бориса Позоркина позовите, если можно... это участковый Стеклышкин.

– Извините, его сейчас нет. Был, да весь вышел.

– А кто же со мной говорит?

– Говорит Москва. Московское время...

– Ну, если парашют ему больше не нужен...

– Какой парашют?! Миша, я в Карелии, буду через полчаса!

– Ага, и полгода. Загляни, нашлась твоя тряпка.

– Запаска, что ли? Желтая? – эх, Блесна, Блесна... накрылась-таки твоя палаточка!

– Почему запаска? Нормальный, основной парашют. Красный, с синей полоской... Был. Ты заезжай, сам увидишь.

Пожимая мужественную полицейскую ладонь, Борис искренне порадовался за прекраснозубого бомжа. Ну да, отрезал, стащил бывший мичман нераскрытый парашют мнимого самоубийцы. Скроил вигвам и в ус не дует. А и не отрезал бы? Почему-то не оставляли сомнения в неотвратимости всестороннего расследования и тем более успешного поиска виновницы смертоносного трюка с клеем.

Капитан в пасмурном полумраке прямо-таки светился от радости и гордости.

– Вот, полюбуйся. Вчера один приезжий чудак выловил.

– Приезжий?

– Ну да. Среди местных в здешних водах удочки зазря мочить – дураков нет. Тут рыба может, при Петре была... А может, ее еще шведы извели.

– Иностранец, что ли?

– Ага, с Байкала. Корюшку решил поймать, надо же! Я ему показал вяленую, он со смеху чуть не умер. Это рыба, говорит? Обещал омуля притаранить. Только мне не верится...

– Правильно не верится. Омуля тоже выловили, при Екатерине... – Позоров потыкал носком кроссовка в мокрую серо-буро-малиновую грудку, сваленную в углу участкового двора, – Говоришь, красный с синей полосой?

– Ага. За месяц – видал, какая радуга образовалась? Где ж там рыбе в таком рассоле выжить...

– А вы его растягивали? Сильно слипся?

– С какой стати ему слипаться? Растянули, измерили чин чином. Где-то шесть с половиной на три метра, я в этом не понимаю, а спец из клуба сказал – на девять секций.

– И он тоже растягивал?

– Мы вчетвером расправили, он поглядел, говорит: купол вполне исправный... был. И стропы все целые. Короче, начальная версия подтвердилась. Суицид.

– И никаких посторонних предметов, веществ?

– Ну, я ж тебе говорю – сказал, исправный.

– То есть экспертизу назначать не будешь?

– Нет, конечно. Зачем? Прикинь – мне что, заново дело открывать? На каком основании?

– Ясненько... – протянул журналист, понимая: капитан абсолютно прав. Никаких посторонних следов не будет, ведь цианоакрилатный клей при всех его достоинствах отнюдь не водостоек. И за месяц в морской воде от него не осталось ровным счетом ничего. Ничего!

– Слушай, Боря... Не в службу, а в дружбу. Тут наш Джек-потрошитель хотел с тобой поговорить.

– Кто-о-о?!

– А, извини. Женя Путрошкин, трупорезчик.

– Патологоанатом?

– Так точно. Вчера в редакцию звонил, тебя на месте нет.

– Правильно, я там почти и не бываю.

– Так я ему твой мобильный дам?

– Давай, без проблем. Пока!

– Счастливо.

Глава двадцать пятая

октябрь 2016, Санкт-Петербург

Есть люди, профессионально склонные наводить в окружающем мире полный порядок. К ним принято относить всех без исключения командиров танковых войск, а также лоцманов, авиадиспетчеров и трамвайно-троллейбусных контролеров. Довольно часто подобные аккуратисты встречаются и среди судебных медиков. Им надо все разложить строго по ниточке-линеечке, где каждой косточке и сосудику свое место. Если что-то не укладывается, такой педант не успокоится, пока не отыщет причину несоответствия. С одним из них и свел Бориса островной участковый после беседы над грязной мокрой тряпкой, не так давно имевшей совсем другой вид и назначение.

Весь творческий люд, и газетчики в том числе, склонны пожизненно гоняться за Синей птицей, однако суп из нее не сварить, как ни ухищряйся. Она хороша в качестве вечного стимула к странствиям, поискам и приключениям, а кушать хочется, причем каждый день. За ненаписанную статью гонорар не полагается, и любой журналист бывает рад малейшей возможности подзаработать. Чего-то серьезного от разговора с одним из «лучших диагностов», как с долей иро-

нии величают патологоанатомов остальные медики, Боря не ожидал. И в городской морг отправился без особого воодушевления. Но нос почему-то чесался.

– Понимаете, Борис... э-э...

– Просто Борис.

– Так вот. У нас ведь работы непочатый край, вечная запарка. На все... гм... тела опытных специалистов не хватает. Поэтому, случаи попроще, где все очевидно, достаются стажерам. Я их курирую, просматриваю акты, чтобы не пропустить явные ляпы. Извините, я, наверное, слишком углубляюсь?

– Ничего-ничего, подробности лишними не бывают.

– Правильно, это – по-моему. Да, м-м... так вот...

Если опустить междометия, информация «трупорезчика» свелась примерно к следующему.

Умерла пожилая женщина. Впрочем, пожилая – это мягко сказано. Заслуженный деятель отечественной науки, лауреат и орденосец, член-корреспондент и прочая и прочая не дожила до полного века всего три года. При этом передвигалась на своих ногах, опираясь на антикварную трость черного дерева. Питалась кашкой, кефиром да протертыми овощами, ибо зубов не имела лет двадцать. Что интересно, сохраняла полную ясность мысли, неплохо видела, много читала и даже изредка писала. Писала от руки чернильной авторучкой с золотым пером, такой же древней, как сама. Компьютерные премудрости осилить не смогла, использовала умную элек-

тронику исключительно в качестве пищи машинки. И сотовая связь старушке не далась, в квартире стоял архаичный дисковый телефон с оглушительным звонком. Сухонькая, щуплая бабушка, разумеется, имела полный набор полагающихся по возрасту хворей. Время от времени то одна, то другая болячка обострялась, приезжала «Скорая», делала уколы, и жизнь продолжалась. Старушка вечно жить не собиралась, относилась к данному факту философски и оформила потребный документ. Завещание. Надо сказать, завещать ей было чего.

– Не утомил? Курите, курите, у нас не возбраняется. Я тоже, с вашего позволения, – прозектор безрезультатно пощелкал зажигалкой, – Так вот, изначально все нажитое непосильным трудом предполагалось м-м... передать по обычаю, сыну. Он – человек достойный, серьезный. Научный деятель, доктор наук, профессор. А потом обстоятельства слегка э-э... изменились... – «потрошитель» наконец добыл огонь, прикурил, – И вот, тихо и спокойно отошедшую в мир иной старушенцию осмотрел участковый врач. Ничего особенного в смерти, наступившей м-м... дома, в своей постели, доктор не усмотрела, и я ее понимаю – в таком возрасте, при таком букете болезней... Было выдано свидетельство о смерти. Состоялось и э-э...

– Вскрытие?

– Правильно – экспертное исследование трупа.

– И выяснилось...

– В том-то и дело! Ничего не выяснилось. В общем и целом – обычная домашняя кончина отжившего свое человека. Но...

– Но?...

– Этот стажер... начинающий эксперт... он, как бы вам сказать... э-э... раз... распи...

– Разгильдяй?

– Вот именно! Да, я тоже был молод, весел и беспечен. Но не до такой же степени!

– Протокол вызвал у вас сомнения?

– Нет, то есть не весь. Некоторые моменты. В частности... Видите ли, эксперт не должен замыкаться лишь на... теле как таковом. Надо принимать во внимание и э-э... анамнез... Понятно?

– Историю болезни трупа?.. Простите, тела?

– Ну да. Человека. Причем не только болезни, но и жизни. Пояснить? Хорошо, еще одно м-м... отступление. Вот мы с вами здесь сидим и усиленно вредим. Себе, окружающим людям и животным, среде, атмосфере...

– Курим?

– Вот-вот. Дымим, как два паровоза. И, смею вас уверить, это не останется незамеченным теми, кто по долгу службы нас э-э...

– Вскроет?

– Можно и так. Наш с вами дыхательный аппарат, будьте уверены, пропитан этой гадостью насквозь. Я бы в каче-

стве агитации обязательно показывал злостным курильщикам легкие м-м... заядлых любителей табачка. Полагаю, количество дымящих после экскурсии заметно убавится. Понимаете, о чем я?

– Наша старушка курила?

– Вы все правильно поняли! В протоколе описаны легкие курящего человека. Нещадно дымившего на протяжении полувека, а то и больше. А Ревмира Евграфьевна...

– Ну и имечко...

– Фамилия, заметьте, под стать. Неупокоева... Так вот, она за все свои м-м... неполных сто лет не сделала ни одной затяжки.

– Вы хотите сказать...

– Я ничего не хочу сказать, кроме уже сказанного. Сомневаюсь я!

– А тело...

– Нет никакого м-м... тела. Килограмм пепла – все, что осталось.

– Евгений Борисович, вы упомянули завещание небедной старушки. Вроде незадолго до кончины она его изменила?

– Изменила. В пользу внука.

– А внук – он кто?

– Хороший парень, мой будущий коллега. Учится в медицинском, четвертый курс.

– Вы полагаете, будущий врач мог...

– Да ничего я не предполагаю! Вот засел червячок...

– Вы же по работе связаны с ребятами из полиции. Миша Стеклов, к примеру...

– Еще как связан. Стеклов, Громов, Сомов... Дуболомов – вот их общее м-м... родовое имя. Я попытался потихоньку спросить – у них ответ один: формальных оснований для э-э... возбуждения дела нет. Напиши я официальную докладную, типа рапорт – они тут же вызовут мальчика, начнут трепать нервы... А может, он ни в чем и не виноват?

– Чем тогда объяснить это... несоответствие?

– Жизнь в большом городе – тоже, знаете ли, фактор риска... Чем мы тут м-м... дышим? Одних автобусов тьма-тьмушная... Заводы, ТЭЦ... В общем, черт его знает! Сам не понимаю, зачем я вам это рассказал...

– Все равно спасибо. История интересная.

– Будете разбираться? Только, прошу вас...

– Нет-нет, не волнуйтесь. У нас рубить сплеча не принято.

И на Вас ссылаться не буду. Вы это имели в виду?

– Да-да. Не ссылайтесь. Парнишка он приличный. Учится хорошо...

октябрь 2016, Санкт-Петербург

Трое суток шагать и не спать не понадобилось. Узнав адрес квартиры, готовящейся в скором будущем перейти в собственность скромного студента, Борис взял на вооружение слова популярной в прошлом «восточной» песни: «Льет ли теплый дождь, падает ли снег...» Подъезд дома напротив оказался отличным наблюдательным пунктом. И до снега, к счастью, ожидать не пришлось.

Перво-наперво удалось установить: внук-наследник живет чрезвычайно насыщенной жизнью. Помимо учебы, дежурств в психушке и подработки на анатомической кафедре, студент всюду занимался кое-чем еще. Занятие оказалось совершенно не подходящим сутуловатому патлатому очкарику. Такому бы сидеть в читалке и сутки напролет «ботанить»... Отнюдь! Одним из объектов внимания молодого человека оказался клуб-казино «Премьер». Сюда приличный паренек направился во второй вечер наблюдения. Пешком, благо игорное заведение располагалась рядом, на том же Невском.

Вход в гнездилище порока бесплатный, и Борис сунулся следом. Бдительный охранник, кивнувший учащемуся, как старому знакомому, на репортера воззрился с нескрываемым подозрением. Боря не стал разочаровывать дозорного, предъявил удостоверение, продублировал внушитель-

ным: «Пресса!» И мгновенно, словно из воздуха, рядом материализовался строго одетый мужчина, оказавшийся старшим менеджером. Пространной беседы не получилось, но цепкий глаз заметил главное: вихрастый молодой человек уже сидел за одним из столов с рулеткой. В игровом зале наследник провел три часа и вышел заметно озабоченным. У выигравших такого выражения лица не бывает...

В ближайшую субботу будущий эскулап, прихватив увесистый рюкзак, отправился на пригородный вокзал. Он никого не опасался и не думал о возможной слежке. Сел в электричку, проехал несколько станций, вышел и привел «хвост» к чистенькому нарядному домику в ряду таких же строений, выходящих фасадом на дорогу, а двором – на берег залива.

Путник открыл калитку своим ключом, взбежал на крыльцо и скрылся за дверью. Спустя час показался наружу, легко помахивая пустым заплечным мешком, а провожать его вышла миниатюрная сгорбленная женщина с палкой. Вид опорного приспособления показался засевшему в ближних кустах журналисту довольно необычным. Студент чмокнул сиденькую бабку в щечку, запер калитку и бодро ушагал к станции. Едва беспечный наследник скрылся за поворотом, Борис по-разбойничьи перелез через забор и постучал в дверное окошко.

– Кто там? – спросил неожиданно молодой женский голос, и за стеклом возникло круглое румяное лицо.

– Здравствуйте! Ревмиру Еврафьевну можно? Я из га-

зеты. Специальный корреспондент Борис Шацкий, вот мое удостоверение. Мы готовим материал...

– Да, я вас слушаю... Галочка,пусти мальчика...

«Особенности поведенческой зоо-психологии межвидовых симбиотических сообществ». Без запинки выговорив заранее отрепетированную фразу, Борис приготовился врать дальше, благо, корочки показал издавелека, истинное название газеты озвучивать не пришлось. Согласно на ходу придуманной легенде, он, являясь внештатным сотрудником академического ежемесеячника, получил задание осветить вновью обретающую актуальность тематику. И, разумеется, не может обойтись без совета мирового авторитета в столь нетривиальном вопросе.

Битый час в репортерские уши бурным потоком текла абсолютно ненужная информация. Шустрая щекастая молодуха время от времени пыталась прервать доклад, предлагая то чай, то пирожные, но истосковавшуюся по аудитории академ-даму было не остановить. А ему всего-то надо было убедить: перед ним – именно та самая личность, чьи испепеленные останки покоятся под мраморной плитой на Волковском кладбище.

Немалых трудов стоило липовому ученому удержаться от хулиганского искушения. Вот бы продемонстрировать бабу-се фотографию великолепного портрета на мраморе – со всеми регалиями и датами рождения и смерти. Ее собственной смерти, ровно месяц назад. Но, показав, можно запросто

оказаться свидетелем и виновником уже не мнимой, а самой настоящей кончины. . .

Борис не сомневался – стоит выйти за порог, и благодаря услужливой сиделке его визит перестанет быть тайным. И это правильно. Ибо, узнав о срыве своего плана, наследник, естественно, всполошится, может удариться в бега, но, самое главное – откажется от продолжения, и бабушка проживет еще ровно столько, сколько ей отпущено Господом. На какой срок для нее расщедрился азартный внучок, узнаем позже. Спрашивать будет следователь Сомов. Как о нем выразился дотошный прозектор? Дуболомов? Вот-вот, без дубины не обойдется. Надо же выяснить, откуда взялся поспешно кремированный курящий труп. . . Поцокав языком, Боря набрал полицейский номер.

Глава двадцать шестая

сентябрь-октябрь 2016, Санкт-Петербург

Лесик не понимал, почему он, номинально имея миллион долларов, должен перебиваться на скудную стипендию и родительские поправки. Странно же, честное слово! Предок, конечно, молодец. При степенях, должности, положении – короче, будучи упакованным по полной программе, умудрился оторвать нехилый грант. Ну, понятно, доктор наук, профессор... Копал всю жизнь одну жилу и выкопал.

Заведующий кафедрой микроэлектроники технологического университета, действительно, выкопал. Являясь уже всемирно признанным специалистом в своей области, он нашел интересную особенность поведения одного из сплавов германия с кремнием, определил параметры, кое-что предположил, вычислил, доказал и теперь преподает в Бостоне специально для него организованный курс. Гребет валюту лопатой...

И новая мама, обыкновенная лаборантка, всего на пять лет старше сына, тоже там, с ним. В благословенных штатах. И деньги им там девать некуда. А ему, Алексею Раздоловичу

Неупокойному, куда деваться? От кредиторов, вымогателей всех калибров? Не зря придумано: коготок увяз – и птичка за ним... Однокурсники живут себе в общаге, обходятся. Так ведь они и не играют!

Он тоже сначала довольствовался мелочью. Пока раз не поперло по-настоящему. Наивный юноша всерьез считал: стоит десятков раз сходить в казино, и ему, завсегдатаю, будут рады, станут принимать как родного. Не замечал очевидного – здесь каждого пасут, ведут, как теленка на убой. И, разумеется, после минутного везения пришла расплата. Влетел, попал...

Крупье вежливо предложил освободить место за столом. Менеджер зала уточнил: об игре в кредит речи быть не может... Тут же появился благодетель. На, поставь, отдашь с выигрыша. Вдвойне, разумеется... А, так у тебя вон какая штука? Покажи-ка... Так это ж меняет дело! Давай, под залог... Играй, дружок, играй, милый!

Откуда было знать студенту – предъявляя охраннику причину звона входного металлодетектора, он «засветился». Аппарат сработал на массивную драгоценность, тайком от бабушки вынесенную из дома. Яйцо. Подлинное яйцо Фаберже. Одно из дюжины, составлявших предмет гордости, ценнейшую часть всего антиквариата, принадлежавшего семье Неупокоевых. А юридически – ее главе, члену-корреспонденту национальной академии, биологу с мировым именем, родной бабке азартного внука. Ревмире Евграфьевне Неупо-

коевой, урожденной Потемушкиной. Две буквы отличия фамилии от крымского князя объяснялись просто – внебрачным потомкам любвеобильных придворных не полагалось носить державные фамилии. Отсюда и брались Трубенецкие, Меньшиновы, Михалковские...

Смешное прозвище он получил от настоящей матери, когда к двум годам так и не научился выговаривать собственное имя. Малыш потешно шепелявил, вот и вышло – «Лесик»... Леша окончил школу с золотой медалью, без проблем поступил в медицинский. К игре приобщился случайно, как все. И как все втянулся, не замечая – жизнь идет уже совсем иначе. Летом опомнился и понял – рубикон давно перейден. Подработки и мелкие домашние кражи не спасают, долг растет, как снежный ком. Надо срочно выбираться.

Бабуля пришла на выручку, сама не зная об этом. Прочтя очередное электронное послание от обамериканившегося сына, старушка решила предпринять крайние меры. Бостонский лектор сообщал: домой пока не собирается – у него все супер олл-райт, сыну-внуку привет, а тебе, мамочка, крепкого... Престарелая академичка сочла слова сына признаком грядущего невозвращения. Ах, так! И патриотично переписала завещание. Отныне все ее имущество, включая недвижимое – стометровую квартиру с окнами на Невский и двухэтажную дачу, а также движимое, истинную ценность коего следовало оценивать с участием музейных экспертов, предстояло получить внуку Алексею. С одним условием –

после кончины завещательницы. Подписав бумагу, некогда мудрая владетельница на радостях показала ее внуку. Отныне ставки в его игре существенно повысились.

Студент четвертого курса Неупокоев, подобно многим своим однокашникам, подрабатывал дежурствами. Будущей профессией для себя выбрал психиатрию и дежурил, соответственно, в профильной городской клинической больнице. А еще он, будучи человеком нуждающимся, не гнушался кое-каким заработком. Анатомичка, или по-простому, морг – местечко в мединституте не из самых приятных, зато платят там весьма неплохо. Материал для будущих наглядных пособий, а иначе говоря, трупы, туда поставляют в основном как раз психбольницы. Чтобы стать таким экспонатом, всего-то и надо – попасть в психушку, прожить там достаточно долго, чтобы от тебя успели откреститься все родственники, да и помереть так называемым «безродным».

Жила-была в третьем отделении «Чудотворки», как для краткости в народе называют психиатрическую больницу Святого Николая Чудотворца, что на Мойке, одна дама. Пациентка как пациентка, ничем бы не примечалась, если бы не одно неотъемлемое качество. Все три десятка лет жизни в старом, плохо вентилируемом корпусе она ежедневно отравляла существование всем соседям по палате, коридору, а заодно и врачам с медсестрами. Дымком выкопанного из урны окурка никого не удивишь, дело не в этом. Дуня воняла.

Когда-то в довесок к имени Евдокия у нее были фами-

лия и отчество, но с течением времени все прочие признаки как-то нивелировались, осталось одно. Каждый день на утренней пятиминутке при передаче дежурства принимающая смена, желая хоть полчаса подышать относительно чистым воздухом, интересовалась у сдающей: «А Дуня – мытая?» Так и стала она Дуней Мытой. Проходил час, другой, а к исходу третьего Дуняша умудрялась снова перемазаться в дерьме буквально по уши. В отделении одновременно находится свыше полусотни обитателей разной степени безумия, поэтому найти субстрат проблемы не составляло. К утру следующего дня ароматизированную особь отлавливали, помещали в ванну и мыли. История повторялась...

Время шло, Дуня не молодела, однажды пришел черед и ей предстать перед святыми воротами. По счастливому, с точки зрения дежурившего в ту ночь санитару, совпадению, как раз в ту ночь Ревмиру Евграфьевну с очередным приступом забрала «Скорая». Приступ успешно купировали, и к рассвету пожилая пациентка вернулась домой. А рано утром заботливый внук объявил: «Все, терпеть твое наплевательское отношение к драгоценному здоровью я больше не намерен! Сей же час отвезу любимую бабуся в специально арендованный домик с удобствами на побережье!» Бабка кинулась возражать, мол, зачем же тратиться – вон пустует здоровенная дача... Внук был непреклонен. Своя, она, конечно, своя, но стоит у оживленной трассы, дышать там нечем, как и на Невском. Поехали. И, усадив в недавно купленный за

треть яйца семилетний «Пассат» с тонированными стеклами, увез обожаемую родственницу из зловонного города на экологически чистую природу. Обеспечил продуктами, приставил специально нанятую (еще четверть скорлупки) сиделку. А сам тем временем вызвал участковую докторессу. По еще более счастливому совпадению, штатная врачиха, знавшая престарелую академическую даму вдоль и поперек, была в очередном трудовом отпуске. Ее нелегкие обязанности исполняла недавняя выпускница того же медицинского ВУЗа, где обучался ушлый психосанитар. Узнав о причине вызова, она слегка опечалилась – не очень-то приятно оформлять смертные документы, но грустила недолго. Старинное колечко с камушком заметно уменьшило степень грусти-печали.

Некоторое осложнение возникло, когда выяснилось: полагается вскрытие. Впрочем, тут особых трудностей тоже не возникло. Чисто отмытая в городской ванной беззубая привозная старушенция комплекцией мало отличалась от оригинала, новенький «парадный» зубной протез покуда здравствующей ученой дополнил сходство. Патологоанатом все сделал, как требовалось по инструкции, и к исходу суток после прискорбной кончины бранные останки были благополучно кремированы.

Выслушав адвокатский вердикт, безутешный внук горько заплакал. Было от чего: завещание вступает в законную силу аж через шесть месяцев. Закон суров... Медики обязатель-

но изучают латынь, и для молодого человека в тот момент гораздо более правильным показалось натуральное звучание сей мудрости: «Дура лекс...» Целых полгода терпеть! Бедняге оставалось уповать на яичницу. Из двенадцати бесценных раритетов в наличии было девять. Должно хватить.

Сын усопшей, втайне давно ожидавший подобного исхода, прислал телеграфные соболезнования. Состоялось немногочисленное прощание, и урну аккуратно замуровали в заблаговременно оплаченную нишу. Финита. Срок аренды домика на взморье истекал в октябре, и жить любимой бабушке любящего внука оставалось, по всей видимости, недолго. В самом деле, надо же и честь знать. У нее вон могилка оформлена по всем правилам искусства, а она знай себе коптит небеса! Непорядочек...

Именно некий беспорядок побудил судебного доктора с не совсем благозвучным прозвищем кое в чем усомниться, и бабулька воскресла, смертью смерть поправ и похоронив надежды внука. А заодно родилась очередная сенсация, еще чуток повысившая газетный тираж и репортерский гонорар.

октябрь 2016, Санкт-Петербург

Эпистолярный жанр, увы, безвозвратно уходит в прошлое. Столетие назад люди писали письма, тщательно обрисовывали свои порой туманные мысли, а месяц-два спустя получали не менее скрупулезно выписанные ответы. Электроника все кардинально изменила. К лучшему ли – вот вопрос...

– Владимир Егорович? Алло, это вы? – в трубке шуршало и поскрипывало, потом послышался уже знакомый тусклый голос.

– Да. Я слушаю. В чем дело?

– Я вам недавно звонил. Корреспондент Шацкий. Из газеты...

– С вами мне разговаривать не о чем.

– Постойте. А мне представляется, очень даже есть о чем. Можно мне подъехать?

– Подъезжайте сколько угодно. Но я не понимаю, чем могу быть вам полезным. Обозначьте тему, я хотел бы подготовиться.

– Тема проста. Почему вы мне соврали?

– Я? Вам? Соврал? Имейте совесть, молодой человек!

– Именно соврали. Вы сказали... нет, не сказали. Якобы вы не знали о юношеской кличке вашего сына, а значит, о его сомнительных делишках... Не стыдно, Владимир Егорович?

Не хотите поговорить подробнее?

– О каких делишках? Что вы себе позволяете?!

– О тех самых, за которые вы десять лет платили шантажисту деньги. Напомнить?

– Деньги?.. Шантажисту?

– И еще. Я хочу спросить: понимаете ли вы – из-за вашего молчания и укрывательства погибли не только ваш сын, но и еще несколько человек? Готовьтесь, скоро буду у вас.

Борис, в нарушение всех правил одной рукой управляя машиной, другой прижимал к уху телефон. Послышалось? Там, на другом конце виртуального провода, стукнуло, брякнуло?..

– Алло... Алло? – тишина. Ладно, подумай пока, через часок пообщаемся лично.

У подъезда высотки, перекрыв возможность подкатить поближе, стояли две «Скорые» и угловатый черный джип. Не успел репортер открыть дверцу машины, как распахнулась другая. Подъездная. Показалась скорбная процессия – пара дюжих мужчин в двухцветных накидках вынесла носилки. На них, укрытое белой простыней, угадывалось человеческое тело. Тело, не человек. Ибо живому лицо не закрывают. Вслед вышли две женщины в скорпомощных костюмах и одетый так же мужик с двумя объемистыми сумками, сели в первый фургон. Носилки запихнули в другой. Мигалки не включали. Зачем? Пока смерть в пути, помощь торопится

и суетится. А придя, костлявая напоминает: тише, люди, не спешите. Ко мне успеют все.

1995-2016, Санкт-Петербург

Мерзавцы! Подлецы! Кому какое дело до прошлого?! Сердце стучало неравномерно, то сильнее, то слабее, в глазах плыли черные пятна. Надо позвать помощь. Сиделка – дура, начнет дергаться, хвататься за уколы. Саша... Саша... Он, с трудом подняв выпавший из ослабевших пальцев мобильник, набрал номер.

Сначала – страшное известие, потом звонки навязчивого газетчика заставили вспомнить. Словно с давно зажившей раны безжалостно скovyрнули тонкую рубцовую кожу, и вернулось все – кровь, боль, стыд.

В отличие от большинства коллег-педагогов Володя Тришин никогда не зацикливался на своей работе. Учить детей он умел, но не любил. Ему больше нравилось руководить, искать необычные пути, возможности в самых разных делах, порой не имевших ничего общего с педагогикой. Ему казалось: тот же Макаренко, родись в наше время, мог бы стать вполне успешным бизнесменом. Или политиком. Вот к чему надо стремиться. И он устремился, как только позволили обстоятельства.

Перестройка сняла тормоза и ограничения, настала долгожданная свобода. Он начал со знакомств. Обновил связи среди партийно-хозяйственной верхушки, осторожно навел мостики в набирающем силу криминалитете. Познакомился

и втерся в доверие к вольнодумствующему мэру. И все получилось. По ходу прибрал к рукам кусок портового хозяйства, ввел в обиход модный термин «логистика».

Став богатым и влиятельным, можно начинать нечто новое. Так и возникла Школа. Этот по названию государственный, а по сути практически частный колледж, бывший политехнический техникум легкой промышленности, в те годы стал одним из самых престижных в немаленьком городе. Уровень преподавания по большинству дисциплин был достаточно высоким, что позволяло выпускникам претендовать на хороший ВУЗ, а при необходимости – работать самостоятельно. Но учеба учебой, больше пользы приносили прочные связи нынешнего директора, фактически владельца Школы. Они не ограничивались профилем и уровнем республики, охватывая многих и многих в академических, чиновных и даже правительственных кабинетах. Поговаривали, Тришин-старший был вхож даже к Самому...

Адрес учебного заведения – Новая Гвардейская – послужил источником для негласного переименования в претенциозное «Новый Гарвард». Некоторые учащиеся благодаря папиным-маминым деньгам и связям планировали в будущем продолжить обучение, а потом и пристроиться на ПМЖ где-нибудь в Европе, Старом Свете. Вообще говоря, его – чопорный, слабый, занафталиненный, давно следовало бы переименовать из «старого» в «дряхлый», если не «дохлый». Ведь вся жизнь – за океаном. А что Европа? Хиреющие ко-

ролевства, чахнувшие династии, вялая наука... Нет, будущее не за ней. Seriously работать там не с чем. И, раз уж в Штаты не выходит – надо становиться хозяевами здесь.

Женитьбу и обзаведение потомством Владимир Егорович не считал чем-то важным и тем более необходимым. Достичь в жизни настоящих высот можно, лишь оставаясь свободным, независимым. Поэтому женился в сорок. И супругу выбрал правильную – не кукольную вертихвостку, а спокойную, воспитанную, хорошо образованную, своего возраста. «Синий чулок». Детей не хотел, и новость о беременности жены воспринял с раздражением.

К сожалению, в стране в те годы оперативное родоразрешение считалось экзотикой, и рождение ребенка едва не стало для матери фатальным. Эклампсия, токсикоз, нефрит, энцефалопатия... Незнакомые термины вошли в жизнь неожиданной, досадной помехой. Так хотелось бросить все к чертям, сказав: «Я же предупреждал!». Увы, такое поведение не для него. Но уж воспитывать своего сына, первого и единственного ребенка, он будет правильно.

Мать хотела быть с Димочкой ласковой, мягкой. Он не позволял. А что она могла? Сама еле жива... Единственное, в чем пошел ей навстречу – никакого изнуряющего спорта, мучительных тренировок. Растет здоровым – и достаточно. Атмосфера должна быть если не спартанской, то отчасти деспотичной. Отец, постоянно занятый своими делами, тем не менее регулярно требовал от мальчишки подробного отчета

«о проделанной работе». Рано усвоивший отцовские принципы, Дима понял: сделать – не главное. Главное – отчитаться. Научившись гладко врать, можно миром управлять...

Заботливый отец, наблюдая детские шалости, с горечью сознавал: увы, самого главного сын не понял. Делать можно все, важно подобрать нужное время, место, обстоятельства. Если надо – помощников, соратников. И плевать на общепринятые правила, принципы и понятия. При одном условии – не позволять грязи, по которой идешь, прилипнуть и тем более затруднять твоё движение. Понял, сын? Все и все, с чем и кем соприкасаешься по жизни, не более чем грязь... Следов, следов быть не должно. Понял, сын?..

Кое-что сын понял по-своему. Общие для серой толпы правила и моральные принципы нам не подходят. Мы – выше. Этот постулат с его подачи положили в основу своего сообщества пятеро парней и одна девушка, учившиеся на старшем курсе «НГ», как было принято сокращенно именовать школу, вплотную подводившую к двери любого университета.

В этих стенах они прожили все три положенных года. И регулярно проводили «балы посвящения». Предложил развлечение директорский отпрыск Димка Тришин, взявший себе прозвище «де Тревилль» и сам себя назначивший «капитаном». Уму непостижимо, как семнадцатилетнему пареньку удалось так точно выбрать их, а еще девчонку Людку, ставшую его правой рукой. Но факт остается фактом.

Этот фрагмент сыновней жизни отец из виду упустил. Лишь в июне девяносто пятого, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей о кошмарном происшествии с одной из студенток, случайно взглянул на экран недавно подаренного сыну «Ай-би-эма» и остолбенел. Пролистал картинки в зависшей папке... Мальчик вошел, остановился за спиной.

– Дима, я не понял... откуда у тебя это?

– Папа, почему ты без разрешения смотришь мои материалы?

– Материалы?! Разрешение?! Ты ЭТО называешь – материалы? – с неожиданной яростью он схватил сына за шкуру и, как нашкодившего котенка, ткнул в монитор, – Материалы, гаденьш?! Это она?... Она?!

– Папа, я... – кровь из расквашенного носа капала на стол, клавиатуру...

– Ты идиот! Вы все – без пяти минут арестанты! А если ее найдут?! Ты не понимаешь – даже в трупe ваша сперма останется на годы! Сейчас такие анализы – ничего не скроешь! Вы же, дурачье, резинками не пользовались? А?!

– Н-н-нет...

– А обо мне ты подумал, сопляк?! Если всплывет эта говнючка, а с ней все остальное? О, Господи... Всему конец...

– Что же делать?

– Делать? Ты завтра же улетаешь! Ну, как будут готовы документы... В Лондон. Будешь учиться. И не вздумай там устроить что-то подобное. Узнаю – клянусь матерью, тебя

утопят в их вонючей Темзе.

Жесткий компьютерный диск Тришин-старший уничтожил в тот же вечер, вместе с обнаруженными при скрупулезном обыске фотографиями. После поочередно встретился со всеми «мушкетерами», припугнул и отнял все, могущее хоть как-то скомпрометировать их, его сына, его самого и Школу.

Как оказалось, все уничтожить не удалось. Он, наглотававшись прописанных кардиологами таблеток, сидел у камина. Судя по информации из туманного Альбиона, у Димки пока дела шли нормально. Учеба – через пень-колоду, но язык потихоньку осваивал, а это основное. Научат, за деньги научат всему... Трубку снял после первого же звонка, стараясь не тревожить лишней раз сумасшедшую жену. Проснется, поднимет вой... За что мне это наказание?

Голос позвонившего был незнаком. Молодой, с развязной хрипотцой.

– Ну как здоровье, депутат?

– Простите, вы, наверное, ошиблись...

– Не-а, я не ошибся. Это ты, ошибся, паханок. Ты хоть кодекс почитал, когда собирался баллотироваться? Там же прописано – родственники уголовных преступников до власти не допускаются. Усвоил, о чем я?

Он усвоил. Принял как неизбежность. И принимал все годы, исправно отдавая деньги. Время и места передачи пакетов никогда не повторялись, лицо «получателя» он так ни разу и не увидел. Фигуру – несколько раз, со спины. И все.

Первый инфаркт принес отсрочку выплат на три месяца, с соответствующим повышением следующей суммы. Второй – на два.

В систематическом вымогательстве случались на первый взгляд необъяснимые перерывы. Подумав, догадался – шантажист попросту сидел в тюрьме. Но это дела не меняло. Если он хотел оставаться богатым, успешным, вхожим в высшие круги и незапятнанным, надо было платить. И он платил. Варианты вычислить «наехавшего» через милицию, свою охрану либо знакомых в мире криминала даже не рассматривал. От одного избавишься, другие прилипнут. Себе дороже.

Саша... Саша Лобов. После смерти сына ближе него человека не осталось. Только бы он успел... Деньги, власть... Какая ерунда!.. Жить...

Да, жаль. Судя по всему, разговора с жертвой шантажа не получится. Уже не получится. Тем не менее Борис, не отчаяваясь до поры, сидел в машине. Кто знает – может, увезли не владельца складского хозяйства, а какого-нибудь престарелого соседа? Или соседку... Дз-з-зынь! Вот те раз! Звонит не кто иной, как сам Тришин В.Е. Жизнь продолжается!

– Да, Владимир Егорович, я вас слушаю. Я как раз подъехал. Поговорим?

– Позоров, ты? – голос в трубке принадлежал не отцу убиенного «Тревиля», а его заместителю Сане.

– Я. А где...

– Чтоб. Ты. Сдох!!

Глава двадцать седьмая

октябрь 2016, Санкт-Петербург

Лобова трясло. Саня никогда не был особенно эмоциональным – наоборот, слыл спокойным до флегматичности. При этом занятия борьбой, а потом и серьезным бизнесом приучили быть начеку, реагировать стремительно и адекватно. Но в теперешней ситуации никакая реакция не поможет. Поздно.

Батя позвонил, когда он подруливал к дому. Слава богу, не ижорскому, а городскому.

– Саша... Саша, пожалуйста, приезжай. Если можешь.

– Конечно, могу. Сейчас буду. Как вы?

– Мне... Мне плохо. Из газеты опять... Дима... Я не понимаю... зачем?..

– Владимир Егорович, примите лекарство. Я уже еду.

Да, похоже, дело дрянь. Он позвонил в «Скорую», попросил срочно направить кардиобригаду и помчался, не обращая внимания на знаки и светофоры. Медики успели чуть раньше, он застал их у подъезда. Не тратя времени на домофон, открыл своим ключом, а пока доктора загружались в лифт, взлетел на третий этаж по лестнице. Вбежал в квартиру и понял: опоздал.

Хозяин ничком лежал в коридоре, рядом на коленях стояла женщина. Сиделка, или медсестра по уходу, приставленная к беспомощной Лидии Сергеевне, молча повернула к вошедшему залитое слезами лицо.

– Давно?

– Двадцать минут. Я была с Лидочкой. Услышала, позвонила в «Скорую»... Мне сказали, уже едут. Как они узнали?.. Наверное, сам успел...

Бригада кардиологов времени даром не теряла. Перевернув бездыханное тело на спину, начали – массаж, дефибриляция, кислород, уколы... Через четверть часа старшая из медиков вошла в кухню, где Саня курил в открытое окно. Отмахнувшись от его портсигара, достала свои, покрепче.

– Кем вы приходитесь умершему?

– Он называл сынком. А так – сослуживец. Бывший.

– Он теперь тоже бывший. Тело мы заберем. После вскрытия вам позвонят, когда можно будет попрощаться.

Вот тогда он, взяв батин телефон, обнаружил недавний разговор. Кто-то позвонил старику и тем самым убил его. Сволочь! И он сказал человеку, которого с этой минуты ненавидел: «Чтоб ты сдох!»

– Жизнь продолжается, дорогой, жизнь продолжается! – оптимистичная фраза импозантного седого юриста шла несколько вразрез с темой предстоящего разговора.

Накануне Лобов, весь день старательно гнавший от себя

мысли о неизбежности смерти всех живущих на Земле существ, не исключая людей, был слегка озадачен.

– Могу я поговорить с Лобовым Александром Ивановичем? – вежливо поинтересовался в телефонной трубке солидный мужской голос.

– Я вас слушаю, – произнес Саша и узнал: его очень просят зайти на этой неделе в юридическую контору.

Услыхав название, он слегка усомнился в реальности происходящего и даже на всякий случай заглянул в городской справочник. Нет, никакой ошибки.

– Да-да, не удивляйтесь, мы обзываемся именно так. «Михайлов, Петров, Харламов». Харламов – это я. Глеб Валерьевич, к вашим услугам. Старший партнер. Заметьте, абсолютно никакого, самого отдаленного родства с легендарным семнадцатым номером. С Юрой Петровым и Вадиком Михайловым мы учились на одном курсе юрфака, были едва знакомы, а шуточек в свой адрес натерпелись выше крыши. Вы курите, курите, я тоже иногда балуюсь... Вадиму довелось носить погоны, отслужил по полной. Юрик вообще в Штатах побывал. А потом как-то вот встретились, организовали дельце. Вывеска ведь тоже играет роль, в наших делах немаловажную. Того хоккея давно нет, а память о победах осталась.

– Вам бы еще Третьяка, для полного комплекта.

– Вы будете смеяться, но Третьяк у нас есть. Увы, технический персонал. Согласитесь, выносить на титульный лист

фамилию уборщицы было бы несколько легкомысленно.

– Да, трудно не согласиться...

– А великолепная тройка и без вратаря справляется. Те, кому за шестьдесят, нам очень доверяют. Вот мы и подошли, так сказать, к теме... Я, собственно, пригласил вас, чтобы ознакомить с завещанием покойного Владимира Егоровича. Тришина. Полагаю, вы в курсе?

– В курсе чего?

– Его... э-э-э... кончины?

– Да, – в памяти вновь всплыла картина недельной давности, и директор торгового дома, уже официально полноправный, приготовился к очередным неприятностям.

– Вот, прочтите. Там еще документ, внизу место для вашей подписи. Я вас пока оставлю.

Завещание было коротким. «Будучи...» Первая фраза отменяла все ранее составленные. Вторая... Никак не ожидал! «Все, включая... Лобову Александру... Без каких-либо дополнительных условий...»

– Ну как, ознакомились? Да, мир склеен из парадоксов. Теряя близких людей, мы иногда кое-что находим... Жизнь продолжается. Расписались? Вот и настал еще один момент, о нем ныне покойный попросил меня особо. Это его письмо адресовано Вам лично. Читать прямо здесь не обязательно.

«Здравствуй, Саша. Ты читаешь – следовательно, я уже не существую. По-моему, я все делаю правильно. Хочу попросить: не оставляй Лиду. Я не смог сделать ее счастливой, но

она ни в чем не виновата. И еще. Мне очень жаль, что не ты мой сын».

Это было написано именно так: не «Ты не мой сын», а «Не ты мой сын». Эх, Батя, Батя...

Однажды он, не проработавший и трех лет, оказался свидетелем. Вошел в директорский кабинет и застал Владимира Егоровича у открытой дверцы «расхожего» сейфа. В нем, как было известно доверенным лицам, всегда хранилась энная сумма на случай визита вечно голодных пожарников, таможенников, налоговиков и прочих кровопийц. Босс, ни слова не говоря, завернул купюры в газету.

– А, Саша. Слушай, сынок, я отлучусь на полчаса. Присмотри тут...

Саша присмотрел. Не «тут», а за ним. Судя по толщине пачки, директор нес куда-то не менее тысячи долларов. Надо проследить, чисто в целях безопасности. Проследил. На Графской набережной шеф сел на скамью, поглядел по сторонам. Стоявший в телефонной будке неподалеку человек высунул в дверь свернутую газету. Директор встал и, не оборачиваясь, пошел прочь. А сверток остался на сиденье. Мужчина из будки быстро приблизился и сел на то же место. Посидел минут пять, поднялся и ушел. Сверток он бросил в ближайшую урну. Саша дождался, пока незнакомец отойдет подальше, заглянул. Свернутая вчерашняя газета. «Невские зори».

Послезавтра секретарша попросила зайти к хозяину. Батя

стоял у окна.

– Не бойся, я не шпион.

– Владимир Егорович...

– Понимаешь, бывают дела... Человеку иначе нельзя.

– Я только...

– Да, хотел как лучше. Пожалуйста, не делай так больше.

Дай слово.

– Да, конечно.

– Вот и славно. Кстати, готовься. Я решил, ты справишься лучше всех. Заместителем. Не возражаешь?

– Я постараюсь...

– Не думай, не из-за этого... Давай, впрягайся.

Слово Саша сдержал. Не раз при виде директорских отлучек «по болезни» хотелось разобраться. Скорее всего, это было бы несложно – выяснить, кто и почему «доит» Батю. А потом место директора занял Димон, и все кончилось само собой. Забот у зама заметно прибавилось, тема забылась. А сейчас снова проявилась. Или нет? Черт его знает... Спросить уже не у кого. Журналист, может, и знает, но вот уж с кем общаться Саше не хотелось совершенно. Чтоб он... Ну да хрен с ним. Свалившиеся на голову миллионы несут с собой не только многие радости, но и очень, очень многие хлопоты.

октябрь 2016, Санкт-Петербург

– Борис Аркадьевич! – к непреклонным интонациям Лира Анатольевна прибегала нечасто, тем грознее они звучали, – Григорий Ильич велел вам соблаговолить в кратчайший срок... Короче, Боря, загляни к главному. Прямо сей же час. Пепел бери с собой.

– Прямо вот так и повелел? Уже иду. А пепел зачем?

– Не догадываешься? Кому-то ты опять наступил на мозоль. Или какое-нибудь еще больное место. Гриша уже с утра на коне. Адвокат заходил... Имей в виду: я тебе ничего не говорила. Голову посыплешь на ковре.

– Спасибо, солнышко. С меня подснежник в Рождество, – и Борис с неподобающей, как вскоре выяснилось, ухмылкой сунулся в начальственный кабинет.

Ну и ну! Ему приходилось видеть Гришу самым разным – унылым, злым, сердитым, даже разгневанным. Но таким... На главного больно было смотреть.

– А чему это, с позволения спросить, ты тут скалишься?! – таковыми оказались самые приветливые слова, произнесенные мудрым руководством в адрес бессовестного, безмозглого, бестолкового, беспринципного и так далее.

Каяться было поздно. На него поступили материалы аж в прокуратуру. Выйти сухим из воды удастся вряд ли. Поэтому... Главный редактор наморщил лоб в тягостном раз-

думье.

– Опять сибирская мадам? Или беглый банкир? А может, за несправедливо обиженного студента мстят деканы с ректорами?

– Кончай паясничать! Ты обвиняешься в убийстве!

– Лысого в подвале? Клянусь, ни сном, ни духом!

– Идиот!.. Стэлка, подожди секунду, – последнее адресовалось заглянувшему в дверь неземному существу, – Я сколько раз повторял: оставь ты в покое этот сраный парашют! Так нет же, никак не угомонишься. Ты звонил старому Тришину? Звонил. Он помер сразу после этого? Помер. Уяснил?! Наезд возглавляет самая гнусная адвокатская фирма...

– Хоккеисты?

– Они самые. Эти не отстанут, пока вдоволь не попьют нашей кровушки. Короче, уходишь в тень. Для них ты уволен. Для меня – выведен в резерв. Давай ксиву.

Борис, как во сне, вынул красную картонку и положил на непривычно пустой редакторский стол.

– Посиди у Лиры. Я со Стэлкой по-быстрому разберусь, и продолжим.

Редакционная «звезда», а именно такой псевдоним взяла себе ожидающая за дверью дама, сияла мощнее прожектора музейно-революционного крейсера. Она как нельзя более точно воплощала в себе определение «внешность обманчива». Сверху вниз, снизу вверх – откуда ни взгляни, пред-

ставало совершенство. Пышные волосы, правильной формы лицо. Безупречные носик, ушки, губки, зубки. Глаза – большие, темно-ночные, чуть влажные, с поволокой. Их Борька, разумеется, называл «коровьими». Его не слушали. Точеная шея, высокая грудь, микроталия, крутые бедра... И – ноги. Ко всему – невозможные, просто сногшибательные ноги.

Все «кошмарные» мужчины в первый же день появления красавицы в поле зрения дружно и безнадежно сошли с ума. Доставшееся при рождении имя Стилария Каримовна Ведерникова молодую поэтессу не устраивало, и ее творения подписывались самолично выбранным «Стэлла Астрова». Парадокс состоял в полной, абсолютной бездарности сочиняемых прелестной дивой строк, четверостиший, сонетов, поэм и всего прочего.

Сейчас она, возмущенно глянув на выходящего от главреда журналиста: как он смеет задерживать руководителя, лишая возможности лицезреть воплощенный идеал! – прошла вплотную, обдав манящим ароматом чего-то столь же чудесного. И сунула в руки толстый гляцевый журнал, оставив при себе стопку густо исписанных листков.

Борис, ощущая небывалую дрожь в ногах, опустился в кресло у стола секретарши. Та тоже являла собой некоторое противоречие: при звучном, поистине поэтическом имени и абсолютной грамотности, сочетающей владение стилем, орфографией и синтаксисом, за всю жизнь не написала ни строчки, кроме школьных сочинений и приказов типа «уво-

лить за профнепригодность», как вот сейчас предстояло поступить относительно ныне опального Борьки.

Слушая ласковое журчание из-за неплотно прикрытой двери, уволенный машинально раскрыл пахнущий чудо-духами Же-Же. Почитать, увы, не получится. Изданный в Нью-Йорке, он содержал тексты на недоступном Борькиному пониманию французском. Как ни прискорбно, довольно сносно владея всемирным английским, с остальными репортер не дружил. На языке Бальзака и Флобера не мог сказать ничего, кроме банального «пardon, мадам» и «merci, mesье». А читать... Читать – и подавно. Поэтому, как в далеком безмятежном детстве, ограничился просмотром заморских картинок.

Перевернув полсотни жестких страниц, Борис остановился. Из-за пульсации в ушах он словно внезапно оглох. Ну, почему не учил? Статью под приковавшим внимание фотоснимком прочесть не удастся. Разобрал лишь смысл слов «кафе», «мороженое», «клуб», все с одинаковым названием «Диана». Адрес: восемьдесят пятая улица. А на фотографии – где-то виденное женское лицо. В профиль. Где он его видел?!

– Ну, давай уже! – вышедшая от Гриши поэтесса вырвала из рук свое ревью, напоследок обозвала придурком и удалилась, звонко цокая шпильками.

– Позоров! Зайди на минутку, – позвал редактор, но Борис не услышал. Он вспомнил.

– Да пошел ты... Уволен так уволен. Еще посмотрим, чья
возьмет...

Глава двадцать восьмая

октябрь 2016, Санкт-Петербург

– Здоров, Гоша! Узнал? Дело есть.

– Здоровей видали! Ужель сподобился навестить недостойного колебатель устоев и потрясатель престолов Шацкий, он же Позоров? Лет не счесть, а зим поболее...

– Гоша, не плачь! Я тебе всего полгода как не звонил. И не зазря, всегда по делу...

– Ага, мне помнится, аккурат после тогдашнего твоего делового звонка пришли с визитом ребята из налоговой и подрезали крылышки, по самые бедрышки... Ты ж вечно такое отыщешь, хоть стой, хоть не могу. Шо, опять? Готовить сухари?

– Ну, не совсем. Вечно ты преувеличиваешь. Нынче – ничего чреватого. Я хотел сказать, федерально-криминального. Надо проверить кое-что за океаном.

– Тихим? Или Атлантическим? Хотя какая разница – все равно Америка. Туда потянуло?

– Нет, дела здешние. Образовалось пара-тройка пахучих мертвяков, я хоть и не патологоанатом, но вскрыть не прочь. Поможешь?

– Не наркота? Если так – не полезу. И тебе не советую.

Убьют.

– Клянусь, ничего похожего. Серийное самоубийство, представляешь? Получится – изобразим сенсацию, и тебе отломится, не я буду!

– Отломится? При жизни, надеюсь? Шучу, шучу... Ладно, подъезжай на берег Революции, двадцать один-десять. Второй этаж, слева. У меня сейчас там нора. Буду ждать. Что брат, не забыл?

– Будвайзер, десять-двенадцать, ага?

– Лучше пятнадцать-двадцать. Жду.

Пока Боря разглядывал клавиши подъездного сигнализатора, пытаясь вычислить самые нажимаемые, дверь, пискнув, открылась сама собой. В запущенной пыльной квартире на четвертом этаже из всех помещений впечатление обитаемых производили только кухня и соседствующая с ней комнатка, размерами скорее напоминавшая кладовку. Здесь в полутьме негромко жужжали три жестяных ящика габаритами с приличный дорожный чемодан, мерцал обширный жидкокристаллический монитор.

У стола в старомодном продавленном кресле полулежал Гоша. Со времени прошлой встречи одноклассник еще больше раздался в пояснице и тазу, изрядно полохмател. Отвращение к утренним пробежкам и потакание прихотям тела неумолимо порождают избыточный вес.... А ведь какой был спортивный мальчик! Не о нем ли говорили: растет виртуоз мяча, второй Оганесян...

Георгий Амбарцумян, в школе получивший кличку, естественно, «Амбар», толком нигде никогда ничему не учился. И при этом был необыкновенно изобретательным, хитрым и удачливым компьютерно-сетевым мошенником. По-современному, хакером. Как только на свет появились первые, тогда еще громоздкие и медлительные ЭВМ, начинающий вычислитель прикипел к ним душой и телом. Они совершенствовались, менялись, становились умнее и разнообразнее, и вместе с ними менялся Гоша.

С появлением Сети для него не стало иной сферы обитания. Поэтому, если надо было узнать что-либо неузнаваемое, связанное с мобильной связью, интернетом, прочими электронными штуками, Боря, тоже не считавший себя полным лопухом (по нынешнему, «лохом»), обращался к однокласснику.

Дверь в «нору» оказалась незапертой. Боря вошел, покашлял, постучал, потопал. Тишина.

– Гоша, э-эй, ты тут? Погрузился по уши? И пива не хочешь?

– Да я тебя уже видел, заходи. Камеру над подъездом не усек? Правильно, она припрятана. Пиво в холодильник закинь и дуй сюда. Да, мне пару банок возьми. А то в пузе полная Гобя. Прольем живительную влагу на черные пески.

Борис прошел в кухню, подивился ужасающим завалам опорожненных жестянок. Круто... Судя по всему, питался одноклассник исключительно пивом.

– Черные пески, Гоша, это – Каракум.

– Тундра! А еще журналист... Рериха читал, олух?

– А ты Моцарта смотрел? Ладно, пей и слушай. Надо бы позондировать одну кафешку в Нью-Йорке. Называется без затей. «Щедрая Диана». Или не щедрая, а проворная... Мороженое. Только не само заведение, а кое-что еще.

– Поподробнее ничего? Адрес хотя бы?

– 85-я авеню, с видом на Центральный парк. Красиво, наверно.

– На хрена мне твоя география, дурик! Электронный адрес есть?

– Вот с этим, извини, не преуспел. Сам ищи.

– А ты туда, случаем, не заглядывал?

– Был грешок, вчера попробовал. Дали мне фигос под нос.

– Как дали?

– Запросили мои данные, я написал..

– Прямо так и написал? Я, мол, из кошмарной питерской газеты, Ванька Пупкин, имею антирес поглядеть на ваши рожки?

– Ну... примерно. Ответили – доступ закрыт.

– Тогда чему ты удивляешься? А почему у них закрыто, не сказали?

– Нет, там нарисовалось что-то вроде: конфиденциальная информация частным лицам не предоставляется...

– Почему конфиденциальная? Что ты у них спрашивал? Часы работы, меню – это же не секрет?

– Мне надо узнать кое-что про их владелицу.

– Теперь давай поподробнее. Владелицу кафе?

– Там не только кафе. Есть еще клуб. Называется примерно так же. «Айс крим Диана». Женский клуб.

– Откуда ты узнал? Или это уже твой секретик?

– Никакого секрета. О ней была статья в журнале. Я не полиглот, а там по-французски. Типа «Американская Ель» или «Елочные украшения»...

– Понял... «Америкэн Эль»... Скорее, «Эль декор». Эль, Боренька, по-французски не дерево и даже не пиво. Это – «она». У нас в совке когда-то была «Работница и крестьянка», счас таких – пачками на каждом шагу. Чисто женские штучки. Въехал?

– Смейся, паяц... Я видел-то этот глянец три минуты. Ну да, не «Форбс». Там фото, мельком сказано – она миллионщица, владелица сети кафешек и основательница клуба. Я покопался в нете, узнал, есть вроде такой, и больше ничего. Ну, попытался запросить в том самом кафе – ноль.

Гоша, к тому времени прикончивший вторую банку пива, хмыкнул, щелкнул мышкой, набрал на клавиатуре несколько фраз.

– Так, говоришь, мороженое... по-нашему... у них, значица, айс-крим-м... Попробуем-м... Поехали... Пароль спрашиваешь? На тебе пароль... Не подходит? Ну, на тебе другой... Опять не то? А вот так?... Скушали? Знай наших...

Пальцы хакера проворно забегали, он теперь не обращал на гостя ни крохи внимания. Время от времени что-то приговаривая, Гоша, казалось, весь ушел в свой, заэкранный мир. Борис, чтоб не мешать, сходил на кухню, взял себе банку, открыл, присел на ветхое кресло, отпил. Гоша постукивал-пощелкивал, и вдруг...

– Ах ты, блин!.. Куда, е-мое? Ты что?! Э..., Э-э-э! Ни хрена себе! Стоять, блять!! Куда?!... Ой, е...!

В процессе малоцензурного монолога Гоша еще побарабанил по клавишам, вскочил, сел, убрал руки со стола. Это было настолько не похоже на его обычное поведение, что Борис поперхнулся пивом и чуть было не засмеялся. А потом понял – не до смеха. Происходит что-то серьезное. И странное.

На экране, независимо от стука Гошиных пальцев и «мышиных» щелчков-подергиваний, возникло и стремительно побежало с десятков строк, свечение стало ярче, потом матовая поверхность сделалась равномерно черной. Осталась лишь мигающая надпись: «Для продолжения требуется перезагрузка. Выполнить сейчас? (Yes/No)».

Гоша смял в руке опорожненную емкость, встал из-за стола, длинно и замысловато выругался. Боря попытался запомнить, но не смог. Там озвучивалось все на свете мороженое, папы и мамы, друзья-приятели, дедушки с бабушками и их сексуальные пристрастия.

– Эй, братан, ты живой?.. Сорвалось? – понимая спо-

способность друга дать неделикатную и даже, возможно, грубую оценку ситуации, тактичный журналист предпочел взять нить предстоящего объяснения в опытную руку.

– Ага. Сосралось, ... твою мать... чтоб тебе... на... в ... через...!

– А почему ты... Там же написали – перезагрузить?

– Перезахоронить, блин! Ты хоть понимаешь, что со мной сделали?!

– Вирус?

– Х...ирус! Всему этому железу, – Гоша обвел рукой мерно гудящие коробки, монитор, клавиатуру, модем, – Хана!.. Писец! Это – металлолом!

– А... перепрограммировать? Никак нельзя?

– Можно. Только для игралок-стрелялок в начальной школе.

– Ну-у... И мышку выкидать?

– Хочешь – забирай. И клавишу, и телек заодно. А мозгам – полный амбец....

– Но мы-то при своих? Каковы дальнейшие действия?

– Ты делай, что хочешь, а лично я с этой хаты сваливаю.

Снимал я ее не на свое имя, меня по ней не найдут.

– Так серьезно? Это, получается, как бы Пентагон?

– Слушай, ты Яичника помнишь?

Конечно, Боря помнил. Как его было не запомнить? Пузатый физрук из их школы очень любил помогать девчонкам-старшеклассницам. Они спрыгивали с брусьев и пере-

кладин, он умело подставлял ладони под упругие округлости. А на предложение мальчишек оказать такую услугу им отвечал: «Не, пацаны, у вас яйца твердые, все руки отобьете!». За своеобразный юмор, не поднимавшийся выше пояса, и было присвоено то самое прозвище.

– Он еще рассказывал, как легче всего поймать льва. Идешь к водопою, видишь: подходит лев. Быстро копаешь яму поглубже, садишься на дно и ждешь. Лев падает, ты хватаешь его за яйца, крутишь. И он – твой!

– А если львица? – поневоле подыграл Боря.

– Тогда, чувак, крути свои! Они тебе больше не понадобятся!

– Ты это к чему?

– А к тому, Боренька, к тому самому... Мы с тобой сейчас, судя по всему, нарвались как раз на такую львицу. И ноги моей тут больше не будет. Понимаешь, камрад, если они вот так защищаются, то можно только догадываться, КАК они нападают!

Гоша в продолжение гневной тирады извлек из холодильника и опорожнил еще банку пива. Жестом предложив Борису присоединяться, буркнул:

– Давай допьем, что ли... Не пропадать же ему, раз принес.

Глава двадцать девятая

октябрь 2016, Санкт-Петербург

– Скажи мне, Позоров, – женщина, лежащая рядом на широченной «холостяцкой» или «бабушкиной», в зависимости от обстоятельств, кровати, щелкнула его по носу и отняла сигарету, – Почему ты до сих пор не женишься?

С ведущей телевизионной передачи «Когда не все дома» Светланой Михайловской, для него просто Светкой, они были знакомы со второго курса журфака. И встречались более десяти лет более-менее регулярно раз в месяц-полтора. В пору учебы ничего серьезного между ними не было – так, танцевали на междусобойчиках, пару раз целовались.

Были в их встречах и более длительные перерывы. Первый – на два года стройбата, куда Борис попал вместо пехоты или артиллерии по причине банальных родинок на неподходящих местах. Оказывается, при натирании ремнями и прочими армейскими ляжками так называемые невусы способны причинить серьезные неприятности, вплоть до озлокачествления.

«Не годен к строевой», и точка! Институтская отсрочка кончилась, служить будешь, никуда не денешься, но автомат не получишь. Воюй лопатой. И «отвоевал», никуда не делся.

Светке не писал, она отвечала тем же, а ровно посередине службы его вдруг вызвали в штаб полка. Не дослушав уставного доклада с важнейшей информацией о звании и фамилии «прибывшего по приказу», заместитель командира по идеологической и воспитательной работе, для бойцов-строителей «комиссар» или «замполит», взял слово:

– Ну, и какого же хрена ты, младший сержант Шацкий, скрываешь от боевых товарищей и командиров с комиссарами истинное положение дел? Уточняю: свое семейное положение?

Заинтригованный младший сержант начал было оправдываться:

– Я ничего не... – но, разглядев сидящую в кресле у стола военачальника смеющуюся Светку, подавился буквами и умолк.

– Шагом марш к командиру роты, доложишь: тебе предоставляется отпуск на трое суток по случаю приезда жены. Которая для этого промчалась пол-страны. За пределы городка не выезжать. По возвращении доложить. Выполняйте!

– Есть...

– «Есть, есть...» в нашем шопе жуть! – через час, лежа на его плече в холодном номере «офицерской» гостиницы приуральского гарнизона, прокомментировала «жена», – Невежа... За добрые дела полагается сказать хотя бы «спасибо, дяденька!» Забыл?

– Это ж не по уставу, – только и нашелся пробормотать окончательно сошедший с ума от внезапно свалившегося счастья военнослужащий срочной службы, – Какой он мне «дяденька»...

– Ну да, у вас там все в этих плакатах, типа: «Действуй, воин, по уставу – завоюешь честь и славу!» И много чести завоевал, уставной ты мой?

– Пока вот только твою... – осмелился надерзить осчастливленный воин.

– Ну, она тебе, положим, досталась без боя... А стишки, часом, не твоего сочинения?

– Не-е, у нас по этой части как раз твой «дяденька». Слышала, как он лихо срифмовал твою поездку?

– Твое счастье. А то ничего бы не получил. За такие вирши вообще убивать надо! – она потерлась щекой о шершавый солдатский подбородок, – Готов снова в бой? Вперед, к славе!

Начавшаяся столь многообещающим образом любовь оказалась, против ожидания, недолгой. Писем снова не писали ни он, ни она. После возвращения из рядов родной армии Борька прямо с вокзала бросился к ее дому, где ждало горькое разочарование: возлюбленная, оказывается, укатила в теплые края и явится обратно не раньше чем через месяц, а то и полтора, в зависимости от того, как скоро закончатся накопленные деньги. Адрес? Помилуйте, вот ее телеграмма, где указано лишь: «Сочи, почтаamt, до востребования».

Пришлось для утешения сердечной скорби не устраивать личную жизнь, а начинать трудовую. Тут повезло. В пельменной на Невском, куда демобилизованный зашел с целью утопить горе в стакане, его хлопнул по плечу неизвестно откуда взявшийся одноклассник Гришка Кошель.

– Здорово, солдатушка, бравый рябятюшка!

– Привет.

– Чего невесел, нос повесил? Судя по скудости закуси, решил напиться и забыться? – балагурил Гриша, явно не понимая, насколько точны его наблюдения.

– Да так, зашел вот перекусить...

– Ага. Ну, доедай по-быстрому, и айда со мной.

– Куда? Я еще и дома не был, папа-мама-бабушка волнуются...

– Бабушка поволнуется и перестанет, а вакантных мест в моей газетенке может больше и не образоваться. Пошли.

Так Борька стал журналистом. Работа оказалась отнюдь не синекурой – за каждой строчкой приходилось носиться, высунув язык. Зато печаль-тоска забылась мигом. И когда загорелая ветреная любовь вернулась и сама явилась «поздоровкаться», он не сразу вспомнил, о чем договаривались в той скрипучей гостиничной койке. Она все поняла по-своему.

– Ну, давай-давай, дружочек, работай. Заработаешь славу великого репортера, тогда, может, вспомнишь брошенную фронтовую подругу...

Тогдашняя встреча завершилась бурной ночью в ее ком-

натке. Но наутро она, и не подумав напомнить ночные слова, чмокнула в щечку, выпроваживая за дверь, и опять пропала из его жизни. Вновь возникла через месяц, и снова исчезла. Так их любовь, не найдя должного продолжения, стала чем-то вроде дружбы с элементами интима. Судя по всему, ее такое положение вполне устраивало. И его, как не раз со стыдом признавался себе, тоже.

А потом случился второй долгий перерыв, тянувшийся четыре нескончаемых года. Тогда он в бессильной злобе на самого себя буквально готов был кинуться в стылые невские воды. По реке шел лед, а его самоназванная «жена» ни с того ни с сего вышла замуж, стала из почти родной веселой Светки Журовой далекой и холодной Светланой Михайловской.

Носителем новой фамилии оказался быстро набирающий вес, как в переносном, так и в прямом смысле, политик – депутат чуть ли не Думы. Чем она польстилась, зачем съехала из северной в официальную столицу – так никогда и не сказала. Там попала на телевидение, приобрела неуловимо-аристократичный оттенок манер.

А ее диалог с благоверным при расставании вполне заслуженно стал темой салонных сплетен.

– Знаешь, дорогая, – будто бы начал издавека высокопоставленный супруг, – Я, конечно, человек публичный...

– М-м-м... да? И что?

– Но иметь в женах публичную женщину мне, вообще-то, не полагается!

– То есть просто иметь их, публичных, ты можешь?

– Это – недоказуемые домыслы! – возмутился депутат, – Подумаешь, сходил раз-другой в баню...

– Ты бы там хоть помылся для приличия, родной! Полюбуйся, вся простыня черт-те в чем! Они у тебя гуашью красятся?

– А это – вообще стыдно! У вашей журналистской шараги только и занятий – чужое грязное белье ворошить!

– Да-да. Ворошить. Но спать на этом белье я больше не буду! – оставив последнее слово за собой, гордая женщина покинула гнездо разврата и больше туда не вернулась.

Через неделю после громкого развода она опять уютно возлежала на Борькином плече и делила с ним полуночный «бычок».

– Так все-таки, изменяла ты ему или нет? – как всякому мужчине, вновь обретшему счастье, Борису хотелось докопаться до корня зла, – Мне-то можешь сказать, я – могила!

– А ты догадайся!

Сегодняшний Светкин вопрос застал врасплох. Выяснение отношений в ближайшие планы не входило, мысленно он уже двигался к нью-йоркскому кафе у Централ-парка, где твердо рассчитывал найти развязку затянувшегося поиска. Но отвечать придется, не сегодня, так после возвращения... Вообще-то, если женщину интересует такое, то – пора!

– А ты за меня пойдешь? – нанося встречный удар, он почти не сомневался: последует деланное изумление, посте-

пенно переходящее в согласие.

– Нет!

– ... ?!

Ну, ни фиги себе! Он, можно сказать, официально предлагает ей и так уже давно отданное сердце с рукой в качестве гарнира, а ему – такой категорический отлуп!

– А ты подумай, Боренька! Ну вот погляди, что ты мне предлагаешь? Ты где живешь? Сам-то видишь? В этом твоём чулане приличной бабе и ночевать стыдно. Кроме меня, небось, никто не соглашается! И пахнет то ли пылью, то ли носками...

– Это – благородный прах вековых знаний! Видала, какие здесь сокровища?

Хозяин «чулана» горделиво указал на стеллажи, вздымающиеся от пола до потолка и предельно затрудняющие передвижение по узкой комнате, еще его отцом названной «кишкой». Бабушка возражала – «пенал». И аргументировала: в кишке – говно, а в пенале – знания!

Родитель сам вырос в этой кишке, сюда же привел молодую жену. Длинную горницу для уюта пришлось перегородить фанерой. С появлением на свет Бореньки семье выделили еще одну комнату в этой же коммуналке. И лишь когда отец вдобавок к ордену Ленина заработал на своем портовом кране туберкулез, ему достался ордер на отдельную трехкомнатную квартиру в одной из окраинных новостроек. Оттуда до центра надо было добираться с пересадками, зато – воз-

дух, раздолье! Грибы прямо у подъезда можно собирать.

Бабушка переезжать отказалась наотрез. И побывала в новых хоромах всего дважды. Один раз – на новоселье, когда шумная компания отмечала событие с могучим российским размахом, а второй... Второй ее визит получился заодно и прощальным. Приехала вконец измученная давкой в метро и автобусе, на возмущение сына с невесткой ее скаредностью – неужели трудно вызвать такси – буркнула: «не ваше дело», уединилась с внуком-журналистом в его комнате и долго расспрашивала, как пишется да чем дышится.

Он, девятый месяц дышавший воздухом свободной прессы, так и не понял, в чем был смысл беседы. Когда заметно постаревшая прародительница засобиралась домой, Борис счел необходимым не пытаться навязывать наемный экипаж, а отвез на своем. Уже месяц катался на подержанной «девятке» и был этим очень горд.

Бабушка тогда попросила проводить «до одра», и он, помогая ей подниматься по широкой старинной лестнице, подумал: древние строители были полными идиотами. Возводить шестиэтажные дома с потолками по четыре с лишним метра! Да и послереволюционные реконструкторы, нередко разделявшие такие «господские» этажи на два «пролетарских», могли бы подумать о лифтах. А тогда, по-видимому, возобладал принцип «не графья». И при лестницах шириной с добрую улицу, в крайнем случае – переулок, вдобавок дублированных «черными», на верхотуру надо тащиться пешком

порядком. А живут-то здесь люди по преимуществу возрастные. Старики.

Фактически внеся ставшую на девятом десятке жизни совсем тщедушной родственницу в ее «пенал», он услышал неожиданное заявление.

– Ну, будем прощаться, – поцеловав его в щеку сухими губами, она добавила: – Эта берлога теперь будет твоя. Об одном прошу: книги не выбрасывай. Таких нынче не пишут.

Возражения внука типа «да ты еще нас всех переживешь» упрямая бывшая учительница не услышала. Прилегла на удивительно широкую и прочную кровать, о которой отец говорил «краснодеревянная», махнула рукой.

– Ступай, ступай. Пишешь ты, кстати, грамотно. Читала. Только стихов не касайся!

Ее не стало в ту же ночь. А о книгах сразу же начали заботиться соседи, обитавшие в бывшей их комнате. После скромных похорон он привел Гришку в осиротевшую «берлогу» и, скользнув глазами по стеллажам, сразу заподозрил неладное: книг заметно убавилось. Кошель, едва ставший редактором «Кошмара», среагировал мгновенно.

– Ах, твою мать! Я вам, блядам, устрою приватизацию!

Ворвавшись без стука в соседскую обитель, они застали семейство за просмотром самочинно унаследованных фолиантов. Сунув кулак под нос «обнаглевшим нахалам, по которым тюрьма плачет», Григорий лично перенес книги на место. А действительно обнаглевшие соседи вызвали милицию.

Молоденький лейтенант-участковый полчаса бубнил что-то о незаконности действий «кошмаровцев». Утомился, лишь увидев адресованную покойной дарственную надпись самой Андреевой в возвращенной книге «Памятники римской культуры»: «С глубоким уважением прекрасному педагогу, привившему моему бестолковому внуку любовь к родному языку».

Между тем редактор пригрозил: он еще «выведет на чистую воду некоторые властные структуры»... Пресса разберется, «по чьей милости доблестные ветераны Коммунистической партии (от нее бабушка шарахалась как черт от ладана) вынуждены доживать век в воровских притонах». По окончании страстной тирады служитель закона ретировался без протокола.

Став полноправным владельцем недвижимости, Борис озадачился переустройством жилья. Первым делом следовало отделиться от ненадежных соседусек – отгородить часть коридора, добровольно лишаясь доступа к обширной кухне, ванной и туалету. А ходить куда? В смысле, по нужде? На месте заросшего грязью общего умывальника, коим все равно никто не пользовался, возник личный санузел. Из-за тесноты душ там можно было принять только стоя или сидя на унитазах, зато – свое!

Уникальную в своем роде конструкцию Светка охарактеризовала кратко и исчерпывающе: «шедеврально». Начало положили профессиональные сантехники. Они, провозив-

шись неделю и взяв солидную сумму, так и не смогли добиться полной герметичности. И за компанию с Борькой душ принимали соседи снизу. Тогда он самостоятельно взялся за гудрон, какие-то водоотталкивающие стяжки... С тем же результатом. В конце концов в гости зашел Гриша, встревоженный несвежим внешним видом лучшего репортера. И дал совет, простой, как все гениальное:

– Да поставь ты поддон, и все дела!

«Все дела» оказались несколько сложнее, чем казалось. В итоге унитаз тоже поместился на нержавеющей душевом пьедестале, заняв большинство моечного пространства. Смонтировав невиданный агрегат, новосел опробовал его во всех ипостасях и на очередной день рождения подарил начальнику разводной ключ.

– Гриша, ты работаешь не по специальности. Ты рожден водопроводчиком!

С «черной» лестницы получился отдельный вход прямо в «пенал». С этой целью нанятые за жидкую валюту нетрезвые амбалы продолбили дыру в полуметровой толщины стене. Еще в длиннющей комнате удалось выкроить кухонный уголок. Сливную трубу из-под микроскопической раковины вывели в «душ». Но первая же попытка обзавестись еще и газом оказалась последней. Потребовалось согласование, и явившиеся представители «Петрогоргаза» долго смеялись, увидев, куда он собирается втиснуть плиту и каким образом тянуть трубы.

– Своей жизнью, молодой человек, вы вольны распоряжаться, как заблагорассудится. Это ваше право. Можете вешаться, резаться, топиться, способов много. Но массовое сожжение мирных граждан мы вам позволить не можем!

– А что, собственно, не так? – поинтересовался переустроитель.

– Есть нормы и правила, регламентирующие газоснабжение жилых помещений, – туманно пояснил старший из инспекторов.

– Вы ЭТО называете жилым помещением? – продолжал упорствовать Борька.

– Но Вы же здесь живете! – был ответ, и жилец печально вздохнул:

– А разве это – жизнь?...

Так и грел-варил себе на электрической плитке. И повеселел лишь благодаря внедрению микроволновой технологии. К родителям на их периферию блудный сын, ставший владельцем антикварного жилья, ездил только в гости. Благо отсюда до редакции – рукой подать.

Ну вот, а тут еще и любимая тычет носом в быт, в котором лично его устраивало все. «Библиотечную» часть холостяцкой норы поначалу хотел сохранить в неприкосновенности, но, копнув скопившиеся за многие годы залежи, убедился: не удастся. Ветхая бумага «Нового мира», «Авроры», «Невы» и подобных толстых журналов оказалась изъеденной жучками и рассыпалась в пыль. С двойственным чувством потери

и облегчения сдал центнер макулатуры, массивные дощатые стеллажи заменил ажурными, легкими и прочными дюралевыми, и стало возможным поставить нормальный письменный стол, он же обеденный. Плоский телевизор на стене места не занимал. И, наконец, кровать – главная деталь интерьера – претерпела модернизацию, став настоящим царским ложем. Привольно – втроем можно спать, если приспичит, и не скрипит. А что танцевать негде – так не в этом счастье! Ко всему – у него был настоящий балкон. Эх, женщины! Ничем вам не угодишь...

Собираясь уходить, Светка мимоходом щелкнула по клавишам дремлющего ноутбука. На экране набросок текста о перелете через океан соседствовал с электронной версией билета. И вместо прощального поцелуя авиапутешественника больно укусили за ухо.

– Ты чего? – возмутился искатель приключений.

– А чтоб не соблазнял там своих панамских стюардесс.

– Ну, ты и темная! Какая Панама? «ПанАм» – означает компания «Панамерикэн». Только ее уже не существует, и лечу я «Дельтой», и не на перешеек, а в простой Нью-Йорк.

– И зачем непростому питерскому журналисту простой панамериканский Нью-Йорк?

– Да вот хочу там в одной кафешке мороженого попробовать. Говорят, жутко вкусное.

– Любишь мороженое?

– Обожаю с детства.

– Я тоже. А мне с тобой нельзя?

– Поехали. Но рейс в пять утра, ты еще спишь.

– Да-а, пять – это слишком... тогда поеду домой. А ты имей в виду: все эти стюардессы по имени Жанна – народ ненадежный. Нынче здесь, завтра там. Остерегайся, милый!

– Ну какие Жанны на американском аэроплане?!

– Не Жанны, так Джоанны, Сюзанны...

– Да не переживай ты, послезавтра вернусь, и сразу в ЗАГС!

– Ох, Шацкий, Шацкий... Видно, не дожидаться от тебя галантного предложения!

– Свет, я по-другому не умею. Давай поженимся, серьезно! Я исправлюсь, хату поменяем, книжки на помойку...

– Так и быть, подумаю. Красиво заговорил, прям заслушаешься...

– Вот видишь, недаром народная мудрость гласит: «женщина любит ушами»!

– Да ну?! А я-то, дура, совсем другим местом пользуюсь.

– О-о? Расскажешь? Или секрет?

– Эх, все тебе расскажи, покажи, дай попробовать...

Прощание несколько затянулось. Доверять популярную телеведущую случайному ночному таксисту нельзя, надо доставить домой. В итоге к пулковской стойке регистрации несся призовым рысаком.

Глава тридцатая

октябрь 2016, Нью-Йорк

Едва войдя в затейливо украшенную снежинками, Санта-Клаусами, оленями и прочими зимними атрибутами дверь, Борис поймал на себе изучающий взгляд. Крепко сложенный молодой человек сидел за столиком у входа и держал в руках раскрытый журнал в яркой обложке. Охранник? В детском кафе? Странновато... Правда, при рассмотрении публики в зале интересу секьюрити нашлось обоснование – приезжий журналист оказался здесь единственным мужчиной.

За столиками сидели, угощаясь мороженым и различными напитками из чашек, стаканчиков и винных бокалов, около трех десятков женщин и детей. Мужской пол до его появления представляли всего два подростка. Один из них был худосочным бледнолицым, другой – раскормленным «афро».

К тому же внешний вид нового гостя никак не подходил под понятие «элегантный». Джинсы и куртка – явно не от модных кутюрье. К тому, что на голове, парикмахер не прикасался месяца два. Щетина уже не трехдневная, а несколько более. И глаза после бессонной ночи с последующим му-

чительным перелетом в «туристическом» классе – опухшие и красные, как с похмелья. Западные авиаперевозчики битком набитые общие самолетные салоны красиво называют туристическими, а по-нашему – понятнее и честнее. Эконом-класс, этим все сказано. Борис, выбравшийся из автобуса четыре часа назад, до сих пор не избавился от скованности в ногах и спине. И поспать не удалось. Поэтому видок у него был откровенно подозрительный. Да уж... Демократия, конечно, остается в силе, но внимание охранника беспочвенным не назовешь.

Очевидно, информация о прибытии странного посетителя была оперативно доведена до кого следует, так как из-за неприметной двери тут же возникла элегантная дама в серебристом платье. Снежная королева – хотел было подумать Борис, но остановился: поблескивающая антрацитом прическа никак не соответствовала образу зимней владычицы. Имелось и еще одно несоответствие: глаза не светлые, как подошло бы той скандинавке, а скорее южные, карие.

Усталая голова варит не совсем исправно... так и хотелось сказать прямо: «Пардон, мадам, не затруднит ли Вас повернуться вот так, бочком? Видите ли, я Ваше очаровательное личико, по-моему, видел дважды, оба раза на малюсеньких фото, и тех картинок при себе нет, к величайшему сожалению. Так Вы это или не Вы?»

– Hello! Glad to see you! Are you sure want to visit our cafe?
(Здравствуйтесь! Рада видеть Вас! Вы уверены, что хотите по-

сетить именно наше кафе?)

Пришелец несколько не удивился не слишком радушному приему – чего еще ожидать помятому бродяге, сунувшемуся в приличное заведение?

– Yes. You see it is very interesting to me. I flew from Russia, St.peterburg/ I am a journalist. My name is Posorov. Boris Posorov. (Да. Мне очень интересно. Видите ли, я прилетел из России, Санкт-Петербург. Я журналист. Моя фамилия Позоров. Борис Позоров.)

И на всякий случай добавил по-русски:

– Вообще-то это псевдоним. По-настоящему – Шацкий.

Серебристая мадам слегка поклонилась.

– Русский журналист... Что ж, давайте по-русски. Так будет даже проще, для Вас. А для меня – хорошая практика. Проходите, мистер Шацкий... или Позоров... Не возражаете, если буду называть Вас просто Борис?

– Как Вам будет угодно.

– Пройдемте вот сюда, это стол для своих. Или, как у вас там до сих пор принято говорить, «почетных гостей». Пресса, тем более зарубежная, нечасто удостаивает нас своим вниманием.

Она подождала, пока Борис на правах кавалера отодвинет ее стул, сядет сам.

– Сытно поесть не рассчитывайте. А мороженое – обязательно. Не пожалеете, будете хвастаться знакомым девушкам. Это мое фирменное, десерт так и называется «Диана».

Несколько видов пломбира, мягкого мороженого, сироп, ликеры, фрукты, шоколад. К нему, конечно, вино.

– Роскошно. А кто будет платить? Вы? Или позвольте мне?

– За вино, с учетом принадлежности к сильному полу, заплатите сами. Кстати, у меня подают только греческое. Вас устроит?

– Разумеется. Хотя, к моему стыду, греческих пробовать не приходилось.

– Рекомендую красное. Пятилетнее «Мандилари», – хозяйка сделала знак, и беззвучно появившаяся девушка в форменной одежде с кокетливым передничком и фигурной заколкой в волосах выслушала заказ, кивнула и исчезла так же бесшумно.

– Спасибо. А мороженое?

– За мороженое платит заведение. Вам повезло – сегодня у нас особенный день. Мы называем «День Дианы». Девушки сокращают: «Дэй Ди». Всем желающим подают фирменный десерт за счет кафе.

– Что значит особенный?

Официантка принесла вино, открыла, плеснула в его бокал. Борис пригубил и не удержался:

– Вот уж век живи – век учись! Отныне пью только греческие вина! Белое тоже такое?

– Не хуже. Попробуйте мороженое. Когда растает, вкус не тот.

– Я его выпью, – Борис попробовал и, вспомнив детство, разом умял половину, – Отлично! А Вы не едите свой пломбир? Простите, десерт?

– За столько лет – сыта им по горло. Я буду пить по-русски. Без закуски.

– А по-моему, русские едят больше всех остальных, вместе взятых...

– Ну, спрашивайте.

– О чем? А, чуть не забыл. Так что в сегодняшнем дне особенного?

– Иногда... Нерегулярно, несколько раз в году я устраиваю такой вот праздник, что ли. Прихоть хозяйки кафе. Рациональное зерно не ищите, его попросту нет.

– Так и запишем... Нет, никаких записей я, как правило, не веду. У меня тренированная память. Ну, и о чем еще должен Вас спросить?

– Не надо прикидываться, Борис. Я без представления знала, что Вы журналист. Более того, знаю, какое издание представляете. Раз Вы здесь – значит, будете задавать вопросы. Я готова на них ответить.

Ох, как же хочется попросить повернуться в профиль, убрать волосы с ушей и шеи, подвести глаза, надеть массивные серьги... Как в журнале. Нет, нельзя. Этикет, чтоб его...

– Готовы... Следовательно, искать несуществующие рекомендательные письма и совать Вам под нос мою репортерскую карточку не надо.

Слово – не воробей... Вспомнив о нынешнем местонахождении названного предмета, Боря слегка испугался. А ну как спросит она: «Да-да, покажите-ка ее...» Останется с кривой улыбочкой шарить по карманам и изображать фальшивое изумление: «Ба! Надо же, забыл. Забыл в редакции, прямо на столе у главного!» Вот положеньице...

– Не суйте. Не надо, – спасла от конфуза хозяйка заведения.

– Карточку или ...?

– Нос вы уже сунули.

– Мне показалось, меня здесь ждали... Как вы узнали, кто к вам пришел? И сунул нос?

– А Вы догадайтесь... Неужели непонятно? У нас хорошая служба безопасности. Она работает и в сфере, так сказать, виртуальной.

– То есть вы отследили мои хакерские попытки?

– Еще раньше вы имели глупость... неосторожность напрямую обратиться к людям, готовившим материал обо мне.

– Как? Вы и эту... «Елль» контролируете?

– Не смешите. Контроль над таким изданием мне не по силам. Мало каши... Но знакомые у меня там есть.

– Так я у вас под колпаком?

– Цитируя старинный советский фильм, мы все под колпаком – кто у Мюллера, кто у ЧК... Вы ешьте, пропадет же вкус.

– Спасибо, – он несколько иначе представлял визит в за-

урядное кафе у границы Центрального Парка, – Appetit как-то...

– Да Вы не пугайтесь, Борис. Никто Вас здесь травить, душить и в Гудзоне топить не собирается.

– Я надеюсь. Что касается хакерства... я не имел целью выведать какие-то секреты. Меня интересовала только ваша личность.

– Только... Неплохо сказано. Его интересует лишь то, мадам, та ли Вы, за кого себя выдаете? У мафии за стократ меньшее любопытство Вам бы уже давно мыли ноги в тазике с цементом!

– Все-таки пугаете?

– И в мыслях не было. Ну, если вопросов нет и доедать не собираетесь, налейте еще вина, выпьем на посошок, и – гуд бай, Америка. То есть, прощайте, Боря! У меня не так уж много времени, чтобы сидеть тут с вами битый час без толку.

– А вот моего друга-хакера Вы напугали изрядно. Он даже подумал – случайно попал в какой-то филиал Пентагона.

– Ага, работает панцирь, – оживилась хозяйка, – Не филиал, конечно, но эта охранная система названа разработчиком по-военному, «Ассолт-брейкер». Понятно?

– Нет. Поясните, для дилетанта.

– Мужчине всякие военные термины вроде должны быть ясны с полуслова... Или Вы, как у вас там говорят, «откосили» от службы?

– Не косил, но моя служба была, так сказать, альтернатив-

ной.

– По физическим кондициям Вы вроде парень хоть куда... Без очков... Порок сердца или плоскостопие?

– Мимо. Просто неудачные родинки. Служил в стройбате. На моей «войне» чаще встречалась буссоль, чем..., как вы сказали? Ассоль?

– Это означает пресечение, срыв нападения или штурма. Многоуровневая система активной обороны. Спутник или самолет обнаруживает движение танковых колонн, и по ним наносится прицельный удар высокоточным оружием. Ракеты, мини-бомбы бьют сверху, в самые уязвимые места бронемашин. В наше время стальным армадам на поле боя ничего не светит – они и до поля как такового не доберутся.

– Так вы могли по моему другу и ракету пустить?

– О-о, зачем же так буквально. В виртуальном мире и ракеты виртуальные. Наш компьютер определяет попытку внедрения, и электронные мозги агрессора подвергаются превентивному воздействию.

– Понятно. Какой-нибудь хитрый вирус.

– Вирус?! Да там сотни, тысячи вирусов, подвирусов, блокад... Подробностей даже я не знаю. От ракеты можно спрятаться в бункере, а тут – если процесс пошел, не поможет ничто. Винчестеры, чипы, микросхемы приходят в негодность. Оставшееся от слишком любопытного компьютера полностью очистить и восстановить вряд ли удастся. Проще купить новый.

– Львица... Бедный Гоша...

– Простите? Какая львица?

– Нет, это так, к слову... А если интерес проявит полиция?

ФБР?

– Их возможности, безусловно, несравнимы с нашими.

На такой случай есть другой вариант ответа. Не встречный удар, который без труда отразят, а – самоликвидация. Все данные, представляющие ценность для правоохранителей, мгновенно стираются, переносятся на внешние накопители. Мы неуязвимы. Ваш испуганный друг, надеюсь, не сошел с ума?

– Какое-то у нас получается интервью наоборот! Давайте все же я буду спрашивать?

– Да, действительно... Но ведь интервью обычно предполагает какую-то выгоду для отвечающего. Помните исконно русское: «за так и прыщ не вскочит»?

– Денег не предложу. Их у меня, вообще-то, и нет... Как насчет популярности? Известность всегда полезна. Мою газету читает многомиллионный город. И по стране кое-что расходится. С телевидением, опять же, есть контакт... – вспомнив о «контакте», Борис слегка опечалился.

– Так и быть, спрашивайте. Хотя никак не возьму в толк, откуда у Петербурга интерес к американскому мороженому. У вас своего мало?

– Хватает. А интерес не у города, а у скромного репортера. Корни глубоковато, но я умею копать.

– И много накопили?

– Вот сейчас и выясним. Для начала: Вам о чем-то говорит название колледжа «Новый Гарвард»?

– Нет. А что, есть и такой?

– Уже нет. Тогда я просто перечислю несколько имен.

– Какие-то имена... Перестаньте интриговать, давайте конкретнее.

– Видите ли, в Санкт-Петербурге, Москве и кое-где еще произошел ряд несчастных случаев с мужчинами, учившимися в том самом колледже в девяносто пятом году.

– В огороде бузина... Вам самому не странно? Где я с моим кафе, а где Санкт-Петербург, тем более Москва?

– Тем не менее.

– Эти ваши мужчины... Они сильно пострадали?

– Их... то есть они погибли.

– Разве в России больше нет полиции, сыщиков, прокуроров, следователей? Зачем вашей газете разбираться в причинах смерти, пусть и нескольких людей? Они что, попали все вместе в какую-то катастрофу? Лавина, самолет? Подводная лодка?

Если бы он не знал точно, ему бы и в голову не пришло: эта красивая женщина бессовестно врет. Ни малейшего признака волнения, никакой мимики, движений рук, только обычный интерес. Штирлиц в юбке!

– Полиция и все остальное в России есть. А газеты во всем мире ищут информацию для читателей. Для нас интересно

все.

– Я так поняла, полиция оказалась бессильна? Тогда есть ведомства, занимающиеся катастрофами, стихийными бедствиями...

– Общей для всех катастрофы не было, все они умирали по отдельности, и в каждом, почти каждом случае этим занимались компетентные органы.

– И в результате кого-то арестовали?

– В том-то и дело, что нет.

– Почему? Коррупция? Русская мафия? – теперь в ее голосе сквозила легкая ирония.

– Причинами сочли самоубийства. Плюс один анафилактический шок.

– Теперь ваша очередь пояснить. Анафемо...

– Анафилаксия – сильнейшая аллергия. В данном случае на обезболивающее лекарство, прямо в зубоврачебном кресле.

– Надо же... И Вы полагаете – я могу знать о гибели этих... самоубийц?

– Я все-таки назову имена. Их пять. Пусть Вас не смущает, к паспортным данным я буду добавлять юношеское прозвище. Поехали?

– Поехали... Если считаете нужным.

– Начнем. Первым погиб Петр Гасенко, или «д'Артаньян». Год назад. Он жил в Киеве, попал под поезд метро. Весной в Москве выбросился из окна высотного дома Артур

Мисенок, «Арамис». За ним от аллергии внезапно скончался Леонид Ферапонтов, его называли «Атос». Это произошло в Пскове. Через две недели, в Подмосковье, заживо сварился Семен Портнов, «Портос». А последним, в августе, не стало их давешнего вожака, так называемого капитана. Дмитрий Тришин, по кличке «Тревилль», разбился, прыгая с парашютом. В моем городе, а еще точнее – в Кронштадте.

Ему показалось или при последнем имени глаза собеседницы чуть сузились? Сидящая напротив женщина слегка покачала головой.

– Нет, эти имена и фамилии мне ни о чем не говорят. Я их не знаю, поэтому не буду выражать соболезнования или как там еще полагается по правилам хорошего тона.

– Не знаете или никогда не знали?

– А какая разница?

– Разница существенная. Хорошо, нарушу репортерское правило. Мне следует спрашивать, а я сообщу Вам кое-что еще.

– Полагаете, мне будет интересно?

– Не сомневаюсь. Итак, в том самом девяносто пятом вместе с этими «мушкетерами» учились и девушки. И одна из них...

– Мне кажется, в разных школах-колледжах училось в те годы, да и сейчас учится, огромное множество всяких девушек.

– Погодите. Она не просто училась. Она покончила с со-

бой. А ее подруги остались.

– Печально. К тому были причины? Или она была, как большинство юных угнетенников, психически... неуравновешенна?

– Нет, она была здорова. А почему – угнетенников?

– Ну, мне всегда казалось, девушки из-за несчастной любви обычно или травятся таблетками, или лезут в петлю.

– Ни то, ни другое. Что с ней произошло, я сейчас расскажу. Хотя Вы и сами знаете... А насчет мужчин как раз хочу выяснить у Вас.

– Боюсь, ничем не смогу помочь. Да и нет у меня желания продолжать наше... интервью. А Вы, по-моему, очень утомлены. Вам надо отдохнуть и возвращаться в город на Неве. Так его называют в России?

– Именно так. Но неужели Вам самой не хочется узнать, почему я примчался сюда, за океан?

– Разве что чисто по-женски. Женщины обожают всякие сказки, сплетни, небылицы. Только не касайтесь больше этих... трупов. Противно.

– А если я, как все журналисты, буду чуть-чуть бестактным? Не выгоните?

Мороженщица скептически усмехнулась.

– Выгонишь Вас... Его за дверь, а он в окошко... Спрашивайте.

– Хорошо, – определенно ее глаза схожи с... нет, никак не улавливается... – Мужские имена Вам незнакомы. Тогда

женские: Надежда Самохвалова, Ольга Терехова... Нет? А Софья Рицан?

В лице владелицы кафе как будто ничего не изменилось. Изменилось в голове журналиста. Борис вздохнул, будто собираясь нырнуть с обрыва.

– Скажите, Вы – Соня... Софья? – он надеялся уловить хоть какую-то реакцию, но очевидное недоумение собеседницы вызвало в памяти другое фото. Не журнальное, а гораздо старше, гораздо... И лицо – не в профиль. Засмейся она – давно узнал бы.

– Нет, конечно, нет... Вы... Вы – Дина Арестова?

– Нет, – она смотрела по-прежнему бесстрастно, – Я – Дина Аристидис.

– Но Вы были ею?

Теперь он был стопроцентно уверен: его поискам на этом конец. Интуиция не подвела, а догадка подтвердилась даже сверх всяких ожиданий – мнимая утопленница обернулась некой современной Немезидой или Миртой... Вот копнул так копнул! Но законной охотничьей радости не было – вместо нее пришла усталость. И вновь поразила удивительная эмоциональная стойкость казавшейся хрупкой женщины. Она, по-прежнему спокойно глядя ему в глаза, лишь чуть усмехнулась.

– Снова нет. Насколько мне известно, указанное Вами лицо официально признано утонувшим в реке Нева двадцать лет назад.

– А давайте по-другому?

– Давайте.

– Вам известно что-нибудь о судьбе... жизни той девушки?

– Не для записи?

– Разумеется.

– Хорошо. Придется Вам рассказать. Облегчить, по-русски говоря, душу.

– Рассказывайте. Я, ей-богу, никому!

– Клятва журналиста... Обет молчания болтун может исполнить только в двух случаях.

– Можете перечислить?

– Пожалуйста: первый – если ему отрезать язык.

– Но он же сможет писать...

– Увы. Поэтому второй действеннее.

– Давайте угадаю. Отрезать голову?

– Именно. Но я вам верю, потом расскажу почему. Давайте продолжим.

– Давайте. О Дине.

– Итак, Дина поступила в известный вам колледж в известном вам году. Училась хорошо, ничем особенным не отличалась. За три дня до выпуска ее пригласили на бал.

– Кто пригласил?

– Пятеро мальчишек, парней с ее курса.

– И она пошла? Одна?

– Ей сказали – разумеется, она будет не одна. Будут еще

девчонки. А главное – это подтвердила соседка по комнате, можно сказать подруга. Та даже одолжила ей свое лучшее платье – красное, длинное, расклешенное. Бальное. Подошло отлично. По росту немного великоватое и по полноте пришлось малость убрать – несколько булавок, и все.

– С чего такая щедрость?

– Она-то хотела идти по-простому, в джинсах с блузкой. Но ей сказали... сказал их заводила, он называл себя «капитан»: она выбрана «королевой бала». Поэтому желательно платье. Для танцев.

– Логично. А почему вы ... Дина так безропотно согласилась? Наверное, была в него влюблена?

– Не то чтобы влюблена. Нравился, да. Он был красивый. Высокой, стройный, всегда стильно одет. Глаза голубые, волосы светлые, прическа. Похож на киноартиста...

– Он пригласил только ее? А кто приглашал других девушек?

– Да, логичный вопрос. Она не знала. И ее, дурочку, не смутило, когда подруга, помогая подогнуть тот самый наряд, со смешком сказала: «В платье гораздо сподручнее»...

– «Сподручнее» – по отношению в танцам звучит как-то... не совсем подходяще.

– Вот-вот. Оказалось, она... они имели в виду несколько иные танцы.

– То есть танцев не было?

– На первый взгляд готовились именно к танцам. Там, в

спортзале, проходили занятия, иногда разучивали вальсы, танго. Она не ходила.

– Не интересовалась? Там же можно было встречаться... с ним, другими парнями?

– А ей это было неинтересно. Не было в ней воспетого Пушкиным томления.

– Ладно, позвали, пришла, а там – никого. Развернулась бы и ушла, по-моему...

– Нет, они все обставили даже торжественно. Перед дверью в спортзал подруга пропустила ее вперед, и она, войдя, оказалась в окружении галантных кавалеров. Включилась музыка, вальс, к ней подошел ОН, поклонился, взял за руки, как бы приглашая. Она даже встала в танцевальную позицию... И тут он поднял ей руки, высоко-высоко над головой. Он ведь был намного выше ростом. Ей пришлось даже встать на цыпочки. Удивительно, не так ли? А в следующую секунду кто-то из них сзади схватил ее платье и задрал на голову, закрыв лицо, глаза...

– Луковка.

– Как вы сказали?

– Это термин из блатного жаргона. «Луковка». Юбку на голову, и вперед.

– То есть об остальном вы догадались сами.

– Неужели некому было прийти на помощь? Ведь она же сопротивлялась, кричала, в конце концов?

– Закричать пыталась, но не вышло – подол сгодился и

в качестве кляпа. Сопротивлялась? Да, разумеется... дергалась. Представьте на минутку себя в таком положении – руки подняты кверху, их крепко держат... Хотите попробовать? Посопротивляться? У нас в охране крепкие ребята. Насчет остального – не знаю, а штаны с вас они стащат за две секунды. Позвать?

– Нет, благодарю. Убедили.

– Правильно. Прикиньте соотношение сил одной девочки и пятерых возбужденных парней. Надолго ее хватит?

– А она? Подруга? Помогала им?

– Нет. Она сразу исчезла... Видимо, ее роль исчерпывалась приводом главной героини спектакля. Или фильма.

– Они записывали? Снимали?

– Камера была, да. И они... они ставили метки. После каждого... захода делали след, и к концу «бала» на плече «королевы» образовалось нечто вроде тату. Фигурный кровоподтек, в виде лилии. По Дюма.

– Просто патология какая-то...

– Патология, да. В процессе ее угощали. Королевским напитком. Сладкое крепкое вино. С тех пор ненавижу мадеру.

– Может, ей в качестве самозащиты надо было попробовать... ну, рвоту, что-то в этом роде?

– Рвоту... Рвота возможна, если есть еда. Конечно, тошнило. На закуску ей предлагалось нечто несъедобное – французское, так сказать, блюдо. Чего-чего, а тошноты хватало...

– Ушам не верю.

– И не надо. Считайте этот рассказ бреднями полусумасшедшей феминистки, – она допила вино, – Для пущей фантастичности добавлю: «королевские балы» происходили неоднократно. Королев выбирали, приглашали, «танцевали»... Их имена вам известны. Они молчали.

– А потом... Когда все закончилось, ей ведь можно было обратиться... заявить в полицию, да просто к педагогам, куратору?

– Они обезопасили себя от такого поведения... жалоб. Если бы девушки обратились в органы или к преподавателям, все скорее всего спустили бы на тормозах. Этот, «капитан», он ведь был сыном директора, – хозяйка кафе сплела и с силой сжала побелевшие пальцы, – Владельца лица. А чтобы не рыпались, страховались естественным для жертвы такого... деяния нежеланием огласки происшедшего, неизбежного публичного обсуждения, позора... ложной стыдливости. Их расчет вполне оправдывался во всех случаях, и моем... Дины в том числе. Я, правда, не знаю, скольких они после еще посвятили в свои «королевы»...

– Скорее всего, на вас все кончилось. В колледж пришли проверки, милиция начала копать...

– Да, вполне возможно. Самоубийство не скроешь, на психиатрию списать было бы трудно – я... Дина была совершенно нормальной, веселой, общительной девочкой, отлично училась, никаких признаков депрессии не проявляла. Чтобы «королева» после «бала» не дергалась, они... В общем тогда,

наутро, проснувшись, а скорее очнувшись – я до того практически не знала вина, обнаружила на подушке несколько фотографий. Отлично, почти профессионально сделанных. В самых разных... позициях. Их лиц видно не было, а мое – очень отчетливо. С самым разным выражением – улыбкой, смехом, удивлением, восторгом. Как им это удалось? Очень просто! Один из них, «д'Артаньян»... кстати, мне казалось, он был влюблен в эту дурочку... Так вот, Гасенко проявлял способности по части всяких компьютерных штучек, у него была цифровая камера. Обожал комбинировать. За две недели до... бала в колледж приходил фотограф, готовить выпускную сессию. Мушкетер вызвался ему помогать, дублировал снимки мастера. Ясно – монтаж. А кто докажет? Там была записка, до сих пор помню: «Если Королева...» именно так, с большой буквы... «проявит нескромность, ее прелести увидит весь город». Порнография везде и всегда шла на ура. Я поняла, что больше не хочу жить. Во всяком случае, там.

– А как ей... вам удалось выплыть?

– Это проще всего. Я не сказала? Дина до поступления в колледж много времени проводила у бабушки, матери отца. Вы бывали в Евпатории?

– Разумеется. Маяковскому не пришлось бы меня жалеть.

– О, да. Он жалел лишь «тех, которые не бывали в Евпатории»... Господи, кого только у нас не записывали в великие поэты!

Борис, не спрашивая, наполнил ее бокал не по этикету, до

краев. Она отпила, благодарно кивнула.

– Там я научилась плавать, купалась с мая по октябрь. Плавала, как рыба. Мне и Неву переплыть было бы детской забавой. Но тогда это в мои... ее планы не входило. Прошла по набережной, нашла лестницу к воде. Там по бокам стояли такие большие то ли вазы, то ли урны. В одну из них положила одежду – старый спортивный костюм, кеды. Метров через двести на глазах у какой-то парочки бросила сумку и нырнула. Глубина там хорошая, а течение у берега слабое. Больше всего боялась – дурачок-матросик кинется спасать. Но он, похоже, оказался не из героев. Я подплыла к парапету вплотную, чтобы сверху не разглядели, дождалась, пока уймется первая суета, а потом тихонько додрейфовала до своей вазы-урны, оделась, и – на вокзал. Приехала к бабушке, и вот там-то меня скрутило. Недельку провалялась в бреду. Она молодец, никому ничего сообщать не стала. Все поняла.

– А мать, отец?

– Я росла без матери. Не хочу об этом говорить, в двух словах – она любила мотоцикл, ездила рискованно, даже после моего рождения. И однажды не справилась. Я езжу аккуратнее.

– Сочувствую. Тогда – отец?

– Арестов? Да, бабушка ему, конечно, позвонила. Спросила, знает ли он, что случилось с дочерью. Оказывается, ему уже прожужжали все уши и милиция, и наши... педагоги. Он был весь в слезах, совершенно убитый, даже не стал

слушать ее бредни: с дочкой все не так. Якобы она жива. У него в Подмосковье еще только-только родился первый сыночек, от второго брака. Я тогда поняла – ему было проще признать меня... Дину мертвой, чем вот такое... Короче, ее не стало. Самое страшное началось потом, через месяц. Выяснилось – прошло не все. Будет... может родиться ребенок. Одна мысль об этом... Один, а может и не один из них оставил во мне свою... мерзость, была невыносима. Тогда Дина набралась смелости и налила, накачала в себя щелочи... Было больно, страшно, помогла решимость: я скорее умру, но не позволю этой гадости прорасти во мне! Бабушка – медсестра. Если бы не так, мы бы здесь не разговаривали. Сколько ей пришлось помучиться, пережить вместе с той психопаткой – уму непостижимо! Глубокие ожоги, воспаление, несколько кровотечений... Врачам надо бы памятник поставить. Мои кости просвечивали насквозь... Бабушка пожертвовала своими сбережениями, продала из дома все мало-мальски ценное. Но она меня спасла. Уже меня. Я как-то привезла ей аттестат за девять классов, похвастаться, да и забыла. Несколько капель морской воды, и на его основе изготовился новый паспорт взамен «утонувшего». Недешево, между прочим. Так и появилась Диана Аристидис, будущая миллионерша. Ей, бабушке, новое рождение внучки стоило жизни. До моего «второго пришествия» была здоровой, полной сил. Пенсионеркой без удостоверения никто не хотел признавать. А через три года умерла. Рак. По стран-

ному совпадению – матки. Сразу с метастазами всюду, куда возможно. Хирург сказал, в этом возрасте так не бывает! Еще как бывает... А за год до смерти она свозила меня к своим родным.

– В Подмоскovie? Или там же, в Крыму?

– Нет, подальше. Волос Вам о чем-нибудь говорит?

– Где?! У меня в креманке? – наверное, у него сделалось донельзя глупое лицо.

Дина-Диана буквально прыснула, на мгновение помолодев лет на двадцать. Он подумал: как она, наверное, была красива! Сейчас, безусловно, перед ним сидела шикарная женщина. А смеясь, стала озорной девчонкой... Она вновь посерьезнела, отпила вина.

– Рассмешили, право слово! А географию в России больше не преподают? Волос – греческий город, где живут мои нынешние родственники. Там я впервые попробовала не наше мороженое. И поняла: они в нем ничегошеньки не изображают! У него другой вкус, какой-то чрезмерно искусственный, нарочитый. После смерти моей благодетельницы я продала дом и получила начальный капитал, а уж деловая жилка появилась как-то сама собой.

– Но Ваш... Дины... отец, он к матери разве не ездил? В Крым, на море? Он ведь мог Вас увидеть, узнать?

– Ездил, ездил. И не один, а с новой женой, сыном. Хороший, кстати, вырос парень, учится на военного, все у него в порядке. Меня на время их посещений бабушка прятала у

соседей. Там люди при всей общительности очень деликатны, а заборы – сами знаете. Стены. Я их видела, а они меня – нет. Да меня и трудно было бы признать, даже родному отцу. Пока лечилась, истощала вся. Волосы... не бойтесь, на мне... вылезли. Краше в гроб кладут. Так до конца и не восстановилась.

– Напрашиваетесь на комплимент? В зеркало не смотрите, наверное! Да с вашей внешностью Вы заткнете за пояс половину голливудских красоток!

– Бросьте. Макияж, фитнес... Занятия в клубе. У нас отличный спортзал, бассейн, тренажеры. Положение обязывает, вот и держимся помаленьку. Краска хорошая, правда? Я ведь наполовину седая... Стараниями известной вам пятёрки я лишилась возможности истинного счастья женщины. Внешность – ерунда... Болезни, нервы – проходят. А любить, быть любимой? Иметь детей... Вам, разумеется, известно – при желании можно завести сколько угодно. Но они будут приемные. А так хотелось бы своих.

– Вернемся к основной теме. Вам не кажется – в той давней... ситуации степень виновности задействованных... так называемых мушкетеров была все-таки различной? Там явно присутствовал лидер, вожаком его назвать или атаманом – без разницы. А остальные, скорее всего, только управлялись им?

– На это мы с вами смотрим по-разному. У меня такое мнение: управляемым человек может быть, но лишь один

раз. И то – до какого-то предела, фазы события либо действия, куда он втянут помимо воли. Дальше он становится ведомым. А это, согласитесь, несколько иная категория, как физически, так и нравственно. Снисхождения не заслуживает.

– Хорошо, принимается. А как же с христовым постулатом «Мне отмщение, и Аз воздам»? Виновны все, но срок давности по любым законам надо бы учесть? Мир, даже наш, послесоветский, стал намного религиознее...

– Я никогда не была религиозной, верующей. Не стану притворяться – в Божье наказание не верю. И в Страшный Суд тоже. А если он когда-то и состоится, не будут ли его прокуроры и присяжные чересчур перегружены? Сколько до него веков, вам известно?

– Насколько я знаю, сроки грядущего процесса пока не оговорены.

– Вот именно. Там уже столько дел заготовлено... Они за века не управятся. Почему бы не помочь немного хорошим людям?

– Людям?

– Ну да, на всех образах «Страшные судьи» предстают в человеческом обличье. Живопись по специальности проходили?

– Помочь... Звучит как своего рода признание, не находите? То есть Вы поучаствовали в... судьбе тех самых... пятерых?

– Догадывайтесь, догадывайтесь. Такая у вас работа. Прямого покаяния не будет.

– И все же. Прошло много лет. Люди со временем меняются. Столь жестоко наказывать за поступок, пусть преступный, безнравственный, но совершенный в далеком прошлом, забытый...

– Люди? Люди, может быть, и меняются. Но если в этом существе – я намеренно не употребляю в их отношении название «человек» – уже в юности была такая тьма, она никогда не рассеется. Они недостойны жить среди людей.

– Позвольте с Вами не согласиться. Вспомните старинную поговорку: «Если это выглядит как собака, бегают, лает и кусается, как собака, то это и есть собака».

– По-вашему, достаточно ходить на двух ногах и уметь разговаривать, чтобы быть человеком? Вы и Гитлера считаете человеком? И тех, кто выкачивал из белорусских, еврейских и польских детей всю кровь для своих раненых?

– Послушайте, мне кажется, мы переходим совсем к другим нравственным категориям. Я все-таки криминальный репортер, а не политический.

– Сами виноваты. Вместо вопросов по теме нашей беседы отвлекаетесь на богословие и прочие высокие материи.

– Ага, высокие. Это мне кажется или Вы пытаетесь уравнивать преступление против личности с преступлениями против всего мира?

– Нет, не пытаюсь. По-моему, преступления против чело-

вечества отличаются от таковых против отдельно взятого человека только количественно.

– Даже если так, не слишком ли... радикально вы подходите к мере, выражаясь юридически, пресечения?

– А какую меру предложили бы Вы?

– Я?.. Я бы – что-то погуманнее. Не декапитацию, а, скажем, лоботомию...

– Ну, чтоб Вас немного утешить, скажу – с одним из... субъектов именно это и произошло.

– И много у вас этих... субъектов? Погодите, я попробую угадать. Мне представляется, их число должно примерно соответствовать количеству членов Вашего клуба?

– Вы поразительно догадливы.

– У меня возникли еще догадки. Ваши бесплатные угощения. Они, как Вы сами говорите, нерегулярны. Неужели Вы таким образом отмечаете свои... акции?

– Странные у вас фантазии. Но отрицать не стану, потенциальная связь возможна.

– И тогда, раз эта благотворительность называется «День Дианы»... Я осмелюсь предположить, не по Вашему имени?

– А по какому же тогда? Продолжаете фантазировать?

– Диана – это ведь античная богиня охоты? Греческая?

– Нет. Забыли школьные науки. Римская. Греческая – Артемида.

– Да, в самом деле. Но так называть ваши празднества было бы несколько неблагозвучно. И с именем владелицы не

совпадает. У полиции возникли бы вопросы.

– Ерунда. Здесь – в этом городе, стране, обществе, никаких надуманных связей искать никому в голову не придет. Но, надо отметить, фантазия у вас действительно... мужская. Извращенная.

Внимательно глядя в темноту ее глаз, журналист испытал странное чувство. Вдруг представилось: на ней вместо облегающего серебристого платья – широкое, ярко-красное. И внезапно оно поднимается – выше, выше, еще и еще, обнажая, открывая жадным глазам и рукам всю ее, незащищенную... Он потряс головой, отгоняя морок.

– Эй, эй! Борис! Вы меня слышите? Что с вами?

– Нет-нет, ничего... Просто устал...

– Да, это утомительно – долгий перелет, смена поясов. Вам надо отдохнуть. Может быть, закончим?

– Еще немного. Название, не кафе, а клуба... Оно ведь означает не мороженое?

– И каковы ваши идеи?

– По созвучию: «Айс-крим». Лед – понятно, означает холод. А «крим» – сокращение от «криминал», или «преступление»... «Мечь – блюдо, которое подают холодным»? Так?

– Поистине мужской разум и без сна способен породить чудовище! В уставе клуба предельно ясно записано: наша цель, если хотите, миссия – оказание помощи женщинам, попавшим в трудные жизненные ситуации.

– Помощи в чем? Избавлении от... субъекта?

– Не надо усугублять. Психологические консультации, совместные занятия самой разной направленности. Игры, спорт. Изучение нетрадиционного мировосприятия. Языки. Литература, искусство.

– Токсикология...

– Чувствуется криминальный репортер.

– Парашютный спорт?

– Нет, экстремальных занятий не проводится.

– Но среди... членов клуба есть парашютистки?

– Видите ли, в Соединенных Штатах этот вид спорта достаточно популярен. Поэтому – не исключено.

– А русский язык – обязательный предмет?

– Еще одна специфика этой страны и особенно этого города: он подобен древнему Вавилону. Здесь живет огромное множество выходцев из самых разных стран, и одна из наиболее многочисленных диаспор – как раз русская. Говорить по-русски стало для американцев неким подобием моды. Мы на занятиях в основном шлифуем, разучиваем типичные диалоги, фразы, разнообразим речь. Многим нравится.

Борис устало вздохнул. Угу... хотелось бы верить.

– Живописуете – прямо островок доброты посреди моря насилия! Ячейка Армии спасения или отряд герл-скаутов...

– А Вы ожидали найти питомник чудовищ и разочарованы? Уверяю... да газетчику это известно не хуже моего – среди мужской половины человечества индивидов, склонных к

жестокости и садизму, не в пример больше, – теперь Диана смотрела на гостя чуть прищурившись, словно оценивая, – Не считайте наших женщин монстрами. Мужчины хуже.

Борис, невольно сопоставив свой походный вид с окружающей обстановкой, под ее взглядом почувствовал себя каким-то запущенным, даже неопрятным. К счастью, в отеле успел принять душ. Не хватало еще благоухать, как говно среди роз. А побриться не сподобился. Он потер щеку.

– Мужчины, конечно... И я? Я, по-вашему, похож на монстра... садиста?

– О, Вы не представляете, какие они бывают с виду белые и пушистые! Чему Вы улыбаетесь?

– Я подумал, как обрадовался бы вашим словам пролетарский поэт. Какая рифма! Представляете? «Идет садист. С виду бел и пушист...»

– Да, как раз в его стиле. Дарю.

– Спасибо, стихов не пишу. Можно еще вопрос? По делу?

– Задавайте, вам повезло. Я сегодня разговорчивая.

– Там, в Киеве... в Одинцово, Пскове... Вы там были? Скажите, каково было Ваше участие? Вы могли бы... Или не сами?

– А вы еще догадайтесь... Включите фантазию.

– Не бойтесь, я не записываю. Ни диктофона, ни микрофона у меня нет. С собой.

– Я не боюсь, я знаю. У нас, повторяю, очень хорошая служба охраны. Обратили внимание на массивный дверной

косяк? И даже если бы вам каким-то образом удалось миновать детекторы на входе, некоторые столики постоянно сканируются. Безопасность, знаете ли, в женских делах важнее всего.

– Да, о безопасности. Положим, эти, «мушкетеры», за давностью лет и не думали, не гадали, что их могут... с ними может случиться нечто подобное. А другие? Наверняка благодаря деятельности ваших... сподвижниц численность мужской популяции несколько сократилась. Но не все же столь беспечны? Или там тоже повальный суицид?

– Каждый случай рассматривается, всесторонне изучается и тщательно готовится. Самоубийства, естественно, преобладают... Не исключаются и фатальные происшествия. Люди, особенно мужчины, в нашем трудном мире совсем себя не берегут. Ежедневно, ежечасно происходят самые разные несчастные случаи, в которых гибнут нехорошие... по-вашему, субъекты.

– Примеров, полагаю, не счесть?

– Увы. Они угорают, падают с лестниц и крыш, их подводит страховка в горах и при погружениях. Отказывают тормоза, рули... А сколько банальных сердечных приступов!

– А окружающие? Те, кто с ними рядом? Есть же риск и для них?

– О нет! Если бы кому-нибудь вздумалось проанализировать, выделить из множества катастроф и бедствий с летальным исходом отдельные, интересующие Вас... я бы посове-

товала искать один главный признак.

– Какой?

– Ох, разболталась я с вами... Признак простой. Умирает именно он. Этот нехороший. Субъект. Дело – в нем, в его прошлом. Да только никто там не ищет. И не надо. Так лучше. Я имею в виду – без этих... типов на земле лучше. Чище.

– Но окружающие все-таки страдают. Хорошо... хотя это слово не совсем уместно... оптимально, если ваш... фигурант... одинок, никому не нужен. Но в большинстве случаев это далеко не так. Остаются вдовы, дети, родные. Кому-то он может быть дорог, близок, даже любим. Или вам плевать? Лес рубят – щепки летят?

– Искренне жаль.

– Но не более?

– Нет, не более. Примеры из истории вам известны не хуже моего. У нас не суд. Адвокатов не бывает, и оправдательных приговоров тоже. Строго, но, по-моему, обоснованно.

– Страшная месть. Или Вы понимаете это не так?

– Мне представляется, каждый вправе способствовать скорейшему наступлению справедливости, вот и все.

– А если я все-таки предам ваши... клубные действия огласке?

– Попробуйте. Вы наверняка собрали хороший материал, вот только опубликовать его в вашей газете вам вряд ли удастся. Если писать с указанием настоящих имен, фамилий, дат, названий и прочего – с вас потребуют реальных, а не

эфемерных доказательств. Фактуры. А ее нет. Не так ли? – она дождалась его кивка, – А без фактов это уже будет не газетная статья, а фантастический роман, – в темно-карих глазах мелькнула смешинка, – А что? Напишите-ка вы, в самом деле, хороший детективный роман. А еще лучше – сценарий фильма. Типа триллера или ужастика.

– Не мой жанр.

– У вас получится, не сомневаюсь. Хотите, помогу со спонсорами, продюсером?

– Зачем вам это? Все равно выйдет нечто вроде разоблачения...

– Какие разоблачения? Принято писать: все совпадения случайны... Сейчас так модно.

– Хорошо, я напишу, а смысл?

– Как это? Неужели вам не ясно?

– Разъясните недоумку...

– Когда-то, в юности, до... всего того, я мечтала стать врачом. И мне запомнилась мысль: будущее – за профилактикой. До сих пор, по-моему, актуально, не так ли? Болезнь легче предупредить, чем лечить.

– Да уж, с вашими-то методами...

– Вот именно. Если, почитав вашу писанину или поглядев кино, хоть один мерзавец из десятка подумает и остановится, не перейдет черту, где неизбежно станет нашим «пациентом», я вам скажу большое спасибо. Ну, обещаете?

– Попробую.

– Честное слово с вас брать не буду, – женщина чуть помедлила. Журналист молчал, – Я полагаю, в «Яблоке» вас больше ничего не задерживает?

– Угадали. И после всех откровений вот так и дадите мне уехать?

– Повторяю: вы никакой опасности не представляете. Натравить на нас полицию – не получится. Пробовали до вас, будут, вероятно, пытаться и после. Пустое. Говорить с кем-либо из персонала кафе – сколько угодно. Это всего лишь услуга. А тех, кто состоит в клубе, вам не узнать. И не надейтесь. Они скорее умрут, чем предадут. Так что езжайте с Богом! Доедайте ваш пломбир, он уже совсем растаял.

– Спасибо, мне что-то расхотелось.

– Ну, не хотите – как хотите. Позвольте мне посылить отблагодарить вас?

– За что?

– Не понимаете? Ваша «следственная работа» дала мне очень много пользы. Мы слишком расслабились. Учтем, – она обернулась к стойке, – Мисс, уточните, пожалуйста, закончились ли занятия у Элис?

Когда они молча допивали вино, к столику подошла женщина, при первом взгляде показавшаяся сестрой-близнецом сидевшей напротив – такой же рост, фигура, осанка, цвет волос. И покрой платья схожий.

– Elzbieta, my dear, take care of business class for tomorrows flight to Russia for our friend from St.Petersburg Mr. Pozorov...

(Эльжбета, дорогая, позаботься о билете бизнес-класса на завтрашний рейс в Россию для нашего друга из Санкт-Петербурга мистера Позорова)

И с улыбкой добавила по-русски:

– Будь так добра!

– Yes, of course! (Да, конечно!)

Подошедшая пристально взглянула на гостя, и его буквально окатило холодом, как будто окунулся в мороженое. Перед ним стояла среднего роста брюнетка, на ее лице выделялись ярко-голубые глаза, а на правой щеке – небольшая парная родинка.

Глава тридцать первая

октябрь 2016, Нью-Йорк–Москва

После полумрака «Дианы» галогеновый уличный свет показался Борису ослепительнее солнечного полудня. С наслаждением вдохнув полной грудью выхлопные газы восемьдесят пятой улицы, журналист огляделся в поисках такси. И невольно поежился, вспоминая завершение сладкой трапезы.

Его почему-то не оставляло ощущение туриста, по неопытности забредшего в пещеру, полную смертельно ядовитых змей и чудом выбравшегося оттуда живым. Беспечный простак несколько часов провел за беседой о том, о сем со средних размеров гюрзой, а напоследок ря-адышком проползла, едва не задев очкастым капюшоном, здоровенная королевская кобра.

Рядом, мимо... Мимо?! А может, пещерное приключение еще не закончилось? Как она сказала? «Никто Вас здесь травить, душить и топить не собирается...» Ключевое слово – «здесь». Это значит – в кафе? Или – в городе? На улице? В такси? В гостинице?

Чувствуя холодок между лопаток, он огляделся еще раз, внимательнее. По широкому асфальту тек поток автомоби-

лей и пешеходов. На первый взгляд, до него никому не было дела. Разве вот, неподалеку, у витрины стоит пара молодых женщин. Показалось или одна из них только что смотрела не просто в его сторону, а именно на него?

Возможностей избавиться от нежелательного человечка на улицах мегаполиса хоть отбавляй. Кто-то, проходя мимо, кольнет иглой с кураре... с бесшумного скутера полоснет по горлу бритвой... толкнет в спину под проезжающий автобус... О, черт! Так можно действительно сойти с ума. В отель, выспаться, и домой.

Высмотрев в третьем ряду желтую крышу с фонарем, он призывно взмахнул рукой, не особо надеясь на успех. Но местные таксисты не зря признаны виртуозами своего дела. Визг тормозов, пронзительные гудки, и перед ним распахнулась дверца. На просьбу остановить за квартал до названного адреса чернокожий водитель с усмешкой пожал плечами: «За ваши деньги – любой каприз, сэр!» Таксистское веселье объяснялось предельно просто: мужик мужика, как и рыбак рыбака, видит и понимает издали. Высаживая ездока у магазина с ярко освещенной вывеской в виде бутылки «Джека Дэниэльса», рулевой показал зубы еще раз: «Подождать?» Не услышав ответа, повторно пожал плечами и укатил.

Среди потрясающего изобилия разнокалиберных сосудов Борис выбрал два. «Смирновскую» – для бесстрашия и в качестве снотворного, плюс такую же безразмерную, как на вывеске – бурбона. В багаж, на радость коллегам. Продавец, по-

мещая покупки в фирменный пакет, поощрительно заметил:

– Great choice, sir! (прекрасный выбор, сэр!)

Борис, понимая обязательность дежурной фразы, буркнул по-русски:

– Опыт не пропьешь! – тем не менее испытал некоторую гордость.

На подходе к своему «Хилтон-гардену» заглянул в небольшой магазинчик, где прихватил упаковку «Гиннеса», банку микроскопических огурчиков под названием «корнишоны» и жестяную коробку «техасской» ветчины с двумя рядами явно не американских иероглифов по периметру. Не хватало самого важного. Вопрос:

– And where is your bread? (а где у вас хлеб?) – поверг хорошенькую узкоглазую продавщицу в шок. Борис покровительственно ухмыльнулся:

– Чайна, небось?

– Йес, сэр...

– Тогда давай чипсы.

Для этого международного термина перевод не требовался, а на закуску – сойдет. Шагая в направлении отеля, представлявшегося безопасным убежищем, Борис на всякий случай вертел головой в поисках предполагаемых киллеров в юбках и без. Никого и ничего подозрительного. Пока.

Попросив профессионально приветливого портье разбудить его в семь ноль-ноль, изможденный странник поднялся на двадцатый этаж. В коридоре царил абсолютная пустота и

тишина. Свет невидимых ламп показался не просто белым, а мертвенным, как в операционной. Или в морге... В номер идти расхотелось. А куда? Устроиться в лифте? Не поймут. Открывающаяся дверь издала подозрительно громкий щелчок. В комнате темно. И тихо.

В который раз осознавая собственный идиотизм, Борис швырнул в темноту меньший из пакетов, не содержащий стекла. И прыгнул следом, хлопнув ладонью по выключателю. Трюки пропали даром – зрителей не было.

Кто придумал пытку бессонницей? Ловец сенсаций, толком не спавший третьи сутки подряд, поневоле задался этим вопросом. И дал себе слово при первой возможности наведаться в один из любопытнейших архивов, а именно – в Петропавловку. Там наверняка предоставят исчерпывающую информацию... Надежно забаррикадировав дверь всей наличной в номере мебелью, он добросовестно выпил водки, пива, пожевал на удивление безвкусные корнишоны и мало отличающуюся от них ветчину. Чипсы же оказались практически несъедобными – соль с перцем и глутаматом.

Сон не шел. Многократный душ не помогал, а глоток свежего воздуха в суперсовременном высотном здании конструктивно не предусмотрен. Окно не открывается, стекло не разобьешь из пулемета... Может, черкнуть слово-другое? Увы, буквы на экране ползали сами по себе, не желая складываться. Тогда он, поставив верный ноутбук на зарядку,

твердо решил заснуть во что бы то ни стало. Когда за окном стало светать, все вдруг получилось само собой.

...Его, ползущего прочь от моря по раскаленному вязкому песку, нестерпимо мучила жажда. Надо бы встать, пойти или побежать во-он туда, где виднеются далекие строения. Там найдется глоток холодной воды. А еще там стоит Светка. Стоит почему-то спиной к нему, не замечая страданий несчастного. Он пытается приподняться, собрав в кулак всю волю... Но прямо по курсу возникает полисмен. Огромный дядя в синей униформе достает из кармана свисток и выдает оглушительные трели. При этом указывает рукой: вон отсюда! Назад, в море! «Мне туда нельзя! Там змеи!» – во весь голос кричит Борис и открывает глаза.

Никакого моря, песка, Светки и полицейского со свистком. Он лежит поперек огромной кровати, на тумбочке разрывается телефон, а во рту... Сняв трубку, журналист убедился: произнести что-либо членораздельное он не сможет. Язык напоминал наждак, завернутый в абразивную бумагу. Если портье не удовлетворится молчанием – перезвонит, получит добавку мычания. До рейса четыре часа. С учетом пробок – в обрез.

Надежда привести себя в относительный порядок, как и положено, умирает последней. Надо постараться, а то, чего доброго, в такси не пустят, не говоря о самолете... И побриться, побриться обязательно. Слезящиеся, налитые кровью глаза на опухшей физиономии... Похоже, у них в отеле

с зеркалами непорядок. Это – не я!

Сдирая щетину, далеко ушедшую от трехдневной элегантности, невыспавшийся пилигрим морщился и вспоминал бизнес-самбиста из тришинского «склада». Тогда, помнится, они сошлись в мере пресечения избыточно активных самцов – по морде. А доведись узнать: некий подонок изуродовал жизнь его жене, сестре, дочери... Вот, скажем, Светке? Пусть не вчера-позавчера, а давным-давно? Как поступил бы он, он сам? Побежал бы к судьям-сыщикам? Или – нашел, поймал и...?

Туговато придется Всевышнему, когда наступит пора разгребать завалы человеческого дерьма... «Ну и работенка у тебя, братец!» – авансом пожалел Борис бородатого арбитра.

Бизнес-класс делает длительный перелет через Атлантику и пол-Европы скорее приятным, чем утомительным. Можно отдыхать, спать, работать над статьями, смотреть кино либо созерцать небеса в иллюминаторе. Роскошь. Ноги помещаются любые. И кормят изумительно! Но есть не хотелось. Из еды люкс-пассажир выбрал только янтарную жидкость шотландского разлива.

Когда командир воздушного судна по внутренней трансляции торжественно оповестил о маршруте, высоте и скорости, Борису в очередной раз вспомнилась бабушка. Забавная сцена с ее участием произошла в сезонном скором поезде, где их семья к всеобщему восторгу заняла целое купе. В том

году у отца заподозрили туберкулез и порекомендовали провести месяц в Крыму. Приняв во внимание трудовые заслуги отпускника, профком выделил санаторную путевку и матери. Его, малолетнего, везли с собой в качестве бесплатного довеска. Бабушке решили взять курсовку на месте, а с проживанием – решится само собой.

Путь предстоял долгий – полтора суток, и взрослые для коротания времени взяли бутылку коньяка. В вагоне, кроме знатного крановщика, ехали двое его друзей-докеров, как гордо именовали себя работники порта. И к вечеру первого дня пути в купе организовалась пирушка. Бабушка пить благородный напиток из граненого стакана отказалась и всю первую поллитровку просидела в углу за вязанием, сердито выпятив нижнюю губу. А когда отец, разгоряченный веселой беседой, извлек откуда-то еще один «боеприпас», ее вдруг прорвало.

– Я сейчас позову милицию и сдам всю эту шайку! – совершенно серьезно заявила блокадница, – Как не стыдно так себя вести в советском скором поезде?!

Собутыльники несколько присмирели, но прекращать застолье и не подумали. Тогда ее тон сделался и вовсе грозным. Теперь обращалась непосредственно к сыну и невестке:

– Я вижу, матери у вас больше нет!

Борькины родители онемели. Как, из-за столь незначительного повода она отрекается от сына? Но продолжение гневной речи было еще более неожиданным.

– То есть мне здесь уже никто не нальет?!

Еще запомнилась в той поездке предложенная одним из отцовских друзей методика определения скорости путешествия. Он, о чем-то повествуя, бросил:

– Ехали мы тогда медленно, не более ста пятидесяти в час...

Бабушка не преминула поинтересоваться:

– И где это у нас такие быстрые поезда ходят? Ничего себе – сто пятьдесят километров в час, а ему медленно!

– Каких километров? Сто пятьдесят граммов в час – разве это скорость?

В самолете такой темп вполне устроит, можно и чуть по-медленнее. Поработав три часа, он закрыл и потер уставшие глаза. А все-таки как наивны бывают самые, казалось бы, умные и искушенные женщины! Роман, сценарий... Как же, разогнался. Продюсера она мне найдет... Надсмотрщика, чтоб не нарисовал ненароком, чего не следует – это да.

А вот мысль поискать по миру среди несчастных случаев и выделить подозрительные – дельная! Надо будет попробовать. Но сперва покончим со стародавней злосчастной пятеркой... Пардон, оговорился. Покончила с ними как раз она, а нам предстоит закончить обработку материала, оформить и подать начальству на блюдечке с голубой каемочкой.

Сенсация – не то слово. Это – бомба! Шефу придется по вкусу. Пожалуй, прозвучат знаменитые три слова. Гриша, до смешного скупой на командировочные, сходно относился и к

устным поощрениям «журликов». Высшую степень как восторга, так и отвращения к тексту выражал одинаково: «Ну, ты да-а-ал!» Умело поданная серия статей поднимет тираж до небес.

Надо же, она решила – «Кошмар» побоится какого-то суда, разборок... Да наш главный из судов неделями не вылезает, кучу штанов протер за арбитражным столом. Нет, отступаться нельзя. И еще. Они, подумать только, взялись помогать Господу в нелегком деле возмездия! А по-моему, отмеряют при этом совсем не равной мерой. Да, над ними издевались. Да, обижали, ранили телесно и душевно. Но никого ведь не убили! А у них, бедных овечек, «оправдательных приговоров не бывает». Этак через десяток лет существования клуба воинствующих мороженщиц будешь бояться по-другу за попку ущипнуть! Еще и последовательницы найдутся...

И вообще журналистское расследование для того и придумано, чтобы раскапывать, находить и выдавать на-гора горячие, а порой обжигающие факты и события. Как работает журналист? Очень просто: вопрос – ответ, и весь секрет. А уж читатель сам разберется и рассудит.

У него внезапно возникло странное желание. Не иначе – от переутомления и под воздействием алкоголя. Стихов не писал никогда, кроме как в школьную стенгазету. Изумленная потугами внука бабушка прочла дебют и не удержалась от напутствия: «Ты уж лучше рисуй, или на фигурных конь-

ках! Все больше проку, ей-богу».

Те давние вирши начисто вылетели из головы. Остались наиболее удачные, с его точки зрения, рифмы. К слову «све-ча» юный сочинитель подобрал красивое и редкое причастие «горча». Подумав, добавил: «бормоча». К «глазам» подошли «тормоза» и просто несусветные «волоса». Удивительно, как еще утонченно грамотную бабулю кондратий не хватил...

А сейчас пальцы самопроизвольно набрали:

«Трагедию прочел и сам себя спросил:

А все ли нам Шекспир великий сообщил?

Гертруда – Гамлету:

О, Гамлет! Быть или не быть – не нам решать:

Никто не в силах, милый принц, себя зачать.

Кем быть, как жить, куда идти – вопрос другой,

И здесь у каждого есть выбор свой.

Иным дано без жизни век прожить

И не познать, что значит петь, гореть, любить!

Король и шут равны на горестной земле:

Придут, оставят след. И – пропадут во мгле».

Нет, поэта из него определенно не получится, лучше и не пытаться. Но строчки стирать не стал – пусть будет презент ко дню рождения штатной рифмовальщице. Своеобразная особь. Всей редакцией отговаривали ее от жуткого псевдонима «Стэлла Астрова», но ничего не добились. Откуда взялась

и почему до сих пор не выгнали, у самой дамы не спрашивали, а главный на сей деликатный вопрос отвечал сколь лаконично, столь и туманно: «ставленница...» Вероятно, имелась в виду спонсорская протекция, хотя мужская часть коллектива больше склонялась к термину «солежалъница».

«До чего же интересно – она всерьез считает себя, по примеру Ахматовой, «не поэтессой – поэтом!» И, не стесняясь, изо дня в день штампует вирши, способные заставить покраснеть даже серую газетную бумагу. На фоне большинства ее перлов «глаза-волоса» и «свеча-бормоча» покажутся верхом совершенства... К своим неуклюжим строчкам добавлю привет из нью-йоркской ледяной пещеры: «наши садисты белы, пушисты», – решил авиасочинитель, – Поцелуем в щечку милашка Стэллочка не отделаемся. Магарыч сорвем!»

В салоне вновь посветлело. «Очередная кормежка? Нет, не буду. Вот вискарик у них на удивление хорош... кстати, последовала очень своевременная информация – пролетаем над Великобританией. В состав королевства наряду с Англией, Уэльсом и мятежной Северной Ирландией входит Шотландия. Там его, славненький, и гонят. За это полагается выпить. Скорость сбавлять никак нельзя! Кстати, о скорости. Существует общепринятое понятие «крейсерская». Возникло с морского флота, не иначе. Странно, между прочим. Линкорной или миноносной, даже торпедно-катерной скорости нет, а крейсерская – есть! Дискриминация, однако... Если ее, скажем, перенести на объем – это как получит-

ся? Напитки у них на морях-волнах серьезные... Ром, грог. Превысишь положенные сто пятьдесят – и за борт?»

Осмысление возможных последствий нарушения правил дорожного продвижения в морском понимании далось непросто. За борт неохота! Отрицательно помотав головой, Борис заодно опять отказался от предложенных на выбор птицы, рыбы и говядины с кучей аппетитных гарниров. Попросил только «принести еще».

По-американски улыбчивая стюардесса с видимым, а может, умело изображаемым удовольствием обслуживала симпатичного молчаливого русского. Но тут лишь вопросительно подняла бровки. Тогда он, присмотревшись к бейджику на приятно оформленной груди, решил обратиться по имени.

На вполне понятном всему миру языке жестов пощелкал по кадыку и дополнил чем-то вроде: «Диа Сьюзен! Гив ми ванс эгэйн виски виз айс, плизз». На этот раз просьба была услышана, и воздушная проводница, понимающе кивнув, отправилась за добавкой. На подносе, кроме стакана, оказалось неожиданное дополнение. А пассажир при виде разноцветных, щедро посыпанных тертым шоколадом шариков вдруг побледнел и отодвинулся, по-детски прижавшись к спинке просторного кресла. И заговорил гораздо отчетливее.

– Oh, no! Thanks, that is not necessary. I changed my mind. Sorry. I'm sorry!

– How? You don't like ice cream?

– Fed up with!

– Too bad... Then, may be, some more whiskey?

(– О, нет! Спасибо, этого не надо. Я передумал. Простите!

– Как, вы не любите мороженое?

– Сыт по горло!

– Жаль... Тогда, может быть, еще виски?)

Симпатичное личико выразило настолько искреннее огорчение... В его мозгу, изрядно перегруженном вновь обретенным не самым приятным знанием, напряжение внезапно сменилось покоем. Информация занимала свои полочки, что-то отсеивалось, отходило на второй план, что-то становилось на свои места. Теперь он ясно представлял себе будущие статьи вплоть до разбивки по абзацам. Следующая фраза прозвучала весело и по-русски, но была отлично понята.

– А, впрочем, что это я? Давайте сюда и виски, и ваше мороженое!

Лайнер продолжал свой путь. Где-то внизу бушевал шторм, но на такой высоте это было незаметно. Огромное тело самолета казалось неподвижным, и о полете напоминал только негромкий гул турбин.

В голове слегка шумело. Хотелось думать – это моторы, а никак не алкоголь... «О чем там Светка говорила? Стюардессы Жанны... или Сюзанны? Эта вот как раз Сюзен... Красивая. А еще она сказала... Надо вспомнить... Остерегайся... Глупенькая... Вроде я буду пытаться за кем-то приударить... В самолете? Ну-ну... Да, с аэродрома – и в мужья.

Решено. Не зря же брился!»

Журналист, наконец одолевший изысканное лакомство, затих в своем кресле. А стюардесса, проходя мимо, заметила и подняла с пола потрепанную записную книжку. Возвращать находку на столик не стала, быстро и незаметно поместила в карман фартука. Русская поговорка, призванная служить назиданием раззявам-растеряхам, гласит: «Что упало, то пропало!» Прямого аналога в английской речи нет, там гораздо проще. «Finders keepers, losers weepers», или: «Нашел – мое».

Она заботливо поправила сползший с длинных ног плед и прошла в служебный отсек. Предстояло сделать еще немало, в том числе аккуратно удалить из памяти репортерского ноутбука все текстовые файлы. А лучше – извлечь из опасного «чемоданчика» жесткий диск и хорошенько подогреть в конвекционной печке, вместе с очередным горячим блюдом. И только после всего этого сообщить командиру пренеприятнейшее известие.

Ревизоров как таковых на авиарейсах не бывает. То есть во время стоянки в аэропорту контрольный визит вполне возможен, но в воздухе – исключено. А вот с одним из пассажиров полупустого салона бизнес-класса явно возникла проблема. Его почему-то никак не удастся разбудить...